

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 4 (14) 2010

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричек Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

*Редакторы Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, Е.Ю. Коробицина
Технический редактор С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
Тел. (3452) 59-85-16.
Тел./факс (3452) 30-68-69.
Эл. почта naukatui@mail.ru
Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 16.12.2010. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 13,95. Уч.-изд. л. 12,54.
Тираж 1000 экз. Заказ № 013. Цена свободная.

© ФГОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2010

Содержание

1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

Шаганян А.М. Понятие ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....4

2. Проблемы государственного и муниципального строительства

Пожарский Д.В. Охрана общественных отношений как имманентная функция государства: проблемы обоснования классификационной группы10

Володина Л.М. Вопросы реформы органов внутренних дел.....15

Киричёр Е.В. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел в современной России.....21

3. Частное право, договорное регулирование

Чикулаев Р.В. Регулятивно-правовой механизм оборота ценных бумаг.....31

4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

Чукаева Н.Г. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство40

Костылев С.П. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат).....49

5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

Шеслер С.С. Понятие и классификация распознающих признаков объектов в криминалистической экспертизе54

Моргунов С.В. Вопросы совершенствования предупреждения рецидивной преступности в деятельности уголовного розыска59

Агамагомедова С.А. Взаимодействие таможенных органов Российской Федерации с другими государственными органами в сфере борьбы с оборотом контрафактной продукции.....66

6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

Заводнова С.В. Обязанности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства73

7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

<i>Карагодина А.А.</i> Некоторые аспекты деятельности милиции на Урале в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	81
<i>Кривоногова М.А.</i> Коллективные права: прошлое, настоящее, будущее	85
<i>Покрышкин Е.В.</i> Особенности детерминант наркопреступности цыганских общин и меры ее профилактики.....	89

8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

<i>Осинцева А.В.</i> Изучение мотивации сотрудников органов внутренних дел в типичных профессиональных ситуациях	94
--	----

9. Обзоры, рецензии, критика

<i>Лавров В.П.</i> Отзыв о диссертации Е.В. Смахина «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика».....	106
<i>Summary</i>	112
<i>К сведению авторов</i>	116

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

ПОНЯТИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.М. Шаганян

(преподаватель кафедры теории и истории права и государства Барнаульского
юридического института МВД России; sha-anneta@mail.ru)

Современный период развития российской государственности сделал актуальными проблемы, связанные с ограничениями прав и свобод человека и гражданина. В статье анализируются определения понятия ограничений прав и свобод, сформулированные в разное время российскими учеными. Автором предложена собственная трактовка рассматриваемого понятия.

Ключевые слова: человек, права, свободы, ограничения прав.

Как известно, права и свободы имеют первостепенное значение для нормальной жизнедеятельности любой личности. Именно поэтому в современном мире любое государство уделяет значительное внимание не только закреплению, но и соблюдению, реализации прав и свобод личности. Однако полной свободы быть не может, поскольку в таком случае могут быть ущемлены права и свободы других лиц, в результате чего появляется институт ограничения прав и свобод.

До образования государства право воплощалось в обычаях и имело религиозную основу. Появление правил поведения в первобытно-общинном обществе, а в особенности норм – табу, выводилось из необходимости ограничения, сдерживания биологических инстинктов [1, с. 244, 316]. Обычное, традиционное право формировалось в виде системы норм – запретов, норм – рамок, норм – ограничений. Именно ограничения явились фактором, обеспечившим первым людям выживание. Например, табу на инцест, на каннибализм, на убийство своих соплеменников явились тем «тотальным фактором» [2, с. 36], который выделил человека из мира природы и способствовал структурализации общества [3, с. 131]. Первобытное общество связывает человека по рукам и ногам, и в первобытной кровной организации – естественной или фиктивной – личность растворяется без остатка [4, с. 34-35].

При дальнейшем становлении права общество (и в особенности его доминирующая часть) было заинтересовано в том, «чтобы возвести существующие положения в закон, и те его ограничения, которые даны обычаем, традицией, фиксировать как законные ограничения» [5, с. 356]. Таким образом, право сформировалось на основе потребностей человеческой деятельности и ограничений, связанных с особенностями исторических условий, в которых действует личность.

Так, уже во времена Древней Греции в поэмах Гомера, Гесиода встречаются положения об основах справедливости, базирующихся на ограничениях, которые в дальнейшем развиты в суждениях и кратких изречениях (гномах) Клеобула («Средняя дорога есть наилучшая»), Солона («Ничего сверх меры»), Фалеса («Не делай сам того, что ты порицаешь в других») и др. [6, с. 117].

Ограничения прав использовались также в римском праве, например, законами XII таблиц предусматривалось четыре вида ограничения права собственности на землю [7, с. 180]. Кроме того, римские юристы выделяли сервитуты (право пользования чужой вещью в определенном отношении), обозначавшие частичное господство над вещью, которое может быть установлено либо в интересах известного имущества, независимо от того, кто будет собственником этого имущества, либо в

интересах известного лица или учреждения.

Российское общество издревле строило свое бытие в соответствии с требованиями христианского миропонимания, предполагавшего воспитание в человеке осознания своих обязанностей, – религиозных, семейных, государственных, приоритета долга перед правом. Православие учило, что абсолютизация прав неизбежно приводит к взаимным претензиям, ссорам, обидам. В России слабая идея права всегда уравнивалась сильной идеей христианского долга, баланса духовно-нравственного воспитания народа, что во многом обусловлено горьким опытом междоусобиц и агрессий, приучивших наших предков прежде думать об общем благе, об обязанностях друг перед другом и отечеством, а потом уж о своих правах [3, с. 131-132].

В российском законодательстве ограничение права собственности одного субъекта в интересах права пользования других впервые рассматривается в Соборном уложении 1649 г. Следующим этапом стали петровские реформы, целью которых было соединение самодержавно-крепостнического государственного устройства с некоторыми достижениями Западной Европы в области развития правовой системы. Причем отличительная особенность петровского законодательства – установка на активное усвоение западного, четко определенного законом правового порядка, ограничивающего волю и произвол субъектов управления. Ведущим стал принцип законности, являвшийся в большей части декларативным, потеснивший господствовавшие до этого обычаи и традиции.

Ограничения прав и свобод граждан в России в определенные периоды ее истории носили неоправданно жесткий, фактически репрессивный характер. Достаточно вспомнить такие печально известные нормативные акты, как «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года, «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 года, «Положение о чрезвычайных мерах охраны революцион-

ного порядка» от 3 апреля 1925 года, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» [8].

Игнорирование гражданами и государством принципа законности отмечал в своих трудах сто лет назад депутат Государственной думы адвокат Василий Макалов: «...Главный нарушитель законности у нас – сама власть, ее представители. Беззакония властей составляют главную, самобытную черту русской государственности, и так как высшие носители власти неоднократно заверяли, что полагают строгую законность основанием управления, то является особенно интересным посмотреть, какие меры были приняты ими, чтобы их собственные представители не противоречили этому обещанию» [9, с. 268]. В связи с этим смена курса России на становление демократического, правового государства неразрывно связана с преодолением правовой незрелости, поиском оптимального равновесия отношений между государством и личностью.

Совершенно справедливо, на наш взгляд, мнение по данному вопросу члена-корреспондента РАН Е.А. Лукашевой: «История становления и развития государственности неотделима от поиска оптимальных параметров взаимоотношений власти и человека», что напрямую связано с развитием идей правового государства, несовместимого с произволом и насилием» [10, с. 173, 215].

Бесспорен тот факт, что идея прав человека и конституционная идея всегда находятся в тесном взаимодействии, более того, представляют собой единое целое. Так, без закрепления прав и свобод человека невозможно представить конституцию любого современного государства. Права и свободы человека стали частью фундаментального порядка государства, для поддержания которого государственная власть в процессе реализации своих полномочий ограничивает себя правами человека. В свою очередь, права и свободы человека, хоть и приоритетны для государства, все же не являются абсолютными и безграничными. На сегодняшний день право является ме-

рой свободы, из этого, как следствие, вытекает необходимость ограничений. Именно право призвано и выступает инструментом защиты личности от произвола государственной власти, а ограничение прав и свобод предназначено для защиты общества, прав и свобод других лиц от произвола пользователя.

Отметим, что первым международно-правовым документом, в котором была провозглашена допустимость ограничения прав и свобод, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года [11, с. 2-3], а реализована она была в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, подписанной 4 ноября 1950 года 15 членами Комитета министров Совета Европы [12, с. 167].

На сегодняшний день ограничения прав и свобод содержатся во многих международно-правовых актах, посвященных правам и свободам человека и гражданина. Однако в данных документах отсутствует единое толкование понятия «ограничения права». Так, во Всеобщей декларации (п. 2. ст. 29), Пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4), Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (ст. 4) используется термин «ограничения», в Пакте о гражданских и политических правах (ст. 4) – термин «отступление государств от своих обязательств», в Американской конвенции о правах человека (ст. 27) – термин «приостановление гарантий», а в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод используется два термина – «ограничения» (ст.ст. 8–11, 18) и «отступление от своих обязательств» (ст. 15) [13, с. 28].

Российский законодатель, зафиксировав в Основном Законе нашего государства концептуальное положение о соотношении интересов личности, общества и государства, выраженное в следующем: «человек, его права и свободы, являются высшей ценностью», одновременно использовал юридический термин «ограничение прав и свобод человека и гражданина». Тем не менее существование настолько разнообразных понятий одного и того же явления обусловило неопределенность и расплыв-

чатость его содержания и многочисленные научные споры относительно его определения.

Исследуемая категория неоднократно рассматривалась правоведами как на общетеоретическом уровне, так и в рамках отраслей и подотраслей российского права [14, с. 223]. Однако единая, четкая интерпретация данного явления, которая выражала бы основные характеристики «ограничения» и явилась бы важной методологической предпосылкой изучения ограничения прав человека, отсутствует до сих пор. Между тем правильная дефиниция, по нашему мнению, позволяет выявить сущность определяемого явления, указать те его узловые признаки, без которых оно не способно существовать и от которых в значительной мере зависят все его иные признаки, поскольку «дать хорошее определение – значит раскрыть сущность определяемого объекта» [15, с. 48-49].

Обратим внимание на лексическое значение слова «ограничение». Ограничение – есть грань, предел, рубеж, удержание в известных рамках, границах; правило, ограничивающее какие-либо права, действия; стеснение определенными условиями; лимитирование сферы деятельности; сужение возможностей и т.п. [16, с. 647-648]

В рамках круглого стола «Принципы, пределы, основания ограничений прав и свобод человека по Российскому законодательству» был высказан ряд определений понятия «ограничения прав»: Так, В.Б. Исаков понимает его как «сознательно установленные обществом запреты» [17, с. 23]; М.А. Нагорная – как «изменение содержания и объема нормы права» [17, с. 36]; В.И. Гойман – как «осуществляемое в соответствии с предусмотренными законом основаниями и в установленном порядке сужение объема» [17, с. 26]; В.И. Крусс – как «изменение содержания прав человека, которое не должно касаться его сущности» [17, с. 62]; М.Н. Козюк – как «отклонение от правового равенства, когда сужается объем прав и свобод или расширяется объем обязанностей» [17, с. 52-53]. Кроме того, в научных трудах присутству-

ют следующие определения данного термина: «лишение или сужение субъективного права» [18, с. 83]; «изъятия из правового статуса гражданина в силу определенных обстоятельств» [19, с. 41]; «обусловленная природными, социальными и духовными причинами система конституционно-правовых средств, определяющая носителя, сферу нормативного содержания и порядок реализации основных прав человека и гражданина, но допустимая лишь в случае соответствия формальным и материальным критериям» [20, с. 26].

Представляется, что существование в научных кругах такого количества понятий «ограничения прав» затрудняет понимание его истинного содержания и, следовательно, имеется реальная возможность для сознательного искажения его сути и применения большего объема ограничения прав, чем того требовалось в действительности.

С точки зрения общей теории права детальный анализ понятия «ограничение» предложен А.В. Малько [21, с. 14-26], который рассматривает его как правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; это исключение определенных возможностей в деятельности лиц. По мнению А.В. Малько, ограничения прав, выполняя негативную (отрицательную) мотивацию по отношению к собственным интересам субъекта, играют одновременно положительную роль в правовом регулировании поведения, ибо направлены, в конечном счете, на обеспечение социально полезных интересов контрсубъекта, общества в целом [22, с. 59].

Подобное многообразие определений рассматриваемого явления и, как следствие, отсутствие четко сформулированного, единого законодательно закрепленного понятия «ограничение прав и свобод» приводит, по мнению Б.С. Эбзеева, к тому, что судьи Конституционного Суда, анализируя нормы Конституции Российской Федерации, содержащие указанный термин, вынуждены характеризовать его

неоднозначность как богатство содержания обозначаемых им понятий [23, с. 230]. Однако В.В. Лапаева справедливо, на наш взгляд, называет такое применение в нормативном акте одного и того же термина в разных смысловых значениях дефектом юридической техники. В частности, она отмечает: «В данном случае мы имеем дело с дефектом, создающим серьезные проблемы для его толкования» [24]. Является правильным мнение Г.Т. Чернобеля, который отмечает, что «в процессе принятия и реализации нормативно-правовых актов нельзя оперировать понятиями недостаточно четкими, ясными» [25, с. 40], тем более что термины в юридической науке идентичны терминологии закона и языку практической юриспруденции [26, с. 29].

Действительно, подмена термином «ограничение» иных более подходящих по смысловому значению понятий как минимум не обоснованна, а иногда приводит к отождествлению, двусмысленному пониманию двух разных понятий, обозначающих неодинаковые явления. Следовательно, должно быть выработано единое понятие «ограничение права», которое должно приниматься как базовое для отраслей права и учитываться при подготовке, принятии и реализации нормативных правовых актов, а также при их толковании.

Свою собственную точку зрения на определение ограничений прав высказывает также и Б.С. Эбзеев, обозначая их как «допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина» и, кроме того, «в качестве ограничений основных прав могут рассматриваться также изъятия из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод» [17, с. 24]. Считаем, что с указанной позицией трудно согласиться, поскольку ограничения не исключают отдельные правомочия из содержания права, а лишь сужают возможности в осуществлении субъективного права, являются определением пределов свободы личности в обществе и государстве. В данном случае справедливо, на наш взгляд, мнение И.А. Ильина о том, что любой че-

ловек должен приучить себя к тому, чтобы доброй волей ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также имеют право жить и осуществлять свои интересы [27, с. 96].

Определенный интерес представляет формулировка категории «ограничение прав», данная А.А. Подмаревым: это установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином) прав (свобод), выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства [28, с. 44].

Проведенное исследование имеющих в научной литературе подходов к определению категории «ограничения прав» позволяет говорить о необходимости однозначного понимания данного термина, его законодательного закрепления, которое, конечно же, повлечет за собой более точные формулировки положений нормативных актов и упорядочивание терминологии.

Так, несмотря на разнообразие представленных в научной литературе разными исследователями определений термина «ограничения прав», каждое из которых, безусловно, имеет право на существование, считаем возможным предложить собственную дефиницию рассматриваемого явления, которая, по нашему мнению, в полной мере отражает его суть, отображая основные характеристики рассматриваемого явления. *Ограничения прав* – предусмотренное правовыми нормами (законом) уменьшение количества вариантов юридически дозволенного поведения путем установления его различных пределов либо полного его запрета, обусловленное согласованием интересов личности, общества и государства, а также защитой конституционно охраняемых общественных отношений от произвола.

1. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. 316 с.

2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. 640 с.

3. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: курс лекций / под ред. Ю.В. Анохина, В.Н. Бутылина. 2-е изд., перераб. и доп. Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. 231 с.

4. Котляревский С.А. Власть и право. М., 2001. 366 с.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. М., 1962. 556 с.

6. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979. 185 с.

7. Новицкий И.Б., Петерский И.С. Римское частное право. М., 2009. 304 с.

8. URL: <http://www.rkka.ru/docs/spv/SPV3.htm> (дата обращения: 16 дек. 2009 г.).

9. Маклаков В.А. Произвол и законность. Права человека и правовая мысль России (XVIII – начало XIX вв.): Антология. Курск, 2001. 264 с.

10. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Лукашева Е.А. М., 2004. 576 с.

11. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апр.

12. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод, подписанная 4 ноября 1950 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

13. Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничения основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 185 с.

14. Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И. Международные нормы о правах человека и применение их судами РФ. М.: Права человека, 1996. 426 с.

15. Ивин А.А. Логика: учебник. М., 2004. 352 с.

16. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. Т. 2. 780 с.
17. Исаков В.Б. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20-42; № 8. С. 39-70.
18. Братко А.Г. Запреты в советском праве. М.: НОРМА, 1996. 452 с.
19. Русско-украинский словарь терминов по теории государства. Харьков, 1993. 63 с.
20. Должиков А.В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 27 с.
21. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5. С. 97-99.
22. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2004. 250 с.
23. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 567 с.
24. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ [Электронный ресурс] // Российское право. 2005. № 7. URL: <http://www.lavmix.ru/comm/537/> (дата обращения: 2 февраля 2010 г.).
25. Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998. 283 с.
26. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник для вузов. Изд. 2-е, перераб. М., 2008. 576 с.
27. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 17-21.
28. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 185 с.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ИММАНЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ

Д.В. Пожарский

(докторант кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления
МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
г. Москва; dimapozharsky@yandex.ru)

В настоящей статье рассматривается охранительная функция государства в качестве его имманентной деятельности. Анализируются классификационные проблемы функций государства. Рассматривая наиболее устойчивые в отечественной юридической науке классификационные модели, автор пытается выявить их положительные и уязвимые стороны применительно к охранительной функции государства.

Ключевые слова: государство, функция государства, охранительная функция, проблемы классификации, охрана общественных отношений, имманентная функция, публичное воздействие.

Теоретическое обоснование и изучение имманентных (т.е. внутренне присущих, неотъемлемых) функций государства в качестве самостоятельной классификационной группы сопряжено с определенными методологическими проблемами и не может не вызывать дискуссии. Одной из проблем выступает сохраняющаяся в отечественной юридической науке полемика относительно классификационных моделей, используемых при функциональной характеристике государства.

Действительно, как объект научно-теоретической классификации функции государства представляют собой весьма сложный и противоречивый «материал». В юридической литературе можно насчитать более десятка классификаций функций государства, при этом практически каждая модель не свободна от определенных условий.

По мнению М.И. Байтина, одной из причин такой множественности является отождествление системы функций государства и их классификации, а также различие классификационных критериев [1, с. 205]. Функции государства представляют собой объективную реальность, однако их классификация производится субъективно, в соответствии с различными осно-

ваниями деления, избранными исследователями [2, с. 30-31; 3, с. 200].

На основе выявления и краткой характеристики основных классификационных проблем обозначим теоретические предпосылки для рассмотрения охранительной деятельности государства в качестве одной из его имманентных функций.

1. Охранительная деятельность государства и проблемы разграничения главных (основных) и неосновных функций.

Впервые деление функций государства на основные и неосновные было обосновано советскими правоведом в середине прошлого столетия [1, с. 207-208; 4, с. 134; 5, с. 12; 6, с. 146-151]. В качестве критерия была избрана важность (социальная значимость) задач, социальных проблем, решаемых по мере реализации той или иной функции. Однако четкость такого критерия нередко вызывает критику.

Функции государства, как проявление его активных и динамических свойств, характеризуются проявлением в различной степени таких философских категорий, как «общее» и «особенное» [7, с. 57]. Диалектика этих категорий может оказаться продуктивной при использовании рассматриваемой классификационной конструкции.

Рассмотрение основных и неосновных функций применительно к государству «вообще» (государство-абстракция) представляется едва уловимым и недостаточно отражает наиболее общие понятийно-категориальные свойства (природа и сущность, главные признаки, социальное назначение и др.) этого сложнейшего социально-политического феномена.

При исследовании же функций государства, рассматриваемого с позиций идентичности его типологических свойств (исторический тип, тип политического режима, тип политико-территориального устройства и др.) или персонифицированного государства, различение основных и неосновных функций становится методологически продуктивным, наполняясь конкретным содержанием.

Например, вполне обоснована постановка вопроса о функциях классового (рабовладельческого, феодального, буржуазного) государства, тоталитарного или демократического государства, полицейского государства, социалистического, социального, правового, федеративного государства, теократического государства, государства переходного периода и т.п.

К примеру, защита рабовладельцев нередко признается важнейшей функцией рабовладельческого государства; обеспечение права господствующего класса на землю, владение крепостными и присвоение значительной части произведенного продукта – главной функцией феодального государства; обеспечение классового господства буржуазии над эксплуатируемым пролетариатом – основной функцией буржуазного государства [8, с. 8].

Социальная значимость функций государства рельефно проявляется в кризисные или переходные периоды. Некоторые из функций приобретают судьбоносный характер (защита от внешней агрессии). Выявление основных и неосновных функций государства существенно облегчается при наличии юридически закрепленного перечня таковых.

К примеру, в Конституции СССР 1977 г. (ст. 31) содержалось следующее положение: «Защита социалистического Оте-

чества относится к *важнейшим* (выделено нами. – Д. П.) функциям государства и является делом всего народа». Поучителен тот факт, что в советской государственно-правовой практике данному вопросу придавалось большое значение, на конституционном уровне текстуально и недвусмысленно были закреплены не только функции государства, но и вопросы их иерархии. В силу известной стабильности и устойчивости основного закона государства закрепляемые функции государства приобретали аналогичные свойства.

Рассматривая охрану общественных отношений, следует отметить, что применительно к государству это явление и процесс проявляется одновременно в двух последовательно вытекающих друг из друга ипостасях:

а) как его имманентная цель – обеспечение безопасности общества, общественных отношений;

б) как его имманентная функция – охранительная.

Наделение безопасности общества статусом имманентной цели государства не нуждается в усиленной аргументации. «Исключительно государству принадлежит защита общества и его членов, – писал Г. Еллинек, – а с тем вместе и своей территории против вторжений извне. Эта функция и соответствующая ей цель никогда не отсутствовали у государства, даже в самой рудиментарной его форме... Во всякой государственной функции есть элемент, целью которого есть сохранение и усиление самого государства» [9, с. 259-260].

В свою очередь, охранительная функция может быть рассмотрена с точки зрения единства и многообразия ее объектно-предметной обусловленности: политическая безопасность, экономическая безопасность, идеологическая безопасность, экологическая безопасность, юридическая безопасность, информационная безопасность и др.; а также вариативности и специфики форм и содержания охранительной деятельности:

– охрана и защита сущностных свойств и интересов государства (его территориальной целостности (оборона стра-

ны), суверенитета, конституционного строя и др.);

– охрана и защита прав и интересов господствующего класса (рабовладельческое, феодальное и буржуазное государство, социалистическое государство в период становления), прав и свобод граждан (современное демократическое государство, общенародное государство развитого социализма);

– охрана и защита важнейших общесоциальных интересов: труд, образование, здоровье населения, общественная нравственность, культурное наследие, религия (в ряде государств);

– профилактика посягательств на общественные отношения (социальные блага), к примеру, правоохранительная или контрольно-надзорная деятельность;

– организационная (информационная, воспитательная, оперативная и т.п.) охранительная деятельность государства;

– иные формы охранительного воздействия государства (правоохрана, правотворчество, правореализация (правоприменение) [10, с. 170; 3, с. 203]).

Применительно к содержанию охранительной функции государства представляется обоснованной постановка вопроса о соотношении *охраны* общественных отношений и *сохранении (сбережении)* достигнутого уровня социального развития в той или иной сфере. Обращаясь к трудящимся, В.И. Ленин писал: «Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт – все это отныне будет всецело вашим, общенародным достоянием» [11, с. 204].

Термины «хранить, беречь» и «охранять» в данном случае приобретают относительно самостоятельные смысловые оттенки.

2. Охранительная функция в контексте соотношения постоянных и временных функций.

Временные параметры осуществления функций государства служат основанием их деления на постоянные и временные. Подобная классификация, часто используемая в юридической литературе, продуктивна при изучении функций государства,

существующего в конкретных историко-политических условиях. Однако чем выше уровень абстрагирования при рассмотрении государства, чем ближе его контуры к идеальному типу, тем больше трудностей возникает при анализе функций в соответствии с указанным критерием. Следует также учесть, что государство и его институты – динамичные, эволюционирующие явления, в связи с этим рассмотрение тех или иных функций в качестве постоянных или временных должно осуществляться с учетом объективных историко-политических условий существования государства.

Система функций государства в небольшой степени обусловлена его задачами. Однако иногда, к примеру, в условиях острой политической борьбы, процесс формирования политических задач в известной степени обусловлен волюнтаризмом или популизмом, может характеризоваться стихийностью и бессистемностью. Обусловленные такими задачами функции государства нередко утрачивают стабильность и исчезают, так и не достигнув социально желаемых результатов.

Как видим, деление функций государства на постоянные и временные – довольно условный методологический прием, не всегда и не в полной мере отражает наиболее общие закономерности развития и функционирования государства. Между тем именно общие закономерности развития и функционирования государства являются компонентом предмета теоретико-правовой науки.

Однако полностью отказываться от временных характеристик при функциональной характеристике государства не следует, равно, как и от классификации постоянных и временных функций. В связи с этим представляется методологически целесообразным несколько изменить постановку вопроса. При исследовании функций государства-абстракции (государство как теоретико-правовая категория) более предпочтительным видится рассмотрение категорий «постоянное» и «временное» в содержании имманентных функций государства.

Охранительная функция государства, вне всякого сомнения, может быть изучена при помощи выявления и анализа хронологических (постоянное, временное) характеристик в ее содержании. Вполне очевидно, что в содержании охранительной деятельности государства с течением определенного, иногда исторически краткого времени (не говоря обо всей исторической траектории развития государства) рельефно выделяются (исчезают) те или иные приоритеты охранительного воздействия.

К примеру, по мере эволюции идеи прав человека государственно-правовая охрана и защита прав и свобод [12, с. 18], граждан (всех и каждого) сменила охрану интересов рабовладельцев, феодалов или буржуа. В результате развития человеческой цивилизации, научно-технического и экономического прогресса в числе объектов государственной охраны оказалась природа [13], информация [14] и др.

3. Классификация функций государства по сферам жизни общества и проблемы отнесения к данной группе охранительной функции.

Классификация функций в зависимости от сфер их приложения или сфер жизнедеятельности социума (в некоторых источниках – единая классификация [15, с. 368]) сегодня выступает одной из общепринятых и, как правило, не вызывает серьезных дискуссий.

При отнесении охранительной функции к данной классификационной группе также приходится сталкиваться с рядом теоретических и методологических трудностей и вопросов. Во-первых, можно ли считать государственную охрану общественных отношений относительно обособленной сферой? Во-вторых, насколько обоснована постановка вопроса о том, какую именно деятельность государство осуществляет в той или иной сфере, не придавая самим сферам решающего значения?

Отвечая на первый вопрос, необходимо признать, что охрана общественных отношений представляет собой именно сферу, со своими относительно четкими границами, ценностно-смысловыми основаниями, отношениями, субъектами и объектами и,

наконец, со специфическим содержанием. Охранительная деятельность государства может быть рассмотрена с точки зрения правоотношений, совокупность которых выступает дополнительным аргументом в пользу признания охранительной сферы в качестве самостоятельной. Ее специфика выражается в том, что по своей природе она выступает в качестве производного образования, то есть обусловлена иными первичными сферами (областями) социального бытия (политика, экономика, культура, природная среда и др.). Безопасность отношений, возникающих в указанных сферах, выступает главным предназначением и сущностным свойством охранительной функции государства.

При поиске и обосновании ответа на второй вопрос необходимо принять во внимание то, что в отечественной науке уже высказывалась мысль о необходимости различения функций-задач и функций-операций. Одним из первых данную классификацию предложил и обосновал Б.П. Курашвили, полагающий целесообразным рассматривать чистые, первичные функции, из которых впоследствии выделяются линейные (объектные) функции и операционные, процессуальные функции государства [16, с. 26-35].

Аналогичную позицию обозначает Ю.А. Тихомиров, предлагая делать акцент на «...гибком балансе учредительных, легализующих, регулирующих, распорядительных и контрольных функций в различных сферах жизни общества» [17, с. 6].

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что отнесение охранительной функции к той или иной классификационной группе является непростой задачей.

Однако решать данный вопрос все-таки необходимо. Здесь весьма уместна точка зрения, высказанная в свое время Б.П. Курашвили. Ученый вводит в оборот понятие «интегративная функция государства», попарно рассматривая в качестве таковых: внутреннюю и внешнюю функции, функцию *сохранения* (выделено нами. – Д. П.) и функцию развития [16, с. 32-34].

В связи с этим представляется целесообразным рассматривать охранительную функцию в качестве имманентной функции государства, т.е. той функции, которая внутренне присуща ему и осуществляется на любом этапе его исторического развития в различных сферах жизни общества применительно к различным объектам.

1. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979.

2. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти: теория, история, перспективы. СПб., 2003.

3. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001.

4. Денисов А.И. Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции. М., 1967.

5. Каск Л.И. Функции и структура государства. Л., 1969.

6. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М., 1970.

7. Мамут Л.С. Метаморфозы восприятия государства // Проблемы ценностного подхода в праве / ИГП РАН. М., 1996.

8. Радько Т.Н. Теория государства в схемах и определениях: учеб. пособие. М., 2011.

9. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.

10. Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2009.

11. Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985.

12. Сим А.В. Функция охраны прав и свобод личности в современном российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

13. Сизов В.Е. Экологическая функция государства и механизм ее реализации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

14. Степанов О.А. Правовые основы обеспечения охранительной функции государства в условиях использования новых информационных технологий. М., 2000.

15. Теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001.

16. Курашвили Б.П. О системе функций государства // Проблемы государства и права: тр. научных сотрудников и аспирантов. Вып. 9. М., 1974.

17. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. 2004. № 4.

ВОПРОСЫ РЕФОРМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Л.М. Володина

(заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Института
государства и права Тюменского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор; ludm-m-v@yurati.ru)

В статье рассмотрены проблемы реформы органов внутренних дел Российской Федерации, содержание проекта закона «О полиции», даны предложения о совершенствовании законопроекта, сформулированы направления реформирования правоохранительных органов.

Ключевые слова: правоохранительные органы, реформа, права человека, проект закона, назначение полиции, властные субъекты, обязанности, ответственность.

Проведение той или иной реформы в механизме государственной власти всегда сопряжено с поиском причин неудовлетворительного состояния реформируемого элемента системы и путей повышения эффективности ее функционирования, улучшения ее качественного состояния, форм ее реорганизации. Проблемы функционирования правоохранительной системы являются предметом пристального внимания не только в России. Семинары и конференции, организуемые Советом Европы, принятие Советом Европы программы деятельности по развитию и упрочению демократической стабильности, заключение соглашений между странами – членами Совета Европы о взаимной помощи в борьбе с преступностью и защите прав человека путем проведения консультаций – все это свидетельство потребности общественного развития в направлении демократизации национальных правоохранительных систем.

В России идет активное обсуждение проекта федерального закона «О полиции». Острота проблемы, связанной с необходимостью преобразования правоохранительной системы, сопряжена с глубоким кризисом доверия к российской милиции. В апреле 2007 года ВЦИОМ провел исследование отношения россиян к деятельности ряда государственных и общественных институтов. Опрос показал: работу правоохранительных органов одобряют только 32 % опрошенных, отрицательную оценку дали 50 % респондентов [1].

Никто не сомневается в необходи-

мости реорганизации правоохранительной системы государства, однако то обстоятельство, что очередная реформа осуществляется в отрыве от ныне действующего законодательства, регламентирующего деятельность органов предварительного расследования, настораживает. Разумность реформирования требует обдумывания концепции комплексного подхода к реорганизации всей правоохранительной системы, а не только и не столько принятия нового закона, устанавливающего порядок организации и функционирования отдельного правоохранительного органа. Отдельно принимаемые законы и бесконечные поправки в действующее уголовно-процессуальное законодательство порождают противоречивость нормативно-правовой базы, нестабильность закона, проблемы правоприменительной практики.

Предлагаемый законопроект законодатель никак не связывает с уголовно-процессуальным правом. Более того, в законопроекте предлагаются нормы, явно противоречащие требованиям УПК РФ. Так, не вполне понятна позиция авторов законопроекта, предлагающих новеллу, содержащуюся в части 4 ст. 15., в соответствии с которой лицо, подвергнутое задержанию, вправе пользоваться в соответствии с федеральным законом услугами адвоката (защитника) и переводчика *с момента водворения его в специально отведенное помещение*. Действующий уголовно-процессуальный закон (п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ) предусматривает право на защиту с момента

фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Совершенно очевидно, что принятие предполагаемого закона потребует пересмотра и кардинального изменения системы норм уголовно-процессуального права, касающихся регламентации статуса новых участников уголовного судопроизводства, порядка досудебного производства и применения мер уголовно-процессуального принуждения. И это лишь узкий блок вопросов. Более глубокий анализ рассматриваемой проблемы дает ученым основание говорить о необходимости «концептуальной унификации уголовно-полицейской деятельности на институциональном, процессуальном и материально-правовом уровнях для того, чтобы затем иметь возможность на тех же уровнях технически дифференцировать эту деятельность [2, с. 87].

Реформирование правоохранительной системы требует фундаментального подхода, включающего многоуровневое решение проблемы. В числе прочих вопросов, требующих решения, – вопросы кадрового состава и подготовки сотрудников полиции. О первостепенном значении отбора, обучения и подготовки должностных лиц по поддержанию правопорядка говорится в Руководящих принципах для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г.), утвержденных Резолюцией Экономического и социального совета ООН от 24 мая 1989 г. Неплохо было бы обратиться к зарубежному опыту подбора кадрового состава органов полиции, например, к опыту решения подобной задачи в землях Германии, где существует сложная многоступенчатая система отбора будущих служащих полиции, исключающая элемент случайности.

Законодателю не следует спешить. Смена «вывески» не решит главной проблемы. Кроме того, ряд положений законопроекта требует серьезной корректировки. Так, анализ ст. 1 законопроекта «Полиция и ее назначение» дает основание говорить

о том, что формулировка, заложенная в содержание нормы, страдает целым рядом недостатков. *«Полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел (далее – федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел), и предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее – граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности».* Нагромождение слов «убивает» дефиницию – это первое впечатление от будущего закона. Дефиниция должна отражать существенные свойства определяемого явления, признаки, внутренне присущие ему, истекающие из его природы. Попытаемся выяснить, что все-таки определяет смысл и назначение полиции.

Выработка государственной политики в конкретном направлении деятельности предполагает определение целей и задач стратегического характера, определение содержания этого направления деятельности, форм ее осуществления, образование соответствующих государственных органов, организацию их функционирования. Полиция как орган исполнительной власти не может и не должна заниматься *выработкой* государственной политики в сфере внутренних дел. Возлагать подобные задачи на один из органов исполнительной власти недопустимо. Одновременно возникает ряд вопросов, касающихся не только реальных возможностей полиции, но и концептуальных основ внутренней политики государства в сфере правоохранительной деятельности. Это относится прежде всего, к необходимости четкого определения целей и задач государства в сфере правоохранительной деятельности, определения основных направлений этой деятельности, разработки ясного механизма обеспечения

прав и свобод человека, стратегии противодействия преступности.

Что касается *реализации* государственной политики в сфере внутренних дел, полиция как орган исполнительной власти полномочна осуществлять в порядке, предусмотренном законом, деятельность, направленную на защиту прав человека и безопасность общества. Представляется, однако, что речь должна идти скорее о реализации положений Конституции Российской Федерации и требований федерального законодательства о защите прав и свобод человека и гражданина, о защите общества путем поддержания правопорядка.

Нормативно-правовое регулирование не может являться назначением полиции. Нормативно-правовое регулирование, строго говоря, – прерогатива законодательной власти. Правда, в рамках своей деятельности органы исполнительной власти вправе принимать ведомственные инструкции и иные акты внутреннего регулирования. Вместе с тем очевидно: вопросы организации, состава, структуры органов полиции, задач и основных направлений ее деятельности должны быть урегулированы федеральным законом.

Часть 2 ст. 1 законопроекта устанавливает право полиции применять меры государственного принуждения, в том числе физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, в пределах, установленных федеральным законом. Включение этого положения в текст нормы, определяющей назначение полиции, некорректно.

Назначением полиции непререкаемо должна быть *защита человека, его прав, свобод и законных интересов, защита безопасности общества путем поддержания правопорядка*. Нет никакой необходимости перечислять в норме «граждан, иностранцев, апатридов» и пр. Государство призвано осуществлять функцию защиты прав человека, ибо для того оно и существует как форма человеческого общежития. Включать в назначение органов полиции право на применение мер государственного принуждения нельзя еще и потому, что применение этих мер – лишь одно из средств воз-

действия на поведение человека, нарушающего принятые и действующие в обществе нормы поведения.

Право полиции применять меры государственного принуждения, кроме того, закреплено в п. 9 ст. 13 законопроекта, устанавливающей права полиции. Не вполне понятно в связи с этим, почему глава 4 законопроекта названа «Применение полицией *отдельных* мер государственного принуждения». Думается, что содержание главы должно в полном объеме включать все вопросы, связанные с правом полиции на применение мер государственного принуждения. Это даст возможность избежать отдельных повторов, встречающихся в тексте проекта, и сконцентрировать внимание на регламентации самого жесткого способа реагирования государства на допущенное правонарушение.

Назначение какого-либо государственного органа всегда предполагает в качестве составляющей целеполагание – направленность в будущее, результативность деятельности этого органа. Цель достигается путем решения конкретных задач. Задачи – конкретика сегодняшнего дня: решая задачи, мы обеспечиваем желаемый результат. Анализ действия обеспечивательных механизмов в сфере правоохраны дает основание утверждать, что задачи как средства достижения цели должны выражать смысл деятельности каждого органа, действующего в этой сфере. Правоохранительные органы действуют в направлении достижения единых целей, но задачи, стоящие перед ними, обладают определенной спецификой, при этом они, действуя от имени государства, используют свои методы и способы в решении этих задач [3; 4]. Между тем законопроект не определяет задач полиции.

Механизм защиты прав человека должен представлять собой властно действующую силу, выступающую от имени государства, способную не на словах, а на деле защитить человека, силу, обеспечивающую законность и справедливость, которая должна быть равным образом обращена и на правонарушителя и на жертву. И даже в первую очередь на жертву правонаруше-

ния, ибо государство обязано обеспечить человеку естественные неотчуждаемые права: право на жизнь, на здоровье, защиту его собственности. Одной из важнейших гарантий прав человека в сфере правоохранительной деятельности являются обязанности властных субъектов. Реальное поведение участников правоотношений во многом зависит от своеобразия метода правового регулирования и определенного законом статуса участников правоотношения. Поведение участников правоотношения будет соответствовать установленной нормами права модели только при определенных условиях. Р.О. Халфина выделила ряд критериев модели поведения участников правоотношений, в том числе: распределение прав и обязанностей, обеспечивающее их согласованность; установление правовых средств для осуществления управомоченным его прав и принуждения обязанного к надлежащему исполнению его обязанностей [5, с. 242-257].

Особенность правоотношений, возникающих в сфере правоохранительной деятельности, заключается в том, что одной из сторон этого правоотношения является властный субъект, выступающий от имени государства. Он, реализуя свои полномочия, обязан действовать в силу закона и профессионального долга. В рамках этого вида правоотношения другая сторона подчинена властному субъекту, она рассчитывает на должное поведение властного субъекта. Статья 12 законопроекта содержит солидный перечень обязанностей полиции. Однако обязанности в этом списке, с одной стороны, смешаны с задачами полиции (которые, как уже говорилось, специально проектом не оговорены), с другой стороны, названные обязанности не персонализированы. На полицию возлагаются, например, обязанности: *защищать* от преступных и иных противоправных посягательств жизнь, здоровье, права и свободы, а также имущество граждан; *выявлять* причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; *оказывать* первую помощь

гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев; *обеспечивать* общественный порядок на улицах, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах и т.п.

Исходя из общих представлений динамики правоотношения, реальное поведение субъекта должно соответствовать требованиям правовой нормы. Для обеспечения должного поведения субъекта закон закрепляет правовые средства воздействия. В тех случаях, когда «отклонение реального поведения оказалось необратимым», возникает необходимость применения этих особых правовых средств. Это правовые средства, «которые в различных формах осуществляют две важнейшие функции: компенсацию управомоченного, чьи права были нарушены, и наказание виновного в нарушении обязанностей. Здесь возникает одна из основных проблем права – проблема ответственности» [5, с. 315-316]. В тех случаях, когда перечисленные обязанности не будут выполнены или будут исполнены ненадлежащим образом, кто конкретно понесет за это ответственность? Ответить на этот вопрос непросто. Это болезнь нашего государства: до тех пор, пока мы не осознаем, что статус каждого должностного лица должен включать в себя не только права и обязанности, но и ответственность за ненадлежащее исполнение этих обязанностей, наша правоприменительная практика будет бессильна перед произволом властных субъектов.

Обязанности должны быть закреплены за сотрудником полиции, ибо он должен нести персональную ответственность за точность, своевременность и порядок их исполнения: не абстрактно представляемая полиция, а конкретное должностное лицо, представляющее полицию. «Каждое должностное лицо по поддержанию правопорядка является частью системы уголовного правосудия, – говорится в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, – цель которой состоит в предотвращении преступности и борьбе с ней, и поведение каждого должностного лица этой системы оказывает воздействие

на всю систему». Именно поэтому в законе должны быть более четко установлены вид и меры ответственности сотрудников полиции. В том абстрактном виде, в каком это делает ст. 35 законопроекта, решение основного вопроса, касающегося гарантий прав человека в сфере правоохранительной деятельности, недопустимо. Во-первых, необходимо установить порядок обжалования действий и решений сотрудников полиции внутри данного ведомства, во-вторых, установить порядок привлечения к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение сотрудником полиции обязанностей, возлагаемых на него законом.

Одновременно в соответствии с Руководящими принципами для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка должны «создаваться эффективные механизмы для обеспечения внутренней дисциплины и внешнего контроля, а также надзора за должностными лицами по поддержанию правопорядка. Как и все другие учреждения системы уголовного правосудия, каждый орган охраны общественного порядка должен представлять общественность в целом, нести перед ней ответственность и быть ей подотчетным», – говорится в документе.

В законопроекте предлагается закрепить основные положения, касающиеся открытости деятельности полиции. Предполагается установление обязанности регулярных отчетов о деятельности полиции перед законодательными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и представительными органами муниципальных образований, а также граждан для руководителей территориальных органов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Проект предлагает для обеспечения общественного доверия и поддержки граждан образовывать Общественные советы при территориальных органах федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Это вполне соотносится с тенденцией развития и укрепления демократических институтов общества, одна-

ко настораживает предлагаемый порядок образования названных советов: он будет определяться руководителем этого федерального органа. История не нова: институты гражданского общества в России «даруются» сверху и формируются органами власти.

Обращаясь к международному опыту и положениям международно-правовых документов, необходимо выделить *основные направления реформы* органов, призванных поддерживать правопорядок и обеспечивать защиту прав и свобод человека. К ним следовало бы отнести:

- *выработку концептуальных подходов к назначению, организации и функционированию правоохранительных органов, определение их задач;*

- *обеспечение соответствия принимаемых законов действующим законам либо комплексного изменения законодательства, касающегося сферы правоохранительной деятельности;*

- *разработку единых требований к подбору кадров в системе правоохранительных органов;*

- *обеспечение подготовки кадров по специально разработанным программам, соответствующим международно-правовым стандартам;*

- *обеспечение четкой законодательной регламентации обязанностей и ответственности должностных лиц, осуществляющих поддержание правопорядка.*

В заключение хотелось бы обратить внимание на одно из положений, записанных в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка: «нормы, как таковые, не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка».

1. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8257.html> (дата обращения: 28 окт. 2010).

2. Головкин Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного

производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г.). СПб.: Третейский суд, 2010. С. 86-95.

3. Володина Л.М. Механизм обеспечения прав личности в уголовном процес-

се: монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. 172 с.

4. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. М.: Юрист, 2006. 352 с.

5. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении: монография. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Киричѐк

(заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин
Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук,
доцент; 8 (3452) 59-85-21)

Статья посвящена проблемам социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел в современной России. В работе рассматривается круг вопросов, связанных с содержанием и проблемами реализации социальных льгот и гарантий для сотрудников органов внутренних дел. Государственная политика в сфере реализации социальных льгот и гарантий для сотрудников органов внутренних дел является важнейшей составляющей политики, проводимой любым социально ориентированным государством. Не случайно во всех развитых странах существует довольно разветвленная система преимуществ для сотрудников силовых структур, организованная в зависимости от бюджетных возможностей.

Ключевые слова: защищенность, обеспечение, реализация, социальные льготы, гарантии, органы внутренних дел.

Современная Россия переживает один из самых сложных периодов своей истории. Продолжающиеся процессы реформирования российского государства и общества обусловили коренные изменения в общественно-политической, социально-экономической, духовно-нравственной и других сферах. Эти изменения сопровождаются нарастанием кризисных тенденций, ростом коррупции и преступности, резким осложнением криминогенной ситуации в стране. Произошло резкое имущественное расслоение и поляризация российского общества, что вызывает социальное напряжение, сопряженное нередко с жестокими преступлениями против личности, рост имущественных и финансово-экономических преступлений. Развитие России как демократического правового государства связано с реформированием системы ее правоохранительных органов, и прежде всего органов внутренних дел. По их работе можно оценить степень признания государством незыблемости прав человека, а также определить серьезность его обеспокоенности проблемой личной безопасности граждан. Государственная защита личности, ее прав и свобод гарантирована Конституцией Российской Федерации. Сотрудники правоохранительных органов государства ежедневно вступают в противодействие с криминально актив-

ной, агрессивной частью населения. К сожалению, приходится констатировать, что с каждым годом возрастает число погибших и раненых при исполнении служебных обязанностей сотрудников органов внутренних дел. Это не может не вызывать озабоченность и говорит о необходимости особой защиты государством сотрудников органов внутренних дел.

В составе правоохранительных органов именно органы внутренних дел несут наибольшую нагрузку в борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Вызывает тревогу рост количества противоправных деяний, совершаемых в отношении сотрудников, фактов сопротивления им. В этой ситуации значительно усложняется правоохранительная деятельность органов внутренних дел, возрастают требования к организации службы, к сотрудникам, ведущим борьбу с негативными явлениями. На кадры ложится огромная физическая и моральная нагрузка, личный состав вынужден нести службу в условиях усиленного режима. Задачи, решаемые сотрудниками органов внутренних дел в мирное время, сопряжены с риском для жизни и здоровья. Специфика деятельности сотрудников органов внутренних дел заключается в том, что, обладая широким кругом полномочий в области обеспечения прав и свобод граж-

дан от преступных и иных посягательств, сотрудники этих органов нередко сами остаются незащищенными. Кроме того, служба в органах внутренних дел налагает ряд существенных ограничений на правовой статус сотрудников. Особенно важно отметить, что в условиях рыночной экономики сотрудник органов внутренних дел не имеет права заниматься предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью по извлечению доходов, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности.

Анализ кадровой ситуации в органах внутренних дел свидетельствует о высокой текучести кадров. Отток наиболее квалифицированных кадров приводит к ощущению размывания профессионального кадрового ядра, ухудшению морально-психологического состояния кадров, снижению престижа службы в органах внутренних дел и боеготовности в целом.

Такое положение можно объяснить многими причинами, в частности, недостаточной социальной защитой личного состава, крайне неэффективной практикой реализации социальных гарантий, которая, в свою очередь, обусловлена отсутствием четкого механизма охраны и защиты данной категории граждан и несовершенством законодательства, закрепляющего гарантии социальной защиты сотрудников органов внутренних дел.

О низком уровне социальной защиты свидетельствуют данные анкетирования сотрудников органов внутренних дел, проведенного автором данной статьи. География анкетирования достаточно обширна. В нем приняли участие 930 сотрудников органов внутренних дел Тюменской области (Тюменский юридический институт МВД России и ГУВД по Тюменской области), Орловской области (Орловский юридический институт МВД России и УВД по Орловской области), г. Москвы (Академия управления МВД России), г. Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский университет МВД России), Иркутской области (Восточно-Сибирский институт МВД России), г. Хабаровска (Дальневосточный юридический институт МВД России). Респондентам

было предложено ответить на 35 вопросов. Анкетирование было направлено на выявление проблем в данной области с целью разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере реализации социальных льгот и гарантий для сотрудников органов внутренних дел. Из 930 респондентов 67 % сотрудников оценили реальное состояние своей социальной защиты как неудовлетворительное, 26 % – как удовлетворительное и лишь 7 % респондентов высоко оценили состояние своей социальной защиты.

Вопросу социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел с каждым годом уделяется все большее внимание как в научной среде, так и в кругах общественности. Однако реальная ситуация свидетельствует о том, что по всем показателям мы пока находимся лишь на начальной стадии решения этой проблемы.

Актуальность рассматриваемой проблемы не вызывает сомнения. Согласно Конституции Российская Федерация является правовым, социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Несомненно, что это определяет необходимость создания надежной и эффективно действующей системы социальной и правовой защиты населения, что отражает одну из базовых функций государства.

Рассматривать данную проблему необходимо в трех аспектах:

1) социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел в период деятельности в органах внутренних дел;

2) социальная и правовая защищенность близких родственников и членов семьи сотрудников органов внутренних дел;

3) социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел в период после увольнения из органов внутренних дел.

1. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел строится в соответствии с законодатель-

ными актами Российской Федерации и ведомственными нормативными правовыми актами, которыми предусмотрены льготы, компенсации и выплаты для сотрудников органов внутренних дел и членов их семей, а также иные гарантии, связанные с прохождением службы.

Социальная защита включает в себя систему льгот, материальное обеспечение и обслуживание сотрудников и членов их семей во время службы и при выходе их на пенсию, в случае болезни, утраты трудоспособности и др.

Основными направлениями социальной защиты сотрудников являются: обеспечение денежного довольствия и пенсионного обеспечения; уровень продовольственного и вещественного обеспечения; медицинское обеспечение; адресность предоставления льгот и социальных гарантий; реализация права на образование; обязательное личное государственное страхование.

Система социальной защиты сотрудников органов внутренних дел предполагает существование определенных компенсационных мер за ограничения, связанные с выполнением профессиональных обязанностей, сложность и напряженность службы, риск для жизни и здоровья.

Одной из причин низкой функциональности современной милиции является тот факт, что в рамках реформ, предпринятых ранее, милиция была фактически проигнорирована. Все предпринимавшиеся ранее меры касались милиции незначительно и находились в русле перераспределения функций внутри силового блока.

Реформирование должно быть направлено на создание современных правоохранительных органов, отвечающих требованиям эффективности и ориентированных на социальное партнерство с гражданами, их объединениями. Это подразумевает создание условий для повышения профессионализма личного состава и развития новых навыков. Не случайно то, что первым вынесенным на общественное обсуждение законопроектom стал именно проект закона «О полиции».

В связи с этим, на наш взгляд, по аналогии с законодательством о государственной

и муниципальной службе [1; 2], сотруднику органов внутренних дел не менее одного раза в три года необходимо повышать свою квалификацию с целью пополнения как правовых знаний, так и культурно-образовательного уровня за бюджетные средства, предусмотренные в расходной части МВД России.

Министр внутренних дел Р.Г. Нургалиев особо подчеркнул, что «важным этапом является преодоление правового нигилизма. Пренебрежение нормой закона, готовность заплатить за услуги чиновника, потому что “так делают все”, равнодушие, когда на твоих глазах совершается преступление, – симптомы, не только разрушающие общество, но и дезорганизующие правоохранительную систему. России необходимо победить это опаснейшее явление – тогда коренным образом изменится вся социальная среда и будут решены многие проблемы» [3, с. 3].

Одним из наиболее актуальных направлений современного обеспечения социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел является возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудника органов внутренних дел при исполнении им служебных обязанностей. Эта проблема обусловлена тем, что в последние годы в результате роста преступности сотрудники органов внутренних дел при исполнении служебного долга все чаще получают телесные повреждения, а в некоторых случаях гибнут. В связи с этим остро стоит вопрос о необходимости возмещения вреда, причиненного их здоровью или жизни.

Защита жизни сотрудников органов внутренних дел выступает важным показателем обеспечения степени их защищенности. Более актуально эта проблема воспринимается на фоне обострения криминогенной обстановки, характерной для нашей страны в последние годы, а также роста агрессивности и противодействия со стороны криминальных структур сотрудникам органов внутренних дел.

В последнее время участились факты преступных посягательств на их жизнь и здоровье, оказания им сопротивления, унижения чести и достоинства. Вызвано это в первую очередь недостаточным уровнем подготовки

личного состава к вооруженному столкновению с преступниками, а также устаревшими нормативными стандартами по применению огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы. В большей степени они рассчитаны на идеальные, но не на экстремальные ситуации. В связи с этим в ряде случаев сотрудники органов внутренних дел боятся применять оружие, но при этом сами становятся жертвами вооруженных нападений. Многие сотрудники, особенно участковые уполномоченные милиции, отказываются получать табельное оружие при работе на участке, опасаясь его «неправомерного» применения и неблагоприятных для себя последствий. При этом сравнительный анализ показывает, что в конце 90-х гг. в среднем количество убитых полицейских в год составило: в США – 89, в Италии – 16, во Франции – 7, в ФРГ и Канаде – по 4, в Великобритании и Бельгии – по 1 человеку. В Швеции и Дании за два-три года совершалось, как правило, лишь одно убийство полицейского [4, с. 163].

Важнейшей проблемой социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел является обеспечение их жильем. С огромным сожалением следует констатировать, что право сотрудников органов внутренних дел на обеспечение жильем практически не реализуется. В г. Орле и Орловской области на учете в качестве нуждающихся в получении жилья состоят более 200 сотрудников органов внутренних дел, из них более 50 сотрудников, имеющих безусловное преимущественное право на получение жилья, – это участковые уполномоченные милиции, инвалиды и участники боевых действий в регионах Северного Кавказа, заслуженные работники МВД России. В Орловской области 85 % сотрудников считают свои жилищные условия неудовлетворительными и лишь 15 % опрошенных удовлетворены (и то частично) своими жилищными условиями. В среднем же эта цифра несколько иная: из 930 опрошенных 65 % сотрудников считают свои жилищные условия неудовлетворительными и 35 % – удовлетворительными. Данная ситуация объясняется обстоятельствами не только правового, но, в первую очередь, экономического характера.

Дело в том, что ранее принятие на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий сотрудников и членов их семей производилось соответствующей комиссией органа исполнительной власти с учетом всех имеющих в пользовании у сотрудников и членов их семей жилых помещений, в т.ч. принадлежащих им на праве собственности. Вместе с тем 1 марта 2005 г. вступил в силу Жилищный кодекс РФ [5], который не дает полномочий органам исполнительной власти по учету нуждающихся в улучшении жилищных условий. Такие полномочия предоставлены только органам местного самоуправления.

Кроме того, согласно Жилищному кодексу РФ, нуждающейся в улучшении жилищных условий является только одна категория граждан – малоимущие. Причем критерии отнесения граждан к данной категории на законодательном уровне еще не определены.

Учитывая, что Жилищный кодекс предоставляет право на получение жилья только гражданам, состоящим в очереди на улучшение жилищных условий до его вступления в силу, фактически жилищная комиссия органа исполнительной власти не осуществляет постановку на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий сотрудников, госслужащих и работников, обратившихся после 1 марта 2005 года, за неимением такого права.

Жилищная проблема всегда была острой для населения нашей страны, и особенно значимой стала с переходом к рыночной экономике, способствовавшей появлению новых для России общественных отношений.

Основными правовыми актами, закрепляющими льготы сотрудников органов внутренних дел в жилищной сфере, являются: Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (ред. от 22 июля 2010 г.) «О милиции» [6], постановление Верховного Совета РФ «Об утверждении положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» [7].

Закон РФ «О милиции» устанавливает, что милиция может иметь служебный жилой фонд, формируемый в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Данный порядок и положение о предоставлении служебных жилых помещений уста-

новлены постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2002 г. № 897 (ред. от 1 октября 2004 г.) «Об утверждении типового положения о находящемся в государственной собственности служебном жилищном фонде, переданном в оперативное управление органам внутренних дел, органам федеральной службы безопасности, органам по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенным органам Российской Федерации и внутренним войскам Министерства внутренних дел Российской Федерации» [8].

В соответствии с данным постановлением под служебным жилищным фондом понимается совокупность жилых помещений, предназначенных для проживания сотрудников и работников органов внутренних дел, которые в связи с характером исполнения ими служебных обязанностей должны проживать по месту службы или в непосредственной близости от него.

Служебный жилищный фонд закрепляется на праве оперативного управления за подразделениями органов внутренних дел. Получение служебного жилого помещения не является основанием для исключения сотрудника (военнослужащего) из списков очередников на улучшение жилищных условий. То есть признанная в установленном законом порядке нуждаемость сотрудника в улучшении жилищных условий не прекращается после предоставления ему служебного жилого помещения.

Служебное жилое помещение не подлежит приватизации, бронированию, обмену, сдаче в поднаем, переустройству и перепланировке.

Сотрудник органов внутренних дел, проживающий в служебном жилом помещении и прекративший службу, подлежит выселению из служебного жилого помещения со всеми проживающими с ним лицами без предоставления другого жилого помещения в сроки, установленные в договоре найма, за исключением:

- сотрудников, имеющих выслугу в правоохранительных органах не менее 10 лет;
- членов семьи сотрудника, погибшего (умершего) при исполнении служебных

обязанностей, которому было предоставлено служебное жилое помещение;

- иных категорий сотрудников и членов их семей в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими их статус и устанавливающими социальные гарантии сотрудников.

Эти категории сотрудников не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения.

Следует также отметить, что, несмотря на многие проблемы, сегодня сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, не имеющим жилых помещений для постоянного проживания, ежемесячно выплачивается денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений в размере, предусмотренном договором найма (поднайма) жилого помещения, но не более: 15 000 рублей – в городах Москве и Санкт-Петербурге; 3 600 рублей – в других городах и районных центрах; 2 700 рублей – в прочих населенных пунктах. При условии совместного проживания с сотрудником трех и более членов семьи размер денежной компенсации повышается на 50 процентов [9].

Сегодня обеспечение сотрудников жильем – одна из важнейших социальных задач строительного комплекса МВД России, решение которой организуется по пяти основным направлениям [10, с. 13]:

1) обеспечение сотрудников жилыми помещениями по договорам социального найма. В подразделениях органов внутренних дел на учете нуждающихся в жилых помещениях по договорам социального найма состоит 88 746 очередников, принятых на учет до 1 марта 2005 года. Среди них 16 036 пенсионеров и 79 семей сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей.

За последние пять лет было построено 139 жилых домов, более 9 тысяч очередников получили квартиры;

2) обеспечение сотрудников жилыми помещениями специализированного жилищного фонда, то есть служебным жильем.

Сейчас в пользовании МВД России находится 1 154 служебные квартиры общей площадью 66,5 тысяч квадратных метров;

3) *выдача государственных жилищных сертификатов.* В рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» МВД России принимает участие в реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы.

За период действия программы увольняемым со службы сотрудникам и гражданам, уволенным со службы, выдано более 9,5 тысяч сертификатов.

Однако срок реализации подпрограммы ограничен 2010 годом. Кроме того, негативным фактором, влияющим на обеспечение жильем сотрудников и пенсионеров с помощью ГЖС, является недостаточный объем финансирования. Так, заявка министерства в 2007–2008 годах удовлетворена на 18 процентов, а в 2009 году – лишь на 13;

4) *использование схемы накопительно-ипотечного кредитования.* К сожалению, до настоящего времени не согласован вопрос о наборе гарантий жилищного обеспечения служащих правоохранительной службы в рамках проекта федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации».

МВД России обратилось к Правительству Российской Федерации с инициативой по совершенствованию законодательства в части разработки и принятия законодательных и иных нормативных правовых актов, направленных на обеспечение сотрудников правоохранительных органов жилыми помещениями. В Правительство РФ направлен проект технического задания на разработку федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти» и финансово-экономическое обоснование с необходимыми расчетами, предусматрива-

ющие комплексное решение проблемы жилищного обеспечения сотрудников правоохранительных органов. Опыт подобного рода у нашего законодателя имеется. Так, например, в 2004 году принят федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»[11];

5) *участие в региональных социальных программах в части обеспечения жилыми помещениями, в том числе на базе ипотечных кредитов сотрудникам органов внутренних дел.*

В рамках национального проекта «Доступное комфортное жилье – гражданам России» субъектами Российской Федерации реализуются программы ипотечного кредитования населения, направленные на обеспечение жилыми помещениями лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Проведенный Департаментом тыла мониторинг реализации указанных программ в субъектах Федерации свидетельствует, что льготные условия для участия в них сотрудников органов внутренних дел действуют пока только в десяти регионах России. Среди них - Кемеровская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская области, республики Саха (Якутия), Татарстан, Мордовия, Чувашия, Кабардино-Балкария, Ханты-Мансийский автономный округ.

Рассматривая проблему социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел, важно подчеркнуть, что в соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 года № 927 [12], МВД России разрабатывает и осуществляет профилактические, лечебные, санаторно-курортные, оздоровительные и реабилитационные мероприятия, направленные на охрану и укрепление здоровья сотрудников и военнослужащих, членов их семей, федеральных государственных гражданских служащих, работников и пенсионеров системы МВД России и ФМС России, а также лиц, соответствующее обеспечение которых на основании законода-

тельства Российской Федерации возложено на МВД России.

Медучреждения системы МВД проводят научные исследования по проблеме охраны здоровья личного состава с учетом имеющейся специфики службы в системе правоохранительных органов в современных условиях.

С 2002 года осуществляется выпуск ведомственного научно-практического издания «Медицинский вестник МВД», включенного ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации в перечень ведущих научных журналов и изданий Российской Федерации.

Вопросы оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел и членам их семей достаточно обстоятельно урегулированы Законом РФ «О милиции» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 [13].

Сегодня сотруднику органа внутренних дел при отсутствии по месту службы, месту жительства (проживания) или иному месту нахождения сотрудника медицинских учреждений системы МВД России, а также в неотложных случаях медицинская помощь оказывается в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения с возмещением расходов по оказанию медицинской помощи этим учреждениям здравоохранения соответствующими федеральными органами исполнительной власти.

Члены семей сотрудников милиции имеют право на медицинскую помощь в учреждениях государственной или муниципальной систем здравоохранения и подлежат обязательному медицинскому страхованию на общих основаниях с другими гражданами.

Члены семей сотрудников милиции (супруг (супруга), несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения), а также лица, находящиеся на их иждивении и проживающие совместно с сотрудниками, имеют право на медицинскую помощь в медицинских учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Фе-

дерации. При амбулаторном лечении лекарства им отпускаются за плату по розничным ценам, за исключением случаев, когда в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации плата не взимается.

В целом следует отметить, что по-прежнему сохраняется значительное число сотрудников органов внутренних дел, не удовлетворенных в той или иной степени медицинским обслуживанием. Качеством медицинского обеспечения удовлетворены полностью 17 % респондентов, частично – 31 %, не удовлетворены – 39 % респондентов. Основными причинами, препятствующими получению полноценного лечения, являются недостаток, зачастую высокая стоимость медикаментов, а также отсутствие квалифицированных специалистов в профильных медицинских учреждениях системы МВД России. Низка возможность и отдыха сотрудников органов внутренних дел в санаториях. На вопрос о санаторно-курортном обеспечении сотрудников и членов их семей получены следующие ответы: полностью удовлетворены 20 % респондентов, полностью не удовлетворены – 69 % респондентов. Такой результат объясняется отсутствием возможности у большинства сотрудников в приобретении путевок из-за мизерного из количества. На самом деле, большинство опрошенных (93 %) заявило, что если удастся приобрести путевку на лечение и отдых, качество полностью удовлетворяет. Но, к сожалению, обеспечение путевками крайне недостаточное, а компенсация за санаторно-курортное лечение крайне мала, поэтому возможностью полноценного отдыха обладают лишь 16 % опрошенных.

2. Члены семей сотрудников органов внутренних дел испытывают те же морально-психологические перегрузки, что и сами сотрудники. Они часто обладают «закрытой» информацией, «участвуют» в тревогах, подъемах, дежурствах и т.д. Они находятся под давлением понимания, что являются субъектами возможной мести сотруднику органов внутренних дел со стороны криминальных структур за добросовестное исполнение им своих обязанностей. Все это подтверждают результаты проведенного исследования. На

вопрос: «Как близкие родственники относятся к Вашей службе в органах внутренних дел?» – 65 % сотрудников ответили, что положительно, 19,5 % – отрицательно; 15,5 % – безразлично.

В связи с этим государство должно больше внимания уделять семьям сотрудников органов внутренних дел. Здесь можно предложить следующее:

а) членов семьи сотрудника обеспечить минимально необходимой неприкосновенностью, а также ужесточить наказание за посягательства на их жизнь, здоровье и имущество со стороны других лиц;

б) неработающим супругам либо лицам, находящимся на иждивении сотрудника органа внутренних дел, должны выплачиваться дополнительные пособия, а при рождении ребенка – выплачиваться пособие, установленное законодательством, превышающее пособие, выплачиваемое гражданским лицам;

в) детям сотрудников МВД России предоставлять возможность получения образования, в т.ч. профессионального, на бюджетной основе.

Должен проводиться принцип: сотрудник обществу – обеспечение правопорядка с риском для жизни или потерей здоровья, общество сотруднику – социальные гарантии.

3. Очень серьезным этапом в жизни сотрудников органов внутренних дел является увольнение. А увольнение, как известно, происходит в 40–45 лет. И вот здесь получается парадокс. Здоровые, грамотные, опытные, способные люди в расцвете творческих сил оказываются ненужными ни государству, ни обществу, поэтому зачастую бывшие работники ОВД идут либо в охранники, либо в сторожа, а то и на службу в криминальные структуры, используя накопленный опыт.

Так, на вопрос, касающийся пенсионного обеспечения, большинство респондентов (63 %) затруднились ответить, аргументировав тем, что сами не являются пенсионерами. Однако из 37 % ответивших на этот вопрос 13 % полностью удовлетворены, 24 % полностью не удовлетворены.

Нам представляется, что при выслуге сотрудника, составляющей не менее 15-ти

лет, ему кадровой службой Министерства внутренних дел России должно быть сделано предложение по овладению гражданской специальностью путем обучения в вузах, других учебных заведениях либо на специальных курсах. Региональным управлениям внутренних дел совместно со службой занятости населения необходимо иметь собственную «биржу труда» для увольняющихся сотрудников органов внутренних дел с целью их трудоустройства и использования накопленного потенциала сотрудников для развития экономики государства. Это особенно важно в современных условиях, когда происходит массовое сокращение сотрудников органов внутренних дел.

Заботой государства должно стать обеспечение нормальной адаптации сотрудника к условиям жизни после ухода в отставку и его уверенности в завтрашнем дне.

Нам представляется, необходимо создать условия привлекательности службы в органах внутренних дел. Это повысит конкурс и создаст наполняемость служб высококвалифицированными кадрами. Сотрудник будет гордиться своей работой, работать с отдачей изо всех сил и получать моральное удовлетворение.

Подводя общий итог рассмотрению проблемы, следует отметить, что деятельность по организации социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел должна быть направлена, во-первых, на повышение уровня защищенности жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудников и членов их семей посредством создания организационных и правовых основ системы реализации прав сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей, а также возмещения ущерба им и членам их семей в случае гибели сотрудника, получения повреждений и увечий при исполнении служебных обязанностей, а во-вторых, на обеспечение условий труда, отдыха и быта сотрудников органов внутренних дел. В данном случае защищенность сотрудников органов внутренних дел может быть достигнута за счет определения их статуса как государственных служащих: с нормированными условиями труда, усовершенствованной системой оказания медицинских ус-

луг, а также обеспеченной реализацией прав и льгот, предоставленных сотрудникам органов внутренних дел и членам их семей.

Следует признать, что в ныне действующем законодательстве не существует нормы, раздела в каком-либо законе, а тем более отдельного законодательного акта, в котором бы формулировалось понятие государственной защиты сотрудников органов внутренних дел, комплексно раскрывалось содержание государственной защиты этой категории. Кроме того, в нормативных актах по-разному формулируется обязанность государства по защите сотрудников органов внутренних дел.

Мы вынуждены констатировать, что действующее российское законодательство о социальной и правовой защите личного состава органов внутренних дел бессистемно. Одновременно действуют акты разного уровня: законы и указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы министерств и ведомств по различным вопросам, охватывающим прохождение службы, быт и социальные стороны жизни сотрудников и членов их семей.

К сожалению, до сих пор не принят федеральный закон, который закрепил бы основные направления государственной политики в сфере службы в органах внутренних дел и социальной защиты сотрудников.

Как нам представляется, назрела острая необходимость разработки и утверждения Концепции социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, в которой нашли бы отражение основные направления совершенствования и развития системы социальной защиты сотрудников, ее нормативно-правовое, кадровое, финансовое, научно-методическое, информационное и статистическое обеспечение; были бы решены вопросы совершенствования денежного довольствия, охраны оперативно-служебной деятельности, развития медицинского и санаторно-курортного обслуживания, системы страхования сотрудников, решения жилищной проблемы в органах внутренних дел. Возможно, что многие эти и другие проблемы будут решены после реформирования системы МВД

России и вступления в силу Федерального закона «О полиции».

1. О системе государственной службы в Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: ред. от 1 дек. 2007 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063; 2007. № 49. Ст. 6070.

2. О муниципальной службе: федер. закон от № 25-ФЗ: ред. от 17 июля 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152; 2009. № 29. Ст. 3597.

3. Министр внутренних дел Рашид Нургалиев – об обсуждении законопроекта // Милиция. 2010. сент. С. 3.

4. Губанов А.В. Полиция зарубежных стран: организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. М., 1999.

5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ: ред. от 27 июля 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 14; 2010. № 31. Ст. 4206.

6. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 30. Ст. 3988.

7. Об утверждении положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного Совета РФ от 23 дек. 1992 г. № 4202-1: ред. от 22 июля 2010 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 70; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 30. Ст. 3990.

8. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 51. Ст. 5087; 2004. № 41. Ст. 4044.

9. О порядке и размерах выплаты компенсаций за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органов по контролю

за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов Российской Федерации, лицам начальствующего состава Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 852: ред. от 3 сент. 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52 (Ч. 2). Ст. 5516; 2008. № 31. Ст. 4125.

10. Гололобов А. Жилищные перспективы // Милиция. 2009. №. 11. С. 13.

11. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: федер. закон от 20 авг. 2004 г.: ред. от 25 нояб. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. Ст. 3532; 2009. № 48. Ст. 5731.

12. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 19 июля 2004 г. № 927: ред. 14 мая 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 30. Ст. 3149; 2010. № 20. Ст. 2435.

13. О порядке оказания медицинской помощи, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат

некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей (вместе с Правилами оказания медицинской помощи (медицинского обслуживания) сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), уголовно-исполнительной системы, лицам начальствующего состава федеральной фельдъегерской связи и сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы МЧС России, уголовно-исполнительной системы, лицам начальствующего состава федеральной фельдъегерской связи, уволенным со службы, лицам, уволенным со службы в федеральных органах налоговой полиции): постановление Правительства РФ от 31 дек. 2004 г. № 911: ред. от 26 апреля 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 2. Ст. 166; 2008. № 18. Ст. 2050.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

РЕГУЛЯТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБОРОТА ЦЕННЫХ БУМАГ

Р.В. Чикулаев

(доцент кафедры гражданского права и процесса Пермского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент; 8 (342) 2-396-525)

В статье исследуется комплексная проблема формирования и функционирования механизма правового регулирования общественных отношений в сфере гражданского оборота ценных бумаг. Предлагается понятие, характеризуются основные признаки, элементы и особенности такого механизма.

Ключевые слова: правовое регулирование, ценные бумаги, рынок.

Развитие современного российского права и законодательства можно охарактеризовать одновременно как чрезвычайно интенсивное, охватывающее самые различные общественные отношения, и потому – зачастую неравномерное. Глубинными причинами появления целых совокупностей новых законодательных актов и правовых норм, а иногда и институтов, подотраслей и отраслей права являются такие факторы, как: возникновение новых типов экономических отношений и явлений, требующих правовой регламентации; обновление и усложнение общественных связей, которые более не могут регулироваться на базе устаревших правовых норм и принципов; политические предпосылки, требующие реформирования юридической оболочки общественных систем.

Ярким примером таких тенденций служит система правовых норм, регулирующих отношения по поводу выпуска и обращения ценных бумаг. Это объясняется повышенной ролью ценных бумаг как инструмента развития рыночных отношений, высокой степенью динамичности и изменчивости финансового рынка, усложненным составом правоотношений в сфере гражданско-правового оборота ценных бумаг.

Наряду с задачами формирования целостной и непротиворечивой системы правовых актов о рынке ценных бумаг сохраняет и приобретает все большую актуальность проблема разработки теоретического базиса правового регулирования от-

ношений, связанных с ценными бумагами. Без такой теоретической основы достижение цели эффективного законодательного регулирования отечественного рынка ценных бумаг вряд ли будет возможно.

Сферу теоретических проблем правового регулирования рассматриваемых отношений нельзя считать не исследованной совсем. Вопросы правовой природы ценных бумаг, их места в гражданском праве были глубоко затронуты еще в работах классиков российской цивилистики – Г.Ф. Шершеневича [1], Л.И. Петражицкого, Н.О. Нерсесова, П.П. Цитовича и др. Научный анализ корпоративно-правовых аспектов отношений, связанных с ценными бумагами, был дан в работах В.В. Долинской, Г.С. Шапкиной, Е.Н. Решетиной [2], Т.В. Кашаниной. Непосредственно ценные бумаги как объекты гражданских прав исследовались в работах М.М. Агаркова, В.М. Гордона, В.А. Белова [3], Г.Н. Шевченко [4], Д.В. Мурзина, Д.И. Степанова. Вопросам регулирования отношений на рынке ценных бумаг посвящены исследования А.Ю. Синенко, А.В. Габова [5], Е.С. Демушкиной. Наконец, ценные бумаги как объекты инвестиционных отношений и предметы финансового рынка рассматриваются такими авторами, как А.В. Майфат [6], Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина [7], Л.Р. Юлдашбаева.

Вместе с этим, и даже с учетом того, что многие из вышеприведенных исследований действительно имеют характер комплексных, в научном базисе совре-

менной правовой теории ценных бумаг заметно отсутствие неких необходимых элементов. Наибольшая часть исследователей, имея дело с комплексом правовых проблем в сфере ценных бумаг, пытается выработать либо частные, либо ограниченно универсальные методы гармонизации системы нормативных актов, предлагает собственную интерпретацию проблемных ситуаций, формирует группы методов совершенствования нормативного воздействия на регулируемые отношения. При этом, подойдя вплотную к формированию не только комплексной, но и системной концепции феномена ценных бумаг и их гражданского оборота, такой концепции и адекватной ей методологии современная цивилистика пока не выработала.

Одно из ключевых направлений решения этой проблемы видится в разработке такого базового принципа построения правовой модели общественных отношений, как механизм правового регулирования оборота ценных бумаг.

Механизм правового регулирования можно признать важнейшей частью более обширного регулятивного механизма системы общественных отношений, возникающих между субъектами оборота ценных бумаг. Выделение и научная разработка понятия механизма правового регулирования могли состояться лишь на определенном этапе развития правовых учений, обогащенных юридической практикой, с применением необходимой степени абстракции и обобщения.

Научные энциклопедии традиционно определяют механизм (от греч. *mechané* – машина) как систему «тел, предназначенных для преобразования движения одного или нескольких тел в требуемые движения других твердых тел» [8, с. 809]. Безусловно, такое определение весьма отдаленно отражает особенности взаимодействия субъектов общественных отношений на уровне права. Примечательно, что в современной научно-энциклопедической литературе понятие механизма правового регулирования пока и вовсе не отразилось.

Тем большую ценность приобретает мысль о том, что право не только является

целостным системным образованием, а не произвольным нагромождением норм (статистический аспект), но и о том, что элементы системы права находятся в постоянном упорядоченном взаимодействии (динамический аспект), «программу действий» которого обеспечивает особый регулятивный механизм.

К числу наиболее заметных исследований механизма правового регулирования как особого социально-правового явления можно отнести выдающегося российского цивилиста и теоретика права С.С. Алексеева [9, с. 162]. В своих работах «Общая теория права», «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» и ряде других автор обосновал базовые характеристики механизма и его основные составляющие. В качестве таких составляющих выделены юридические нормы, нормативные правовые акты, акты официального толкования, юридические факты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности. При этом, по мнению С.С. Алексеева, каждому из элементов свойственны свои особые регулятивные функции, а также специальные способы воздействия на общественные отношения и поведение людей. Понятие механизма правового регулирования ученый представлял, скорее, в более традиционном теоретико-правовом виде, включая в него систему юридических средств, используемых в целях юридического регулирования.

Вопросы механизма правового регулирования затрагивались и другими исследователями: В.Ф. Яковлевым, О.А. Красавчиковым, В.П. Грибановым и др. Так, В.Ф. Яковлев, по сути, приблизился к раскрытию соотношения и связи парных категорий механизма правового регулирования как системы средств внутриотраслевого регулирования и метода правового регулирования как критерия выделения отраслей права [10, с. 12-14]. Развивая дискуссионный на то время вопрос о критериях отраслевого деления права, В.П. Грибанов отмечал значение функции отрасли права, являющейся, по сути, результатом действия механизма правового регулирования [11].

Но можно ли говорить о механизме правового регулирования применительно не к системе или отрасли права, а к отдельной совокупности правовых норм, вопрос об объединении которых в отрасль (например, комплексную) или подотрасль права пока окончательно не решен? С учетом теоретических доктрин и разработок, в том числе и вышеупомянутых авторов, видится больше оснований для вывода о том, что понятие механизма правового регулирования применяется главным образом к какой-либо базовой отрасли права (например, «механизм гражданско-правового регулирования») или правовой системе государства в целом. Так, С.С. Алексеев отмечает, что «регулятивное воздействие права на общественные отношения осуществляется через особый механизм правового регулирования» [9, с. 151]. При этом, очевидно, под «особым» здесь понимается не какой-либо один из различных механизмов, а целостный регулятивный механизм, имеющий особое значение.

Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, категория механизма правового регулирования может рассматриваться как в узком смысле (по отношению к системе права в целом), так и в широком смысле (по отношению к различным структурным элементам правовой системы). Именно в последнем значении предлагается выделить категорию *механизма правового регулирования гражданского оборота ценных бумаг* как особой совокупности общественных отношений по поводу выпуска, обращения, погашения ценных бумаг и обеспечения прав по ним, комплексно урегулированных различными правовыми нормами как частного, так и публичного характера. При этом может быть предложено более корректное, уточняющее определение, сформулированное как «регулятивно-правовой механизм», применяемое к совокупности однородных правовых норм (например, институту, подотрасли, комплексному отраслеподобному образованию), в отличие от более устойчивой категории «механизм правового регулирования», характерной для базовой отрасли или правовой системы в целом.

В качестве проблемного аспекта рассматриваемого вопроса можно назвать соотношение понятий «регулятивно-правовой механизм» и «правовой режим». Последнее вошло в научный юридический оборот сравнительно недавно и представляет собой «специфику юридического регулирования определенной сферы общественных отношений с помощью различных юридических средств и способов» [9, с. 159]. Решение проблемы такого соотношения видится следующим: правовой режим есть менее значительная совокупность отдельных средств воздействия, набор специфических для данного объекта или круга отношений инструментов правовой регламентации. Кроме того, в научно-практических текстах термин «правовой режим» часто применяется не только к правоотношениям, но и, например, к отдельным объектам прав.

В свою очередь, предложенный термин «регулятивно-правовой механизм» включает в себя совокупность всех приемов и способов воздействия на совокупность сходных отношений, урегулированных целостной группой однородных норм, скрепленных внутренним единством.

В составе такой группы отношений можно рассматривать и гражданский оборот ценных бумаг, который в специальной литературе часто именуется, да и легально детерминируется отечественным законодателем, как «рынок ценных бумаг». На основе вышесказанного понятие «регулятивно-правовой механизм гражданского оборота (рынка) ценных бумаг» можно определить следующим образом. Это – объективно существующий, структурированный и внутренне организованный комплекс особых средств юридического характера, предназначенных и используемых для целенаправленного воздействия на целостную группу общественных отношений по поводу выпуска и обращения ценных бумаг, а также иных взаимосвязанных отношений в целях обеспечения их правомерности, охраны законных прав и интересов субъектов и применения необходимых мер юридической ответственности.

Ценные бумаги являются предметом

общественно-хозяйственных отношений во всех без исключения развитых государствах. По некоторым данным, их история насчитывает тысячелетия. «Всякое цивилизованное общество, — отмечал Г. Ласк, — в сколько-нибудь широких пределах занимавшееся торговлей, создавало, как видно из истории, те или иные формы оборотных документов. Старейший оборотный документ, на который сохранились ссылки в источниках, — это относящийся примерно к 2100 г. до н.э. “вексель с платежом в более или менее определенный срок”» [12, с. 18]. Что, в этом смысле, как не регулятивный механизм (в той или иной степени его совершенства) должно было создать общество для достижения сколько-нибудь эффективной регламентации оборота таких ценностей?

Регулятивно-правовой механизм в сфере оборота ценных бумаг полностью проявляет свое внутреннее содержание лишь в динамике, в процессе реализации существа правоотношений с участием управомоченных субъектов (например, контроль соблюдения стандартов эмиссии ценных бумаг, совершение гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и т.п.). Формально-статическое состояние регулятивно-правового механизма имеет значение, как правило, в отдельных случаях, например, в охране нормами закона (уголовного, административного) прав субъектов от потенциальных правонарушений, которые могут быть допущены при использовании ценных бумаг как предметов.

Опираясь на вышеприведенные положения, в целях дальнейшего исследования и совершенствования системы правового регулирования комплекса отношений в сфере гражданского оборота ценных бумаг, выделим следующие основные составляющие регулятивно-правового механизма.

1. На первое место в составе элементов рассматриваемого механизма предлагается поставить элемент, ранее не исследованный в юридической науке. Безусловно, такое предложение может иметь проблемно-постановочный характер в силу отсутствия достаточного эмпирического и теоретико-исследовательского материала,

и в будущем должно стать предметом более глубокого анализа и научного доказывания. Однако находим все основания утверждать, что базовым элементом регулятивно-правового механизма должно быть общее объективное начало, иницирующее волю правотворца к регламентации соответствующих отношений, обеспечивающее возникновение правового интереса к тому или иному объекту прав и служащее источником развития системы отношений по поводу этого объекта. При наличии такого начала регулятивно-правовой механизм формируется и вступает в действие, в обратном же случае объективные предпосылки для этого отсутствуют.

В рассматриваемых отношениях в качестве объекта правового интереса будут выступать ценные бумаги и иные тесно связанные с ними объекты (например, производные финансовые инструменты, сертификаты документарных и реестры бездокументарных ценных бумаг и т.п.). Общим объективным началом для формирования регулятивно-правового механизма будет служить объективная потребность цивилизованного общества в урегулировании системы отношений по поводу названных объектов правового интереса. При этом отличие такого объективного начала от общей аксиоматической необходимости в правовом регулировании общественных отношений как таковом состоит в наличии существенной специфики объектов правового интереса, а также в особом характере отношений по поводу таких объектов.

Именно специфический характер ценных бумаг (и тесно связанных с ними объектов), а также отношений по поводу их гражданского оборота, обуславливает выделение совокупности регулирующих их правовых норм в отдельную комплексную отраслеподобную совокупность, которую предлагается условно именовать «секьюритарным правом» (от англ. securities — аналог российского правового понятия ценных бумаг). В свою очередь, такая совокупность норм подтверждает и онтологию общего объективного начала в регулятивно-правовом механизме гражданского оборота ценных бумаг.

2. Следующим по важности элементом регулятивного механизма видится система взаимосвязанных юридических норм, регламентирующих место ценных бумаг в составе объектов гражданских прав, а также их выпуск, первичное размещение, вторичное обращение, погашение, оспаривание и защиту прав на них и прав, из них вытекающих. При этом свою важную роль в функционировании механизма выполняет как каждая норма (или их относительно небольшие совокупности – институты, субинституты), так и в целом система взаимосвязанных норм, определенная выше как «секьюритарное право».

С учетом того, что регулятивно-правовой механизм секьюритарного права как совокупности норм представляет собой меньший по масштабам аналог механизма правового регулирования, в нем можно выделить элементы, схожие со структурными элементами общего механизма правового регулирования. Так, в аспекте совокупности юридических норм из их состава справедливо выделить:

а) по субъекту правотворчества: нормы, исходящие от государства (нормы федеральных законов, в том числе Гражданского кодекса Российской Федерации, о ценных бумагах и субъектах правоотношений); нормы, исходящие от правотворческих субъектов, наделенных такими полномочиями (например, саморегулируемых организаций фондового рынка); нормы, содержащиеся в обязательных для широкого круга соглашениях (например, в сфере биржевой торговли);

б) по юридическому назначению: учредительные нормы (например, устанавливающие базовые основы организации рынка ценных бумаг, деятельности его участников); регулятивно-поведенческие нормы (например, порядок осуществления профессиональной деятельности, взаимоотношений с инвесторами, нормы о гражданско-правовых договорах, предметом которых являются ценные бумаги); охранительные нормы (например, запрет безлицензионной профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничения для эмитентов, уголовно-правовые и административно-

правовые нормы, предусматривающие санкции за нарушения); дефинитивные нормы (например, устанавливающие легальные понятия ценных бумаг, финансовых инструментов, эмитентов, инвесторов и других участников рынка); обеспечительные нормы (например, устанавливающие порядок получения лицензий на осуществление профессиональной деятельности, регистрации выпусков ценных бумаг); оперативные нормы (например, о порядке действия или применения соответствующих правовых актов, по большей части – подзаконных).

Декларативные и коллизионные нормы непосредственно в секьюритарном праве выделить сложно в силу их более общего характера и принадлежности, скорее, к конституционно-правовой ветви;

в) по предмету правового регулирования: нормы секьюритарного права, как комплексной юридической совокупности, принадлежат к различным правовым отраслям, однако наибольшее системообразующее значение имеют гражданско-правовые нормы. Характер вспомогательных выполняют нормы, относящиеся к административному, финансовому, уголовному, международному частному праву, а также к сферам, которые принято относить (зачастую – дискуссионно) к комплексным правовым отраслям и институтам (муниципальное, банковское, инвестиционное, валютное, биржевое, земельное, имущественное, вексельное, ипотечное право и др.);

г) по методу правового регулирования: в силу универсальности этого основания можно традиционно выделить императивные нормы (например, момент перехода права собственности на бездокументарные ценные бумаги); диспозитивные нормы (например, право сторон устанавливать условия сделки с ценными бумагами); рекомендательные нормы (например, целесообразность объединения профессиональных участников рынка в саморегулируемые организации, создания страховых фондов и пр.);

д) по кругу действия: нормы общего характера (например, общеобязательные

гражданско-правовые нормы о ценных бумагах); нормы ограниченного характера (например, распространяющиеся только на квалифицированных инвесторов или крупных эмитентов); локальные нормы (например, регламентирующие поведение членов конкретной фондовой биржи).

3. Охарактеризованному выше элементу регулятивно-правового механизма логично корреспондирует такой его элемент, как совокупность законодательных и подзаконных актов, непосредственно регулирующих или опосредованно затрагивающих права и обязанности субъектов в сфере оборота ценных бумаг. По общему правилу, нормативные акты служат формальной оболочкой и практическим закреплением идеально сконструированных норм секьюритарного права. Вместе с этим совокупность нормативных актов обладает относительной самостоятельностью как элемент регулятивного механизма в силу особой роли в реализации функции правового регулирования.

Так, нормы права, даже обладающие относительным сходством, могут быть расположены в разных правовых источниках, они не всегда могут быть закреплены в правовых актах, могут служить целям общего понимания, доктринального и судебного толкования какого-либо правового явления или регулировать только часть взаимосвязанной группы общественных отношений. Нормативные же акты напрямую очерчивают круг регламентируемых ими отношений и находятся, по общему правилу, в стройной иерархии и соподчиненности, что дает возможность участникам отношения правомерно строить свое поведение на основе официально опубликованных для всеобщего сведения нормативных текстов. Для иллюстрации можно сказать, что, к примеру, деятельность профессионального участника рынка ценных бумаг осуществляется не в соответствии с некими общими «нормами о ценных бумагах», а на основе Федерального закона «О рынке ценных бумаг», деятельность управляющей компании паевого инвестиционного фонда – на основе Федерального закона «Об инвестиционных фондах» и т.п.

Помимо федеральных законов нормативно-правовой оболочкой секьюритарного права служит весь комплекс нормативных источников российской правовой системы: нормативные указы Президента и постановления Правительства Российской Федерации, акты регулирующих органов исполнительной власти, локальные акты профессиональных участников рынка ценных бумаг и эмитентов, нормосодержащие соглашения, включая межгосударственные.

Федеральные законы традиционно играют ведущую роль в обеспечении функционирования регулятивно-правового механизма, устанавливая базовые правила поведения субъектов отношений в сфере гражданского оборота ценных бумаг. В целях систематизации их совокупность можно подразделить:

а) на законы, устанавливающие общие понятия, принципы, правила и начала, необходимые для упорядочения оборота ценных бумаг (к их числу относятся Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»);

б) законы об отдельных важнейших объектах правового интереса в сфере оборота ценных бумаг (такими являются федеральные законы «О переводном и простом векселе», «Об ипотеке (залоге недвижимости)», «Об ипотечных ценных бумагах», «Об акционерных обществах», «Об инвестиционных фондах», «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг»);

в) законы, регламентирующие деятельность отдельных специализированных субъектов отношений в сфере оборота ценных бумаг (таковы в соответствующих частях федеральные законы «О рынке ценных бумаг», «Об ипотечных ценных бумагах», «Об инвестиционных фондах», «О саморегулируемых организациях»);

г) законы, определяющие порядок осуществления отдельных специальных функций в сфере оборота ценных бумаг (в их числе федеральные законы «О защите конкуренции», «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных

бумаг», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О государственной регистрации выпусков акций, размещенных до вступления в силу Федерального закона “О рынке ценных бумаг” без государственной регистрации», «Об использовании государственных ценных бумаг для повышения капитализации банков», «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации»);

д) законы, предусматривающие ответственность и устанавливающие конкретные санкции за правонарушения при выпуске, обращении и осуществлении иных операций с ценными бумагами (Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях).

4. Важная роль в регулятивно-правовом механизме системы норм секьюритарного права принадлежит такому элементу, как совокупность актов официального и иного допустимого толкования: конституционного, доктринального, судебного, государственных регулирующих органов. Такая совокупность неоднородна по своему содержанию и характеру регулирующего воздействия. Акты «государственно-правового», в том числе судебного толкования, обычно имеют обязательный характер. Примером могут служить: определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 192-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Правительства Москвы о проверке конституционности отдельных положений статей 6, 9 и 10 Федерального закона “Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг”», определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 926-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб компании “JPM Partners LDC” на нарушение конституционных прав и свобод положениями части десятой статьи 26 Федерального закона “О рынке ценных бумаг”».

Акты доктринального толкования не обладают общеобязательной юридической силой, но служат важным ориентиром для формирования правовых позиций по сложным вопросам комплексного и многоаспектного секьюритарного права, в том числе и для уполномоченных государственных органов. Примером может служить «Заключение Уральского отделения Российской школы частного права по вопросу о том, что является основанием для внесения записи в реестр владельцев именных ценных бумаг» [13].

5. Неотъемлемым элементом регулятивно-правового механизма секьюритарного права, во многом обеспечивающим его динамику, служит комплекс находящихся во взаимодействии юридических фактов (событий, действий, состояний), порождающих, изменяющих, прекращающих отношения между субъектами, имеющими экономический интерес к ценным бумагам и тесно связанным с ними объектам, а также обеспечивающих приобретение этими субъектами того или иного юридического положения (статуса). Совокупность сделок особого характера, возникающих исключительно при операциях на рынке ценных бумаг, занимает центральное место в системе юридических фактов.

Среди таких сделок следует назвать две основные их группы:

а) сделки «универсального» характера, которые могут осуществляться как с ценными бумагами, так и с другими объектами гражданских прав (купли-продажи, дарения, мены, внесения в уставные капиталы, залога и пр.);

б) сделки «специального» характера, легально установленным предметом которых могут быть исключительно ценные бумаги (доверительное управление ценными бумагами, маржинальные сделки, эмиссия ценных бумаг, выпуск депозитарных расписок, депозитарное хранение, дробление и консолидация, выдача векселей, залладных, ипотечных сертификатов участия и паев паевых инвестиционных фондов, услуги по учету прав владельцев ценных бумаг, индоссамент ордерных ценных бумаг, уступка прав по именованным ценным бумагам и др.).

6. На основе охарактеризованных выше элементов в качестве самостоятельного элемента регулятивно-правового механизма выступают урегулированные надлежащими нормами, отраженными и зафиксированными в соответствующих правовых актах, особые отношения между субъектами права, приобретающие характер правовых отношений.

К числу основных правоотношений секьюритарного права можно отнести: эмиссионные, депозитарные, расчетно-клиринговые, биржевые, акционерные, брокерские (посреднические, агентские, комиссионные), дилерские (торговые), учетно-регистрационные, контрольно-надзорные, облигационные, вексельные, секьюритизационные, инвестиционные, организаторские, консультационно-информационные правоотношения.

7. Заложенный в нормах секьюритарного права потенциал находит свою практическую реализацию в таком элементе механизма, как соответствующие правоприменительные и правореализационные акты уполномоченных субъектов: как публичных (например, судебных органов), так и частно-корпоративных, по своей воле и в своем интересе иницирующих и реализующих отношения в сфере ценных бумаг (например, профессиональных участников, саморегулируемых организаций).

8. Поскольку регулятивно-правовой механизм является частью и, в то же время, своего рода проекцией более обширной категории механизма правового регулирования, в нем могут присутствовать черты юридического режима правомерности (законности), характерного для механизма правового регулирования в целом. Такие черты проявляются в результате взаимодействия публичных и частных субъектов, контрольно-правоприменяющих и правотворческих органов, а также государства как особого субъекта отношений. В результате регулятивно-правовой механизм выполняет вспомогательную роль при реализации охранительной функции механизма правового регулирования по отношению к обороту ценных бумаг как сложному эко-

номическому, социальному и правовому явлению.

Подводя краткий итог исследованным выше вопросам, можно сделать вывод о том, что регулятивно-правовой механизм секьюритарного права как отдельного комплекса специфических правовых норм является самостоятельным и объективным функционально-правовым явлением, теоретической категорией, имеющей юридико-практическое, нормотворческое и доктринальное значение, заслуживающим пристального внимания со стороны современной цивилистической науки на этапе ее динамичного развития.

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 2. Товар. Торговые сделки. М.: Статут, 2003. 544 с.

2. Решетина Е.Н. Правовая природа корпоративных эмиссионных ценных бумаг. М.: Городец, 2005. 160 с.

3. Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве: учеб. пособие по спец. курсу: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2007. 1260 с.

4. Шевченко Г.Н. Правовое регулирование ценных бумаг: учеб. пособие. М.: Статут, 2005. 254 с.

5. Габов А.В. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений на рынке ценных бумаг: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 54 с.

6. Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования: монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. 328 с.

7. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Государство и регулирование инвестиций. М.: Городец-Издат, 2003. 272 с.

8. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1632 с.

9. Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов и фактов. М.: Норма, 1998. 453 с.

10. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск, 1972. 272 с.

11. Грибанов В.П. Советское гражданское право: учебник. Т. 1. М.: Госюриздат, 1959. 494 с.

12. Ласк Г. Гражданское право США (Право торгового оборота): пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 438 с.

13. Заключение Уральского отделения Российской школы частного права по вопросу о том, что является основанием для внесения записи в реестр владельцев именных ценных бумаг [Электронный ресурс]. URL: <http://privlaw-ural.ru> (дата обращения: 28 марта 2009 г.).

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА
ИЛИ ДО ПОКУШЕНИЯ НА САМОУБИЙСТВО

Н.Г. Чукаева

(заместитель декана общеправового факультета Тюменского юридического института
МВД России; 8 (3452) 59-84-69)

На основе исследования генезиса правовой оценки и общественной опасности доведения до самоубийства определяется социальная обусловленность криминализации доведения до самоубийства, а также предлагается внести соответствующие изменения в Уголовный кодекс России.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, общественная опасность доведения до самоубийства, криминализация доведения до самоубийства.

Жизнь человека – высшая ценность в любом цивилизованном обществе, поэтому совершенствование правового механизма охраны жизни человека во все времена представляется актуальным. Важным элементом в системе такого механизма являются нормы уголовного права, обеспечивающие безопасность жизни человека. В российском законодательстве в ряду этих норм ныне имеет место и норма, предусматривающая уголовную ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Идея охраны жизни от действий (бездействий), которые способны довести потерпевшего до самоубийства (попытки самоубийства), в России возникла и была отражена в уголовном законодательстве не сразу. Анализ памятников российского законодательства и специальной литературы позволяет говорить о том, что «длительное время такого правового понятия, как “доведение до самоубийства”, не существовало» [1, с. 12]. Лишь в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.) осуществляется криминализация склонения и пособничества к самоубийству, которые приравнивались к пособничеству в преднамеренном убийстве (ст. 1475 Уложения). Наряду с этим подлежали наказанию побуждение к самоубийству (близкое, по словам М.Д. Шаргородского, к составу доведения до само-

убийства в советском праве) и жестокость в отношении подчиненного лица или лица, находящегося на попечении, приведшая к самоубийству последнего (ст. 1476 Уложения) [2, с. 36; 1, с. 12].

Советское уголовное право предусматривало уголовную ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него, но лишь *лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного* (ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г.; ст. 107 УК РСФСР 1960 г.).

Действующее уголовное законодательство России «пошло» дальше: «Исключение из диспозиции ст. 110 УК требования материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного при доведении до самоубийства расширило рамки применения этой статьи по сравнению с рамками применения ст. 107 УК РСФСР» [3, с. 245]. Такое решение вполне согласуется с внешней политикой Российского государства и интеграцией его в мировое сообщество, предполагающей отражение в национальном законодательстве общепризнанных принципов и норм международного права. Из основополагающих международных документов, ориентированных на всестороннюю охрану жизни человека, следует указать на Всеобщую декларацию прав человека, принятую резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217 А (III) 10 декабря 1948 г. [4]; Международный

пакт «О гражданских и политических правах», принятый резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 А (XXI) 16 декабря 1966 г. [5]; Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах», принятый резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 А (XXI) 16 декабря 1966 г. [6]; Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятую 4 ноября 1950 г. [7]; Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. [8], и некоторые другие. В названных документах закреплён приоритет личности, её прав и свобод в сравнении с иными ценностями в обществе. А поскольку среди прав человека право на жизнь является основным, постольку всемерная охрана данного права должна обеспечиваться всеми государствами, ратифицировавшими данные международные документы. Следовательно, установление ответственности в Уголовном кодексе России за доведение до самоубийства *любого лица* (ст. 110) соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права.

Необходимость установления уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство обусловлена не только исторически сложившейся юридической практикой в области уголовно-правовой охраны жизни человека, а также требованиями международных договоров России, но и общественной опасностью такого преступления, как доведение до самоубийства (покушения на него). Стоит заметить, что об общественной опасности деяния как об основании его криминализации начали говорить лишь советские ученые. Так, К. Кенни говорил о шести условиях установления уголовной наказуемости деяния:

1) вред от криминализуемой группы деяний должен быть значительно более прямым и косвенного вреда, который неизбежно влечет за собой применение уголовного наказания (можно заметить, что данное условие в определенной степени относится к характеристике общественной опасности деяния);

2) криминализуемое деяние должно поддаваться определению с точностью, необходимой для права;

3) это деяние должно быть с достоверностью доказуемым;

4) доказывание подобных деяний должно достигаться «без ущерба для неприкосновенности частной жизни и отношений доверия между близкими людьми»;

5) деяние должно в значительной мере возмущать привычные чувства общества, общественное мнение;

6) достаточная защита общества от данного вида деяний не может быть обеспечена более мягкими мерами – административными или гражданско-правовыми [9, с. 27-29].

В советской уголовно-правовой науке вредоносность деяния связывали с категорией «общественная опасность», одновременно признавая ее в качестве одного из существенных факторов для криминализации деяния [10, с. 101-103; 11, с. 81; 12, с. 215-218].

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, может проявляться многообразно: в самом деянии, в последствиях данного деяния, в иных существенных характеристиках данного преступления.

Общественная опасность доведения до самоубийства (покушения на самоубийство) проявляется в самом действии (бездействии) виновного. «Помимо того, что оно посягает на безопасность жизни другого человека, рассматриваемое деяние характеризуется исключительной безнравственностью, циничным отношением к достоинству и душевному состоянию другого человека» [13, с. 64]. Цитируемое положение подтверждается тем, что способы доведения до самоубийства (угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего) должны быть сами по себе преступными. Так, Ю.А. Уколова однозначно утверждает: «Действия (бездействие) виновного по доведению потерпевшего до самоубийства в обязательном порядке должны носить преступный, уголовно наказуемый характер. В противном случае они не представляют

достаточной степени *общественной опасности* (курсив наш. – Н. Ч.), и квалификация действий виновного как преступления в таком случае является необоснованной» [1, с. 9].

Гораздо раньше М.Д. Шаргородский уточнял эту мысль: «Если самоубийство явилось результатом законных действий обвиняемого, то даже при наличии причинной связи и заведомости уголовная ответственность не может иметь места; так, нельзя привлечь к уголовной ответственности начальника, законно уволившего сотрудника, или мужа, разошедшегося с женой, если они даже были предупреждены, что сотрудник или жена намерены покончить с собой, и все же не отказались от своих действий» [2, с. 41]. Не может быть оценено как доведение до самоубийства обоснованное выставление неудовлетворительной оценки на экзамене. Так, московский школьник, не сдавший Единый государственный экзамен (ЕГЭ), покончил жизнь самоубийством. Около полуночи 16-летний подросток выбросился из окна квартиры жилого дома по ул. Пулковская г. Москвы. От травм подросток погиб на месте [14]. Не может также влечь уголовной ответственности прекращение личных отношений между юношей и девушкой. Так, 17 апреля 2010 г. в г. Тобольске Тюменской области 17-летняя студентка училища после дискотеки пришла к своей подруге и выбросилась из окна пятого этажа. Причиной, побудившей девушку свести счеты с жизнью, стало расставание с молодым человеком, предложившим свою дружбу другой девушке.

Схожий случай произошел в селе Большая Ченчерь Казанского района Тюменской области, где днем 28 марта 2010 г. в надворных постройках дома был обнаружен труп 19-летней студентки. Следствие установило, что повесилась девушка после того, как повздорила со своим приятелем. Парень отказался проживать совместно с ней и арендовать для этих целей отдельную квартиру. Решив, что молодой человек ее не любит, студентка совершила суицид.

29 марта 2010 г. 17-летний житель г. Тобольска Тюменской области, нахо-

дясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел в гости к своей знакомой. Во время разговора девушка обратила внимание парня на то, что он пьян, и гость сразу же ушел. Через несколько часов девушке сообщили, что ее знакомый покончил жизнь самоубийством.

Ночью 30 марта 2010 г. в деревне Ачиры Тобольского района Тюменской области обнаружено тело 16-летней ученицы 10 класса, покончившей с собой в кладовой своего дома. В ходе осмотра места происшествия следователь обнаружил мобильный телефон погибшей, при изучении содержания которого найдено смс-сообщение, отправленное подруге, следующего содержания: «Дорогая, передай Денису, чтоб смог простить меня... И ты тоже смись... Прощайте...» [15].

Не могут также быть оценены как доведение до самоубийства «нравоучения» родителей, если они не связаны с унижением человеческого достоинства самоубийцы. Так, 17 апреля 2010 г. самоубийство совершил 18-летний житель села Ембаево Тюменского района Тюменской области. Молодой человек учился на первом курсе одного из тюменских вузов. Перед тем как свести счеты с жизнью, он поссорился со своей матерью, которая пыталась убедить сына «взяться за ум» и посвящать больше времени учебе. Сразу после разговора молодой человек закрылся в гараже и, несмотря на все уговоры матери, дверь не открыл и повесился. Приехавший вскоре отец сумел открыть ворота гаража, однако спасти сына не смог [16].

Вместе с тем изложенная выше позиция не всегда находит одобрение среди ученых. В частности, Н.А. Сафонова считает необходимым «предусмотреть в числе форм доведения до самоубийства иные противоправные или *аморальные* (курсив наш. – Н. Ч.) действия (бездействие)» [17, с. 8]. Но в этом случае общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, «переносится» исключительно на последствия преступления – доведение до самоубийства или до покушения на него. Стоит указать, что аналогичного свойства вопрос был задан экспертам – фе-

деральным и мировым судьям, следователям, дознавателям (всего 81 человек). В частности, вопрос звучал следующим образом: «В действующей редакции УК РФ (ст. 110) способы доведения до самоубийства являются по своей сути противоправными (преступными). На Ваш взгляд, следует ли криминализировать деяние, когда по сути непроступные действия (например, прекращение личных отношений, уход из семьи, развод родителей и т.п.) влекут за собой самоубийство человека (попытку самоубийства)?». При этом вариант ответа: «по сути непроступные действия, повлекшие за собой самоубийство человека (попытку самоубийства), также должны быть наказуемыми во всех случаях» – не отметил ни один из опрашиваемых; вариант ответа: «по сути непроступные действия, повлекшие за собой самоубийство человека (попытку самоубийства), также должны быть наказуемыми, только *если они грубо нарушают моральные и нравственные нормы* (курсив наш. – Н. Ч.)» выбрали 2 респондента (2,5 % от общего числа экспертов). В то же время предлагают «оставить так, как есть в законе» 74 опрошенных (91 %). Вопрос вызывал затруднения у 5 экспертов (6,2 %).

На наш взгляд, установление уголовной ответственности лишь за преступные сами по себе способы доведения до самоубийства (покушения на него) обосновано. Каждый человек индивидуален, у каждого свой темперамент. Как справедливо отмечал Л.А. Рогачевский, «Реальные жизненные ситуации воспринимаются людьми на основе их познавательной деятельности. Воспринимая внешнее явление, человек проникает в его сущность и определяет его значение для себя. В то же время всякое воздействие внешнего мира на человека, пройдя через сознание, проявляется не только в виде мыслей, но и чувств. Акт восприятия, как каждый конкретный психический акт, включает в себя два компонента – интеллектуальный (познавательный) и эмоциональный. Восприятие ситуации получает оценку, вследствие чего у субъекта возникает определенное оценочное отношение. Даваемая внешнему явлению оцен-

ка также содержит два компонента. Чисто рациональной оценки быть не может. Занимая определенную позицию по отношению к данному явлению, человек его эмоционально переживает. Возникающая при этом эмоция – чувственное воплощение оценки» [18, с. 8]. Следовательно, одни и те же действия (бездействие) третьих лиц разными людьми чувственно (эмоционально) будут оценены по-разному: одни не обратят внимания на поступки третьего лица; другие внутренне осудят поведение третьих лиц; третьи сочтут такое поведение достаточным поводом для того, чтобы не жить (для самоубийства). Приведенный выше пример самоубийства школьника подтверждает наш вывод.

В связи с этим с практических позиций представляется абсолютно невозможным определить даже примерный перечень действий (бездействия), повлекших за собой самоубийство человека (попытку самоубийства), которые подлежали бы криминализации. Объявляя же абсолютно неконкретизированный перечень деяний, которые могут повлечь за собой самоубийство человека (попытку самоубийства), в качестве преступных – по типу: «совершение действий (бездействия), повлекших за собой самоубийство человека (попытку самоубийства) – является законодательно допустимой аналогией, что противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ). Таким образом, лишь сами по себе преступные действия (бездействие) могут выступать в качестве способов доведения до самоубийства (покушения на него).

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, проявляется и в последствиях данного деяния, в качестве которых выступают самоубийство или покушение на самоубийство.

Россия – один из лидеров по числу самоубийств. Так, по словам руководителя отдела экологических и социальных проблем психического здоровья Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского профессора Б.С. Положего, Россия остается на одном из первых мест в мире по частоте суицидов. В 2007 г. этот показатель составил 29

на 100 тыс. населения, тогда как в мире в среднем он составляет 14 на 100 тыс. При этом, указал Б.С. Положий, ежегодно в России от суицидов гибнет больше людей, чем в дорожно-транспортных происшествиях. Так, в 2007 г. вследствие суицида в стране погибли 41 тыс. 329 человек – это население небольшого города [19].

По официальной статистике, ежегодно в мире кончает жизнь самоубийством 1 000 000 человек, 50 тысяч из которых – россияне. Официальная статистика самоубийств значительно отличается от реальной (приблизительно в 4 раза), поскольку в нее попадают только явные случаи. Никто не фиксирует случаи неудачных попыток самоубийства, число которых, по разным оценкам, в 10–20 раз больше, чем законченных самоубийств. Только один из четырех (24 %) тех, кто совершил попытку самоубийства и остался жив, соприкасается с профессиональной системой здравоохранения. По прогнозам, к 2020 году число самоубийств в мире достигнет 1 500 000 человек в год [20].

По свидетельству И. Тулинского, в Тюменской области в 2009 г. добровольно ушло из жизни по различным данным от 900 до 1 150 человек. Это почти в два раза больше, чем в среднем по стране [21].

Цифры, действительно, пугающие. И хотя доля лиц, совершивших суицид вследствие угроз, жестокого обращения или систематического унижения их человеческого достоинства со стороны других лиц (жертв преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ), в общем числе самоубийц ничтожно мала, сами последствия в виде «ухода из жизни» ввиду невосполнимости (невозможности восстановить утраченное благо) обуславливают общественную опасность доведения до самоубийства (покушения на него).

Последствия преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в виде «покушения на самоубийство» определяют общественную опасность содеянного потому, что наносят существенную психическую травму человеку. Решение лишить себя жизни как единственный способ избежать издевательств уже является свидетельс-

твом глубокой душевной травмы. Более того, решение совершить суицид воплощается в реальных действиях потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, что уже сопряжено с последствиями физического (а не только морального) вреда здоровью жертвы насилия. Так, прокуратура Ленинского округа г. Тюмени 8 ноября 2006 г. возбудила, но впоследствии прекратила уголовное дело в отношении пяти несовершеннолетних девочек, совершивших общественно опасные деяния, формально предусмотренные ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 175 УК РФ, ст. 116, ст. 110 УК РФ (вымогательство, приобретение имущества, добытого преступным путем, побои, доведение до самоубийства). Как установлено следствием, несовершеннолетние на протяжении 2005–2006 гг. систематически избивали, унижали честь и достоинство своей сверстницы, 14-летней школьницы Н. Суворовой, вымогали у нее деньги. Находясь в отчаянном положении, она 4 ноября 2006 года выбросилась с 8-го этажа жилого дома. В результате падения с большой высоты ее здоровью был причинен тяжкий вред. В ходе расследования уголовного дела факт совершения несовершеннолетними указанных выше деяний подтвердился. При этом следствием установлено, что ни одна из несовершеннолетних возраста привлечения к уголовной ответственности не достигла, в связи с чем уголовное дело в отношении них было прекращено [22].

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, может проявляться и в иных существенных характеристиках данного преступления. Так, согласно результатам проведенного нами экспертного опроса, общественная опасность доведения до самоубийства (покушения на него) может быть обусловлена особенностями взаимоотношений преступника и жертвы, в частности, нахождением потерпевшего в какой-либо зависимости от виновного (так считают 6,2 % от числа опрошенных). О справедливости этого свидетельствует то, что в советских уголовных кодексах, как отмечалось выше, уголовная ответственность была установлена за доведение до самоубийства (поку-

шения на него) «специального» потерпевшего – лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного. Более того, современные исследователи указывают на необходимость установления повышенной уголовной ответственности за доведение до самоубийства (покушения на самоубийство) лица, также находящегося в материальной или иной зависимости от виновного [17, с. 8; 23, с. 9].

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, по мнению опрошенных, достаточно часто может проявляться и в особенностях обстановки совершения преступления. Так, 11 % экспертов указали на то, что общественная опасность доведения до самоубийства обусловлена невозможностью потерпевшего уклониться от посягательства на свои права в связи, например, с нахождением в детском доме, обучением в военном училище, службой в армии. Последнее, по-видимому, связано с освещением в средствах массовой информации фактов последствий «дедовщины» в армии. В частности, по мнению главного военного прокурора России А. Савенкова, притеснения со стороны сослуживцев являются основной причиной самоубийств. Это более половины всех случаев суицида в армии. Так, в Кабардино-Балкарии прокуратура Нальчикского гарнизона возбудила уголовное дело по факту самоубийства рядового А. Богданова. Уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»). Труп рядового был обнаружен в поселке Звездный под Нальчиком. Солдат повесился, предварительно вскрыв себе вены. По ст. 110 УК РФ военная прокуратура расследовала и самоубийство матроса срочной службы Е. Ганзина, застрелившегося в Москве из своего автомата при заступлении в караул. Побоев и иных следов насилия на его теле не обнаружено [24].

Челябинец Е. Малахов покончил с собой в карауле, практически сразу после заступления на пост. Как сообщил старший помощник прокурора военной прокуратуры по Уральскому военному округу

С. Богомолов, возбуждено уголовное дело по статье 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» [25].

В ноябре 2007 г. в Челябинском гарнизонном военном суде начался процесс по делу о самоубийстве 16-летнего Н. Самитова, повесившегося в Челябинском высшем военном авиационном училище штурманов 30 января 2007 года. На скамье подсудимых двое сокурсников погибшего – 19-летний А. Бондарев и 18-летний Н. Крупский. По мнению прокуратуры, именно они довели Самитова до самоубийства. Из обвинительного заключения следует, что 27 октября 2006 года, когда молодые люди только поступили на первый курс, на общем собрании отделения Бондарев заявил, что Самитов украл мобильный телефон у одного из сослуживцев, и потребовал от Самитова добровольно отчислиться из училища. В противном случае обещал сделать жизнь курсанта невыносимой. Самитов отказался уйти из вуза, Бондарев и Крупский начали исполнять свою угрозу. Регулярно после отбоя они поднимали Самитова с кровати и на глазах всего курса, обзывая «крысой», заставляли идти в туалет. Там потерпевшего заставляли мыть полы или просто развлекались, кулаками и нецензурной бранью воспитывая непокорного. Следствие установило, что по крайней мере дважды Бондарев и Крупский посылали Самитова за спиртным в ближайший магазин в нарушение всех правил. За любое неповиновение, например, отказ дать сигарету, Самитов получал с их стороны удары. По мнению гособвинения, «последней каплей» стал случай, произошедший 23 января 2007 г. Бондарева после подъема назначили наводить порядок в казарме, однако он решил заставить выполнять свои служебные обязанности Самитова. Неделию спустя Самитов, заступив в наряд, закрылся в туалете и повесился на ремне [26].

Относительно закрытый коллектив – воинская часть, военное училище, детский дом, место лишения свободы и т.п. – порождает у жертвы чувство безысходности, когда единственным способом избежать издевательств является суицид. Таким образом, особенности обстановки совершения

преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в частности, невозможность потерпевшего уклониться от противоправного воздействия со стороны других лиц, свидетельствуют об общественной опасности доведения до самоубийства.

Один респондент (1,23 %) указал на общее равнодушие окружающих к проблемам личности как обстоятельство, объясняющее общественную опасность доведения до самоубийства.

Стоит отметить, что «иные» варианты ответа респондентам не предлагались, они их предлагали самостоятельно.

Характеристика общественной опасности любого преступления будет неполной, если обойти стороной вопрос о его прецедентности, «несущей угрозу наступления негативных последствий в результате совершения новых преступлений» [27, с. 11]. И здесь по меньшей мере странно видеть, когда исследователи, обосновывая актуальность проблемы уголовно-правовой борьбы с доведением до самоубийства, почему-то иллюстрируют это количеством суицидальных актов вообще, а не количеством тех случаев самоубийств (покушений на самоубийство), которые были обусловлены угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего [17; 1]. Вместе с тем Ю.А. Уколова указывает, что в период с 2001 по 2006 гг. за доведение до самоубийства было осуждено 172 человека. В период с 1997 по 2007 гг. на территории Оренбургской области по ст. 110 УК РФ суд рассмотрел 13 уголовных дел, лишь по шести из которых были постановлены обвинительные приговоры [1, с. 2].

В процессе изучения судебной практики в г. Тюмени и Тюменской области нами не было выявлено ни одного обвинительного приговора по ст. 110 УК РФ, вынесенного в период с 2000 по 2010 гг. Более того, анализ практики по уголовным делам Верховного Суда РФ за период с 2008 по 2010 гг. также показал, что дела о преступ-

лениях, предусмотренных ст. 110 УК РФ, Верховный Суд РФ не рассматривал*.

По данным проведенного нами экспертного опроса дознавателей, следователей и судей, ни одному из экспертов (100 % опрошенных) в своей деятельности лично не приходилось квалифицировать деяние по ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства».

Сказанное выше свидетельствует о том, что большой распространенности в следственно-судебной практике дела о преступлениях, предусмотренных ст. 110 УК РФ, не имеют.

Какие выводы из этого можно сделать? Прежде всего, напрашивается вывод

* Едва ли не единственным решением в этой части можно назвать определение № 4-17/08 Военной коллегии Верховного Суда РФ о том, что «непризнание матери погибшего потерпевшей влечет отмену постановления судьи». Так, постановлением следователя военной прокуратуры гарнизона от 15 апреля 2005 г. прекращено за отсутствием события преступления уголовное дело, возбужденное по постановлению следователя той же прокуратуры от 11 декабря 2003 г. по признакам преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Основанием для прекращения уголовного дела послужил вывод следователя о том, что смерть обнаруженного в туалете казарменного помещения курсанта Ж. наступила по причине его самоубийства, совершенного в состоянии невротической депрессии и выраженного эмоционального напряжения; лиц, виновных в его смерти, нет. Постановлением судьи гарнизонного военного суда от 17 января 2008 г. жалоба матери погибшего Ж., в которой она просила об отмене постановления следователя и устранении допущенных нарушений, оставлена без удовлетворения. Военная коллегия Верховного Суда РФ отменила постановление, поскольку согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные этой статьей, переходят к одному из его близких родственников. Оставление судьей без внимания этого обстоятельства при рассмотрении жалобы заявителя на постановление следователя о прекращении ранее возбужденного уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, повлекло нарушение норм процессуального права. Следовательно, постановление судьи подлежит отмене, а материалы судебного производства – направлению в тот же суд для рассмотрения жалобы заявителя (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11).

о нецелесообразности сохранения в УК РФ ст. 110 «Доведение до самоубийства». Однако ввиду высокой общественной опасности способов доведения до самоубийства (покушения на него), а равно самих последствий в виде смерти (попытки суицида) вопрос о декриминализации фактов доведения до самоубийства (покушения на него) ставить нельзя. На первый взгляд, такой вывод видится противоречивым. Вместе с тем указания на преступные способы доведения до самоубийства (покушения на него) фактически «разбросаны» по многим нормам Особенной части УК РФ. Часть этих норм в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака предусматривает факт суицида потерпевшего (попытку самоубийства), о чем прямо говорится в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ [28; 29; 30].

Стоит также предположить, что суицид (попытка суицида) жертвы преступных действий (бездействия) может быть последствием не только преступлений, обозначенных Пленумом Верховного Суда РФ, но и иных преступлений, по которым в УК РФ предусмотрено (или должно быть предусмотрено) наступление тяжких последствий в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) обстоятельства. Например, Ю.П. Попова к тяжким последствиям как к квалифицирующему признаку состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 301 УК РФ «Незаконное задержание, заключение под стражей или содержание под стражей», относит «самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего или его близких в результате незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей» [31, с. 74]. Такое решение, как представляется, позволит не только «сэкономить» уголовно-правовой материал (исключить из него практически недействующую уголовно-правовую норму), но и будет способствовать «упрощению» следственно-судебной практики при квалификации конкурирующих норм [3, с. 246-252].

Таким образом, мы полагаем целесообразным не декриминализацию доведения до самоубийства (покушения за него), а

лишь исключение из УК РФ ст. 110 «Доведение до самоубийства», с одновременным приданием факту суицида (покушения на суицид) характера отягчающего (квалифицирующего или особо квалифицирующего) обстоятельства в иных преступлениях (например, предусмотренных статьями 117, 119, 122, 126, 127, 127.1, 127.2, 128, 129, 130, 131, 132, 136, 150, 151, 156, 201, 202, 203, 205, 206, 230, 240, 241, 242.1 и др. УК РФ).

1. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская гос. юрид. академия, 2008. 23 с.

2. Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 434 с.

3. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 1999. 356 с.

4. Рос. газ. 1998. 10 дек.

5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

7. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

8. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 52. Ст. 1865.

9. Кенни К. Основы уголовного права. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 132 с.

10. Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101-103.

11. Курляндский В.И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 81-83.

12. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 304 с.

13. Уголовное право России: учебник для вузов. Особенная часть: в 2 т. Т. 2 / отв.

ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красилов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 808 с.

14. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=365108> (дата обращения: 2 июня 2010 г.).

15. Келлер М. Весеннее обострение: семь самоубийств за три недели (27 апреля 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://72.ru/business/282448.html> (дата обращения: 2 авг. 2010 г.).

16. URL: <http://72.ru/business/282448.html> (дата обращения: 2 авг. 2010 г.).

17. Сафонова Н.А. Доведение до самоубийства: социальный и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 2002. 23 с.

18. Рогачевский Л.А. Эмоции и преступления. Л.: Знание, 1984. 32 с.

19. URL: <http://www.nashgorod.ru/news/news12296.html> (дата обращения: 2 авг. 2010 г.).

20. URL: <http://lossofsoul.narod.ru/DEPRESSION/suicide/statistic.htm> (дата обращения: 2 авг. 2010 г.).

21. URL: http://www.tumen-sloboda.ru/publ/novosti_tjumeni/kriminal/27-1-0-609 (дата обращения: 2 авг. 2010 г.).

22. URL: http://www.proctmo.ru/news/news_117585985614/ (дата обращения: 2 авг. 2010 г.).

23. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2004. 204 с.

24. Рос. газ. 2006. 1 февр.

25. Рос. газ. – Южный Урал. 2007. 14 февр. № 4294.

26. Рос. газ. – Южный Урал. № 4524. 2007. 22 нояб.

27. Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2005. 118 с.

28. Абз. 2 п. 15. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 9 от 27 мая 1998 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7.

29. П. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8.

30. П. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

31. Попова Ю.П. Наступление тяжких последствий как квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного в ч. 3 ст. 301 УК РФ // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Вып. 2. Тюмень: Тюменский гос. ин-т мировой экономики, управления и права (ТГИМЭУП), 2006. С. 73-76.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 145.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НЕВЫПЛАТА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ ВЫПЛАТ)

С.П. Костылев

(главный специалист уполномоченного органа в сфере опеки, попечительства
и патронажа Муниципалитета внутригородского муниципального образования
Басманное в городе Москве; 01ksp09@mail.ru)

В связи с имеющейся во многих субъектах Российской Федерации задолженностью по выплате заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат в настоящее время сохраняется проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, являющихся руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. В статье проанализировано понятие руководителя организации с точки зрения различных отраслей права, определены основные признаки руководителя организации как субъекта преступления, предусмотренного ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ, предложено внести изменения в диспозицию.

Ключевые слова: руководитель организации, субъект невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, уполномоченный.

В ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) законодателем предусмотрено, что за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат к уголовной ответственности может быть привлечен только руководитель организации, работодатель – физическое лицо. При этом в рассматриваемой статье, как и в УК РФ в целом, отсутствуют определения понятий «руководитель организации» и «работодатель – физическое лицо», что влечет необходимость обращения к другим отраслям права.

Так, в соответствии со ст. 48 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, признается юридическим лицом. При этом юридическими лицами, в соответствии со ст. 50 ГК РФ, могут быть как коммерческие, так и некоммерческие организации.

В соответствии со ст. 20 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) понятие «ор-

ганизация» является синонимом понятия юридического лица.

Следует отметить, что ранее в диспозиции рассматриваемой статьи законодатель использовал понятие «руководитель предприятия, учреждения или организации независимо от формы собственности». Однако Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 203-ФЗ «О внесении изменения в статью 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [1] законодатель исключил из диспозиции ч. 1 ст. 145.1 УК РФ слова «предприятия, учреждения... независимо от формы собственности», добавив в качестве субъекта преступления рассматриваемой статьи работодателя – физическое лицо.

Руководитель организации в настоящее время может быть субъектом очень широкого спектра правонарушений, связанных с его особым правовым статусом и трудовой функцией, которая состоит в исполнении актов юридического лица.

Например, в гражданском обороте руководитель, выступающий от имени юридического лица, может быть субъектом таких преступлений в сфере экономической деятельности, как незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ); невоз-

вращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ) и т.п.

Имея в силу своего специфического статуса широкий круг полномочий, а также обладая высокой организационной самостоятельностью, руководитель может совершать преступления, объектом которых могут быть интересы службы в организации, такие как злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и т.п.

Кроме того, при выполнении обязанностей работодателя руководитель может совершить преступления в сфере труда, предусмотренные главой 19 УК РФ, устанавливающей ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, – нарушение правил охраны труда (ст. 143 УК РФ), необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (145 УК РФ), невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (145.1 УК РФ).

В настоящее время в юридической литературе нет единого подхода к пониманию круга лиц, которых следует относить к такому субъекту преступления, как «руководитель организации» [2, с. 18]. Так, ст. 53 ГК РФ устанавливает понятие «Органы юридического лица». О «единоличном исполнительном органе» говорится в ст. 91 ГК РФ, в ст. 8 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ [3], в ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ [4] и др.

Согласно ст. 273 ТК РФ руководитель организации – физическое лицо, которое в соответствии с данным кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами юридического лица (организации) и

локальными нормативными актами осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа.

Кроме того, в иных нормативных правовых актах также используется понятие «руководитель организации» в значении единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности [5, ст. 2]; руководитель исполнительного органа организации либо лицо, ответственное за ведение дел организации [6, ст. 2], и т.д. В то же время необходимо учитывать, что УК РФ несколько иначе определяет признаки субъекта преступления, чем административное или трудовое законодательство.

Так, например, в ст. 142 ТК РФ, устанавливающей общие условия ответственности работодателя за нарушение сроков выплаты заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику, говорится о работодателе и (или) уполномоченных им в установленном порядке представителях работодателя, допустивших задержку выплаты работникам заработной платы.

В то же время в науке уголовного права имеются различные по объему толкования понятия субъекта исследуемого преступления, как узкие (например, субъект преступления – специальный: руководитель юридического лица [7, с. 260]; субъектом преступления является руководитель предприятия, учреждения или организации независимо от формы собственности, виновный в невыплате [8, с. 357]; субъектом преступления может быть только руководитель (т.е. руководящий кем-либо) организации, независимо от формы собственности, например директор фабрики, декан высшего учебного заведения [9, с. 327-328]), так и более широкие (например, субъектами преступления могут быть только руководители предприятий, учреждений или организаций, независимо от форм собственности, т.е. физические лица – руководители коммерческих и некоммер-

ческих организаций, различных государственных органов (включая представительные, судебные, исполнительные, правоохранительные, налоговые, таможенные и т.д.) и органов местного самоуправления. При этом не имеет значения наименование занимаемой должности либо выполняемой работы (например, генеральный директор ООО, президент ЗАО, председатель кооператива, директор муниципального унитарного предприятия, глава администрации района и т.д.). Главное, чтобы виновный относился именно к категории руководителей [10, с. 506]).

В диспозиции же ст. 145.1 УК РФ, по мнению Н.И. Пикурова, говорится не о работодателе и должностных лицах, а о лицах, исполняющих функции руководителя. При этом под руководителем, продолжает автор, понимается лицо, уполномоченное принимать решение о выдаче заработной платы и осуществлении иных платежей, а также имеющее право подписывать соответствующий документ о производстве выплаты в определенные сроки [11, с. 203].

Следует также отметить, что отнесение того или иного лица к категории руководителей с точки зрения уголовного права возможно только в результате проведения анализа учредительных документов организации, законов, регулирующих деятельность тех или иных организаций и учреждений, различных должностных инструкций, положений, приказов, штатного расписания и иных документов.

Внешним признаком, по мнению И.С. Викторова, А.Ж. Макашевой и Б.И. Шалыгина, служит чаще всего то обстоятельство, что лицо наделено правом найма и увольнения работников, а также правом дачи указаний, распоряжений; правом контроля деятельности работников. Оно же подписывает документы, необходимые для выдачи зарплаты и т.д. [10, с. 506].

Таким образом, многие авторы считают, что к категории «руководитель организации» необходимо отнести первых лиц коммерческих и некоммерческих организаций, государственных органов и органов местного самоуправления, имеющих право

приема и увольнения, дачи различных указаний и распоряжений, обязательных для всех работников организации, в т.ч. право решения вопроса относительно выплаты заработной платы.

Соглашаясь с общим понятием «руководитель организации», в то же время в рамках уголовного закона некоторые авторы конкретизируют признаки данного субъекта.

Так, А.А. Куприянов отмечает, что не во всех случаях справедливо ставить знак равенства между терминами «руководитель предприятия» и «генеральный директор». Первое лицо крупного акционерного общества, пишет далее автор, физически не может уследить за выплатой заработной платы в филиалах по всей России. Руководители организации, указанные в УК РФ, — это лица, входящие в руководящие органы юридического лица, которых в АО немало. При привлечении к уголовной ответственности отдавать предпочтение одному органу перед другим необходимо на основании устава организации. Применительно к ст. 145.1 УК РФ можно сделать вывод: руководители организаций в смысле уголовного преследования определяются в соответствии с компетенцией, закрепленной в учредительных документах и локальных актах АО. К уголовной ответственности может быть привлечен лишь тот руководитель, в компетенцию которого входит выплата заработной платы работникам. Эта функция относится к компетенции лица, исполняющего обязанности работодателя в отношении группы конкретных работников [12, с. 50].

По мнению Г.М. Миньковского, субъектом рассматриваемого преступления является «должностное лицо, принимающее на работу или увольняющее с нее, обеспечивающее своевременную выплату заработной платы» [13, с. 67].

В.Ю. Малахова утверждает, что «в данном случае речь идет о лицах, которые в соответствии с законодательством и внутренними нормативными актами организации уполномочены принимать решения о выплате заработной платы, пенсий и иных выплат» [14, с. 359].

Следовательно, руководитель организации как таковой не всегда может быть субъектом анализируемого преступления. Необходимо также отметить, что, по мнению сотрудников прокуратуры, «до настоящего времени остается открытым вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за невыплату заработной платы арбитражных управляющих» [15, с. 111].

Таким образом, полагаем, что в диспозицию ст. 145.1 УК РФ относительно субъекта преступления требуется внести некоторые уточнения.

По нашему мнению, анализируя нормы отраслей права, устанавливающие признаки руководителя организации, применительно к уголовному закону, установившему ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, можно выделить такие основные признаки, как *обязанность* и *уполномоченность*. Полагаем, что данные признаки являются обоснованными и достаточными для конкретизации лиц при рассмотрении субъекта преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ.

Считаем, что о субъекте рассматриваемого преступления как об *обязанном лице* следует говорить в том случае, когда собственник является руководителем организации – работодателем, и в его обязанности входит начисление, установление порядка выплаты, принятие решения о размерах и сроках проведения таких выплат, о перечислении соответствующих средств плательщикам или получателям названных видов платежей.

В том же случае, если руководитель организации назначается собственником, коллегиальным органом или компетентным органом в качестве арбитражного управляющего, то данное лицо от их имени выполняет различные полномочия руководителя, в том числе и рассматриваемые нами соответствующие выплаты различным категориям граждан – работникам, пенсионерам, студентам и др. Кроме этого, данные полномочия могут выполняться одним из членов коллегиального органа управления.

В данном случае следует говорить об *уполномоченном лице*.

Таким образом, на основе проведенного анализа предлагаем в диспозиции ч. 1 ст. 145.1 УК РФ слова «руководителем организации, работодателем – физическим лицом» заменить словами «обязанным или уполномоченным лицом», что, по нашему мнению, улучшит качество применения данной статьи.

1. О внесении изменения в статью 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 203-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31. Ст. 4000.

2. Егорова Н. Понятие «руководитель организации» в уголовном праве // Уголовное право. 2005. № 1. С. 18-20.

3. Об инвестиционных фондах: федер. закон от 29 нояб. 2001 г. № 156-ФЗ: ред. от 22.04.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49. Ст. 4562; 2010. № 17. Ст. 1988.

4. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ: ред. от 27.12.2009 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 1; 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6428.

5. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: ред. от 27.07.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190; 2010. № 31. Ст. 4188.

6. О бухгалтерском учете: федер. закон от 21 нояб. 1996 г. № 129-ФЗ: ред. от 28.09.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 48. Ст. 5369; 2010. № 40. Ст. 4969.

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / А.И. Рарог, Г.А. Есаков, А.И. Чучаев, В.П. Степалин; под ред. А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 496 с.

8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 704 с.

9. Курс уголовного права в пяти томах. Особенная часть / под ред. Г.Н. Бор-

зенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 3. 470 с.

10. Викторов И.С., Макашева А.Ж., Шалыгин Б.И. Правовая защита конституционных прав граждан на труд средствами государственного надзора и контроля. М.: Юрлитинформ, 2005. 568 с.

11. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика и статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева; отв. ред. А.В. Галахова. М.: Городец, 2009. 1168 с.

12. Куприянов А.А. Уголовная ответственность за несвоевременную выплату заработной платы // Трудовые споры. 2005. № 4. С. 50-53.

13. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под общ. ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2010. 392 с.

14. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.Ю. Маляховой. М.: Эксмо, 2010. 752 с.

15. Столяров Д.В. Некоторые проблемные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ // Защита прав граждан в сфере трудовых отношений и роль прокуратуры в их реализации: материалы науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 ноября 2005 г.). СПб.: Юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 110-111.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ РАСПОЗНАЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТОВ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

С.С. Шеслер

(старший преподаватель кафедры криминалистики и судебной экспертизы Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; 8 (3452) 59-84-42)

В статье рассматривается понятие распознающих признаков, используемых при решении задач распознавания в криминалистической экспертизе, и раскрывается их классификация по трем основаниям: по характеру связи с обозначающим их классом; по выделяющей способности; по степени устойчивости для выделяемого класса.

Ключевые слова: процесс распознавания, задача распознавания, распознающие признаки.

Под распознаванием в криминалистике понимают процесс отнесения отдельного объекта к какому-либо звену классификационной системы на основе разработанной системы признаков [1, с. 317]. Поэтому при решении задач распознавания в криминалистической экспертизе понятие «признак» занимает одно из центральных мест. Однако, несмотря на ту роль, которую выполняет признак в процессе распознавания, выяснению его содержательной стороны и классификации в категориальном аппарате криминалистической теории распознавания уделяется явно недостаточно внимания.

Следует заметить, что интерес к рассматриваемому понятию возник в криминалистике в связи с разработкой теории идентификации, и в большинстве случаев изучение признака ограничивалось рамками этой теории. В научной литературе бытует мнение, что «за пределами задачи идентификации понятие признака не существует» [2, с. 112]. В опровержение подобных высказываний приведем слова И.Д. Кучерова, который пишет: «Характеристики “идентификационный”, “дифференционный”, “диагностический” и другие признаки приобретают в специальных науках в соответствии с их методологией и только в связи с решаемой задачей... Сводить же все признаки к идентификационным, а многообразие их функций в

познании к идентификации – значит игнорировать опыт, обеднять возможность познания» [3, с. 54-55].

Не акцентируя внимание на общем определении понятия «признак», потому что этот вопрос в криминалистике до сих пор является дискуссионным и требует своего отдельного, более детального изучения, отметим, что мы придерживаемся точки зрения и аргументов авторов, понимающих под признаком объективное отражение некоторых характеристик свойств объектов (качественных, количественных), которым придается определенное значение, благодаря чему признак и выполняет свою информационную роль [1, с. 340-342].

В связи с тем, что долгое время задачи распознавания поглощались диагностическими, в литературе предпринимались попытки сформулировать определение диагностических признаков. Так, в «Энциклопедии судебной экспертизы» под диагностическим понимается признак, «по которому можно судить о свойствах отобразившегося в следе объекта, их изменениях во времени, условиях, в которых происходило взаимодействие объектов» [4, с. 110]. В отношении приведенного определения возникает ряд спорных вопросов. Так, о свойствах объекта позволяют судить не только диагностические признаки. Например, выделяемые в процессе

отождествления идентификационные признаки позволяют судить о таком свойстве объекта, как его индивидуальность. Кроме того, круг объектов распознавания не ограничивается их материализованными отображениями.

Таким образом, предложенное определение не раскрывает сущности рассматриваемого понятия. На наш взгляд, для того чтобы раскрыть содержание понятия признака, используемого в процессе распознавания, необходимо обратить внимание на его функциональное назначение, которое не ограничивается актом распознавания. Прежде всего, этот признак выступает в качестве основания построения классификации объектов, в связи с чем он должен носить «обособляющий» характер, т.е. обеспечивать расчленение всей совокупности исследуемых объектов на классы, чтобы элементы каждого выделенного класса характеризовались наибольшей степенью отличия от элементов других классов [5, с. 18-19]. Другими словами, этот признак должен характеризовать выделенный класс объектов. Оптимальным является случай, когда обособляющим оказывается какой-либо один признак, но применительно к классификациям криминалистических объектов такое встречается достаточно редко.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующее определение признаков, используемых в процессе распознавания (обозначим их понятием «распознающие признаки»): это признаки, характеризующие определенную совокупность объектов (класс), наличие которых в распознаваемом объекте дает основание для вывода о его принадлежности к этому классу.

В учебной и методической литературе по различным родам, видам криминалистических экспертиз применительно к распознающим признакам употребляются понятия «характерные», «информативные», «специфические», «существенные», «отличительные» (чаще всего для характеристики «обособляющих», в нашем понимании, признаков), «сходные» (используется для обозначения признаков, которые

могут характеризовать конкурирующие классы объектов). Однако авторы не раскрывают содержания приведенных терминов, тем самым усложняя их понимание. Поэтому для более четкого разграничения и систематизации признаков, используемых в целях распознавания, а также для последующей их оценки, должны вводиться классификации, построенные на строго научной основе. В связи с этим классификация является важным элементом не только научно-исследовательской деятельности, но и практической, в том числе судебно-экспертной.

В литературе не раз обращалось внимание на введение общих классификаций изучаемых признаков, однако ни одну из них нельзя признать за базовую. Одни авторы, пользуясь понятием «диагностические признаки», связывали их с условиями, «делающими экспертный вывод не только возможным, но и правомерным», и в соответствии с характером объективной связи, которая существует между наличием или отсутствием некоторого признака и возможным при этом экспертным выводом, классифицировали на необходимые и достаточные, при этом среди последних выделяли безусловно, условно и совокупно достаточные [6, с. 47]. В предложенной классификации явно нарушено правило единства основания классификации, а именно смешаны природа и необходимая для вывода количественная определенность признаков, поэтому ее вряд ли можно признать приемлемой.

По мнению других ученых, к диагностическим признакам вполне применимы основания классификации, принятые в отношении идентификационных признаков. Так, Ю.Г. Корухов, давая характеристику диагностическим признакам, отмечает: «Здесь также справедливо деление признаков на общие и частные, атрибутивные (качественные) и количественные, необходимые и случайные и т.д.» [7, с. 88]. Аналогичной точки зрения придерживается В.Ф. Орлова, отмечая, что «в отношении диагностических признаков могут быть использованы такие основания систематизации, как объем проявления признака

(общие, частные), вид представления признака (качественно-описательные, количественные), опосредованность отражаемых свойств (первичные, вторичные)» [8, с. 90]. На наш взгляд, классификация признаков на общие и частные, характерная для идентификации и отражающая диалектический путь познания объекта от общего к частному с целью выделения его из некоторого множества других объектов вплоть до единичного данного конкретного объекта, для процесса распознавания вообще неприемлема. При распознавании объекта достаточно лишь установить, к какому классу аналогичных объектов он относится. Деление признаков на качественные и количественные отражает лишь способ их описания и не имеет столь существенного значения для процесса распознавания. А классификация признаков на необходимые и случайные, существенные и несущественные, как отмечают некоторые авторы, имеет значение только при научном отборе признаков для решения той или иной задачи [1, с. 346]. Если же признаки выделены, то для решения этой задачи они будут являться и необходимыми, и существенными.

В связи с отсутствием обоснованной классификации признаков, которая могла бы быть использована в целях распознавания криминалистических объектов, некоторые авторы пытались ввести в криминалистику аналогичные классификации из теории распознавания образов. И.А. Журавлева, рассматривая проблемы судебно-экспертного распознавания, заметила, что классификация признаков, используемых в целях распознавания, обладает определенной спецификой: «...для описания объектов в этом процессе используются логические и вероятностные признаки. К первым относятся те, которые обозначают качественные характеристики свойств. Вероятностными являются признаки, обозначающие систематические закономерности распределения тех или иных характеристик свойств в группах однородных объектов» [9, с. 14]. Критику вызывает термин «логические признаки». В теории распознавания образов выделяемую группу также име-

ную «детерминированными признаками» [10, с. 10].

Однако данные термины не раскрывают содержание обозначаемой ими группы. Кроме того, в эту группу могут входить признаки, отражающие количественные характеристики объектов (например, твердость клинка при отнесении предмета к холодному оружию). В целом же предложенной классификации следует отвести особое место, потому что И.А. Журавлева правильно обратила внимание на существование двух категорий признаков, выделение которых существенно не только для описания классов, но и для построения процессов распознавания. Так, представляющие самостоятельную группу вероятностные признаки очень часто используются при решении задач распознавания в судебном почерковедении, а среди названных задач есть и такие, которые могут быть решены только на основании использования отмеченных признаков.

По нашему мнению, для создания классификации признаков, которая могла бы быть использована в целях распознавания при производстве криминалистических экспертиз, следует обратиться к классификации симптомов при установлении конкретной формы заболевания в медицинской диагностике. Так, И.Н. Осипов и П.В. Копнин, исследуя основные вопросы теории диагноза, предлагают классифицировать симптомы по двум основаниям: по признаку устойчивости для данной формы заболевания и по признаку их специфической принадлежности определенной форме заболевания [11, с. 111-115]. С учетом первого основания все симптомы подразделяются ими на постоянные (присущи всем случаям данной формы заболевания) и непостоянные (присущи не всем случаям данного заболевания). В свою очередь, постоянные и непостоянные симптомы по второму основанию классифицируются на специфические (присущи только данной форме заболевания) и неспецифические (присущи не только данной форме заболевания).

На наш взгляд, предлагаемая классификация может быть использована в качес-

тве основы при разработке классификации признаков, применяемых при криминалистическом распознавании. Проиллюстрируем данное положение примером описания признаков почерка в рукописях лиц, страдающих шизофренией, используемых для решения диагностической задачи [12, с. 150-151]. При характеристике координации движений отмечено: «во многих случаях нарушается», но не во всех. Следовательно, данный признак относится к категории непостоянных. Кроме того, этот признак встречается в рукописях, выполненных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, в необычных внешних условиях и т.д., то есть он по своему характеру является неспецифическим для распознавания конкретного заболевания – шизофрении. Но, заметим, данный признак может быть использован для распознавания группы «сбивающих» обстоятельств и поэтому может быть признан специфическим для этой группы. Другой же признак – необычное размещение текста в пределах листа, несмотря на то, что наблюдается «в некоторых случаях» (относится к числу непостоянных), присущ «только им» (имеются в виду лица, страдающие шизофренией), т.е. является специфическим для этого заболевания.

Таким образом, разработанные в теории распознавания образов и медицинской диагностике классификации признаков (симптомов) могут быть с полным правом распространены и на признаки, используемые при решении задач распознавания криминалистических объектов. Однако, на наш взгляд, они нуждаются в уточнении используемой терминологии. В отношении термина «логические признаки» уже было высказано замечание, а используемые в медицинской диагностике обозначения через отрицание не раскрывают их сущности.

Принимая во внимание приведенные классификации, представляется целесообразным классифицировать распознающие признаки по трем основаниям: 1) по характеру связи с обозначаемым ими классом; 2) по выделяющей способности; 3) по степени устойчивости для выделяемого класса. Как уже не раз отмечалось, призна-

ки, используемые в целях распознавания, выполняют двоякую роль. С их помощью, во-первых, описывается класс объектов и, во-вторых, осуществляется процесс распознавания, поэтому в первую очередь изучаемые признаки по характеру их связи с объектами класса необходимо подразделить на достоверные и вероятностные.

Под вероятностными нужно понимать признаки, которые связаны с объектами класса опосредованно, через частоту встречаемости, т.е. такие признаки, которые поддаются вероятностно-статистической обработке. Нельзя сказать, что вероятностные признаки «неспецифичны», просто их «специфика» проявляется в различии частот встречаемости для разных классов объектов. Выделение в качестве парной категории вероятностных признаков достоверных также является вполне обоснованным. Достоверные признаки связаны с объектами класса непосредственно, и их можно рассматривать как элементарные высказывания, принимающие два значения истинности «да» – «нет» с полной определенностью. Их наличие однозначно свидетельствует о принадлежности объекта к какому-либо классу, а также группе конкурирующих классов, с чем очень часто приходится сталкиваться при решении задач распознавания в почерковедческой экспертизе.

Хотя такое деление признаков необходимо и очень важно, оно все же недостаточно, поэтому далее признаки целесообразно подразделить по выделяющей способности на многозначные (характеризуют два и более класса) и однозначные (отражают только один класс) и по степени устойчивости для выделяемого класса (классов) – на постоянные (присущи всем объектам класса) и переменные (присущи не всем объектам класса). Отсутствие в исследуемом объекте постоянного признака означает то, что он не относится к устанавливаемому классу. Отсутствие же переменного признака не позволяет сформулировать подобный вывод.

Предлагаемая классификация распознающих признаков полностью ориентирована на решение стоящих перед экспертом

задач распознавания, отражает объективно существующие связи между признаками и обозначаемыми ими объектами, охватывает все признаки, используемые в целях решения отмеченных задач, построена на однозначно воспринимаемых понятиях и поэтому может быть использована для разработки экспертных методик, в частности, для выбора методов оценки признаков. Применение данной классификации в теории и практике криминалистической экспертизы позволило бы четко разграничить выделяемые признаки, отмеченные выше выражения заменить строго определяемыми терминами, тем самым придав описанию системность в изложении и удобство в пользовании.

1. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. 784 с.

2. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. 320 с.

3. Кучеров И.Д. Идентификация и дифференциация в криминалистике (методологический аспект) // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1984. С. 44-60.

4. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Росинской. М.: Юристъ, 1999. 552 с.

5. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. 223 с.

6. Вермель И.Г., Кочнева Л.В., Макушкина Г.Е. К вопросу о систематизации признаков объектов судебной экспертизы // Общетеоретические вопросы судебной экспертизы: сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1982. С. 44-51.

7. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч.-практ. пособие. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 288 с.

8. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. 160 с.

9. Журавлева И.В. Теория и практика судебно-экспертного распознавания в криминалистической экспертизе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 24 с.

10. Горелик А.Л., Скрипкин В.А. Методы распознавания: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1977. 222 с.

11. Осипов И.Н., Копнин П.В. Основные вопросы теории диагноза. 2-е изд., доп. и испр. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1962. 189 с.

12. Трубникова В.А. Признаки необычного выполнения рукописей // Судебно-почерковедческая экспертиза / редкол.: Е.Д. Добровольская, А.И. Манцветова, В.Ф. Орлова. М.: Юрид. лит., 1971. С. 123-190.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

С.В. Моргунов

(старший преподаватель-методист адъюнктуры Тюменского юридического института МВД России; 8 (3452) 59-84-22)

В работе рассматривается специфика профилактической работы (формы и методы) уголовного розыска в отношении рецидивной преступности. Автором с помощью критического анализа выявлены проблемы и недостатки проведения подразделениями уголовного розыска профилактических мероприятий. На основе этого даны предложения по совершенствованию профилактической работы.

Ключевые слова: рецидивная преступность, рецидивист, объекты профилактики, формы и методы профилактики, уголовный розыск, субъект специальной профилактики.

Рецидивная преступность на протяжении всего времени борьбы с ней является одной из наиболее опасных форм проявления преступного поведения в обществе. Устойчивый уровень рецидивной преступности и ее самовоспроизводство оказывают отрицательное воздействие на позитивные процессы в обществе независимо от того, по каким формационным законам оно развивается. В связи с этим уголовный рецидив – довольно распространенное явление: доля лиц, ранее совершавших преступления, в числе выявленных преступников колеблется в пределах 20–25 %, а в отдельные годы приближается к одной трети [1, с. 348].

Проблема рецидивной преступности остается актуальной в настоящее время. В период с 1991 по 2008 годы возросло почти в два раза абсолютное число лиц, ранее совершавших преступления (с 226 688 до 377 401 человек), и совершенных ими преступлений (с 274 339 до 521 522), а также увеличился коэффициент преступности (с 185,2 до 367,3), рассчитанный на 100 000 человек [2, с. 23, 45, 47; 3, с. 20, 44, 47]. По данным статистики, в 1991 году было осуждено лиц, ранее судимых, 216 951 человек, а в 2008 году было осуждено лиц, ранее судимых (имеющих неснятую или непогашенную судимость), 260 024 человека [3, с. 139; 3, с. 164]. Рост числа преступников данной категории составил почти 17 %. Принятие государством уголовно-правовых мер в борьбе с

рецидивной преступностью не позволило снизить ее уровень.

Как видим, ставка в основном на уголовно-правовую репрессию в борьбе с рецидивной преступностью без решения социальных проблем себя не оправдала. Привлечение к уголовной ответственности рецидивиста позволяет налагать на него тот или иной вид наказания, наказывая его только за преступное деяние. К сожалению, оно не имеет способности влиять на генезис рецидивной преступности, на ее раннюю детерминацию. В своем высказывании первый заместитель министра внутренних дел России М.И. Суходольский отметил о равной значимости в работе ОВД оперативного реагирования как на преступления, так и на их предупреждение [4, с. 1]. В связи с этим в современных условиях демократизации, либерализации общественных отношений и уменьшения социального контроля со стороны государства над лицами, склонными к совершению повторных преступлений, возрастает роль специальной профилактики рецидивной преступности, осуществляемой органами внутренних дел, в том числе службой уголовного розыска.

Уголовному розыску в системе субъектов, осуществляющих профилактику рецидивной преступности, отведена роль субъекта специального предупреждения рецидива преступлений [5, с. 223]. Кроме того, уголовный розыск наряду с предупредительными функциями осу-

ществляет раскрытие, выявление, пресечение преступлений, а также выявление лиц, их подготавливающих, розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, уклоняющихся от уголовного наказания, без вести пропавших, и других категорий разыскиваемых граждан.

В процессе профилактики уголовный розыск оказывает воздействие непосредственно на лиц, ранее судимых один раз и более, продолжающих совершать или склонных к совершению рецидивных преступлений, ведущих дезадаптивный образ жизни, и на группы, состоящие из лиц указанной категории. Кроме того, он осуществляет профилактическое воздействие на рецидивную преступность через ее детерминанты и среду обитания рецидивистов. При этом данное подразделение имеет различный «уровень специализации» [6, с. 96] или степень (меру) профилактической специализации, во-первых, в зависимости от последовательности воздействия на объекты рецидивной преступности; во-вторых, от осуществления профилактики до, во время и после совершения рецидива преступлений, в-третьих, от взаимодействия с различными субъектами специальной профилактики. Чертой, отличающей уголовный розыск от других субъектов специальной профилактики, является способность к применению оперативно-розыскных мероприятий, которые позволяют воздействовать на более позднюю стадию детерминации рецидивной преступности.

Достижение целей профилактики рецидивной преступности уголовным розыском осуществляется с помощью применения различных форм и методов, регламентированных приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 [7].

В философской литературе под формой понимается способ существования и выражения содержания, его различных модификаций [8, с. 414]. В свою очередь, под методом понимается способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность [7, с. 258].

Наиболее значимой формой работы уголовного розыска является оперативно-розыскная деятельность. Кроме того, в

профилактической деятельности он применяет формы взаимодействия с другими подразделениями ОВД, со средствами массовой информации и общественностью, индивидуального воздействия на рецидивистов.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности существует проблема выявления и анализа детерминант рецидивной преступности по причине преобладающей направленности уголовного розыска на раскрытие преступлений, в том числе совершенных в прошлом. Это мешает ему иметь своевременную и достоверную информацию о криминогенной обстановке на обслуживаемой территории и, как следствие, приводит к снижению эффективности предупреждения рецидивной преступности.

Своевременно и более эффективно устранять или нейтрализовывать причины, условия рецидивной преступности не позволяет распределение сил уголовного розыска в основном по линейному принципу. Суть этого принципа в том, чтобы уголовный розыск имел возможность своевременно реагировать на все возрастающий вал рецидивных преступлений, при этом оставляя на заднем плане лиц, их совершивших, и прежде всего их допреступную жизнь. Реагирование только на совершенное рецидивное преступление – это реакция на следствие, которое является результатом неблагоприятных условий в различных сферах жизнедеятельности общества, оно не позволяет уголовному розыску вести свою деятельность по зональному принципу, т.е. с охватом лиц, склонных к совершению повторных преступлений, проживающих на определенной территории.

Указанная внутренняя реорганизация привела к недостаточной информированности о проживающих рецидивистах, склонных к совершению преступлений, и отсутствию контроля за появлением в зоне обслуживания лиц, представляющих оперативный интерес. Это не позволяет заблаговременно укреплять оперативные позиции, что приводит в конечном итоге к снижению эффективности профилактического воздействия на поздней стадии детер-

минации рецидивной преступности вплоть до пресечения рецидива преступлений.

При осуществлении розыска лиц, ранее судимых, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, и после их задержания не всегда устанавливаются образ жизни во время нахождения в розыске, причастность к иным преступлениям, вновь приобретенные криминальные связи, места нового проживания, источники доходов, криминогенное влияние на территории проживания, особенно на несовершеннолетних. Получение и анализ этой информации позволит выявлять несовершеннолетних рецидивистов и их групповое окружение, склонное разрешать проблемные ситуации преступным путем. Учет данной информации при организации оперативно-розыскных профилактических мероприятий позволит более эффективно воздействовать на раннюю стадию детерминации рецидивной преступности.

После осуждения лиц, ранее судимых, и назначения им наказаний, не связанных с лишением свободы, непосредственный контроль за ними осуществляет служба по исполнению наказаний. В связи с этим информация о лицах указанной категории официально поступает в службу уголовного розыска только в форме розыскного материала на лиц, разыскиваемых судебными органами. Следовательно, рецидивисты данной категории не могут являться объектами целенаправленной профилактики как на ранней, так и на поздней стадии формирования криминогенной мотивации, поскольку их местонахождение неизвестно уголовному розыску.

В форме взаимодействия уголовного розыска со службой участковых уполномоченных возникают проблемы профилактики рецидивной преступности из-за различных оснований организации работы этих служб. Как было отмечено ранее, уголовный розыск в основном строит свою работу по линейному принципу, который позволяет ему своевременно реагировать на тот или иной вид преступления, оставляя «на заднем плане» лиц, совершивших эти преступления, и среду их обитания. Служба участковых уполномоченных осу-

ществляет работу на основе обслуживания микроучастков, на которых проживают различные категории граждан. В связи с этим у сотрудников данных служб имеется различное восприятие криминогенной обстановки на их территории обслуживания.

Это различие обусловлено прежде всего порядком реагирования на объекты рецидивной преступности. Уголовный розыск с помощью оперативно-розыскных мер реагирует на рецидивистов, склонных к совершению преступлений или готовящих преступления, а участковые уполномоченные – на девиантную среду, окружающую данную категорию преступников, на совершенные административные проступки и на правонарушения, имеющие бытовой характер.

Кроме того, из-за большого количества указанных правонарушений из поля зрения участковых уполномоченных очень часто выпадает информация, которая может быть полезной в деятельности уголовного розыска для профилактики рецидивной преступности. Но, даже имея эту информацию, участковые уполномоченные обычно передают ее в уголовный розыск в устной форме, без оформления рапортов. Недостаточный и неправильно оформленный обмен информацией о рецидиве преступлений и рецидивистах снижает эффективность профилактических мер и не позволяет осуществлять контроль со стороны руководства за ее использованием для профилактических целей.

При проведении совместных рейдов уголовный розыск часто осуществляет безадресную профилактику рецидивной преступности наравне с другими службами. В данном случае не используется должным образом оперативно-розыскной потенциал уголовного розыска, который позволяет выявлять наиболее криминогенные участки и на основе этого распределять силы и средства данной службы с учетом правил конспирации.

Зачастую такой порядок проведения рейдов приводит к совершению рецидивных преступлений во время рейда на более криминогенных участках, так как уголовный розыск наделяется не свойс-

твенными ему функциями субъекта ранней и безадресной профилактики.

Использование в основном линейного принципа в работе уголовного розыска не всегда позволяет своевременно получить информацию об освободившихся из воспитательной колонии несовершеннолетних рецидивистах, поселившихся на территории обслуживания ОВД. Данная проблема не позволяет подразделениям уголовного розыска своевременно передавать информацию о лицах указанной категории в подразделения по делам несовершеннолетних для организации ранней профилактики рецидива преступлений. Иногда информацию об освобождении этих лиц подразделения по делам несовершеннолетних получают раньше, чем уголовный розыск, и затем в письменном виде передают ее данной службе для дальнейшего использования.

Основной проблемой взаимодействия между Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН России) и уголовным розыском в организации профилактики в отношении несовершеннолетних, в том числе рецидивистов, противодействующей их втягиванию в сферу незаконного оборота наркотиков, являются разные приоритеты этих служб. ФСКН России и ее территориальные органы прежде всего интересуют лица, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков в крупных и особо крупных размерах. Это, как правило, совершеннолетние рецидивисты, имеющие семью и связи в обществе, а также в преступном мире.

В поле зрения уголовного розыска часто попадают лица, которые являются потребителями наркотических средств, и среди них есть несовершеннолетние рецидивисты. Лица данной категории часто попадают с наркотическим отравлением в медицинские учреждения. В результате этой информация о них в форме материала проверки попадает в уголовный розыск. В большинстве случаев по данным материалам принимается решение о возбуждении уголовного дела в отношении неизвестного лица, которое осуществило

незаконный сбыт наркотиков несовершеннолетнему рецидивисту, имеющему наркотическую зависимость. Уголовные дела в дальнейшем приостанавливаются по причине неустановления лица, совершившего преступление. В данном случае рецидивист выступает в роли потерпевшего и не рассматривается уголовным розыском, а тем более федеральной службой наркоконтроля как потенциальное лицо, способное в дальнейшем участвовать в сфере незаконного оборота с корыстной мотивацией. В отношении их уголовный розыск ведет учет, но как лиц, склонных к совершению общеуголовных рецидивных преступлений для удовлетворения своих порочных потребностей.

Другой проблемой взаимодействия этих служб для профилактики в сфере незаконного оборота наркотиков являются различные зоны оперативного охвата. Территориальные органы ФСКН России, как правило, выявляют данные преступления на территории всего города, а уголовный розыск – на территории своего обслуживания, гораздо меньшей по площади и количеству населения. В связи с этим выявление и пресечение фактов сбыта наркотических веществ небольшого размера уголовным розыском осуществляется собственными силами, так как приоритетным для органов ФСКН России является выявление и пресечение фактов сбыта наркотических веществ в крупном и особо крупном размере.

В своей деятельности уголовный розыск использует форму индивидуального воздействия на лиц, ранее судимых, и лиц, склонных к совершению повторных преступлений. С помощью методов убеждения и воспитания профилактическое воздействие на рецидивиста осуществляется в форме воспитательной беседы, которая проводится в основном в постпреступный период после освобождения рецидивиста из мест лишения свободы. В данном случае возникает проблема правильного восприятия рецидивистом этой беседы, так как он один раз или более подвергался мерам наказания со стороны государства, которые не достигли цели исправления его

криминогенной мотивации. В связи с этим данные беседы часто не воспринимаются им серьезно, так как не имеют для него каких-либо ограничительных последствий.

Возникает проблема контроля рецидивистов после постановки на учет сотрудниками уголовного розыска.

Очень хороший профилактический потенциал имеет воспитательное воздействие через администрацию места работы рецидивистов. По результатам проведенного нами исследования*, 74,4 % от числа работавших рецидивистов положительно характеризовались по месту работы, так как дорожили отношениями в трудовом коллективе. Однако встает вопрос профилактического воздействия на группу неработающих рецидивистов, составляющих 57,5 % от общего числа рецидивистов.

Для его разрешения уголовный розыск использует позитивное влияние родственников и других людей, имеющих авторитет у рецидивистов. При этом необходимо учитывать, что родственники и знакомые могут скрывать их преступную деятельность как в отношении других граждан, так и в отношении себя.

Применение мер социальной профилактики не входит в компетенцию уголовного розыска. Однако в современных условиях при отсутствии государственной системы профилактики рецидивисты после освобождения остаются один на один с возникшими социальными проблемами. После освобождения одними из первых с ними начинают взаимодействовать представители государства – сотрудники уголовного розыска. По результатам анкетирования**, почти 50 % рецидивистов в течение месяца после освобождения посещают отделение милиции. При этом 49,8 % рецидивистов отметили, что с ними беседовали сотрудники уголовного розыска, 37,8 % – участковые уполномоченные, 10,9 % – начальник отдела или его заместитель, 1,5 % – сотрудники других служб милиции.

* Всего было изучено 320 уголовных дел.

** В анкетировании приняли участие 200 рецидивистов, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима № 1 г. Тюмени.

Для того чтобы эффективно провести индивидуальную профилактическую беседу, сотруднику уголовного розыска необходимо иметь предварительно представление о психологическом портрете рецидивиста. В настоящее время для этих целей не используются знания и опыт психологов в органах внутренних дел. Также не очень часто сотрудники уголовного розыска в профилактических беседах используют опыт, знания и присутствие сотрудников других служб, так как индивидуальная беседа нередко конфиденциальна.

Использование для воспитательного воздействия лиц, привлеченных к гласному и негласному сотрудничеству для нейтрализации негативного окружения рецидивистов, не всегда бывает эффективным. Во-первых, из-за слабости оперативных позиций на той или иной зоне обслуживания, во-вторых, из-за недостаточного авторитета и доверия к этим лицам со стороны рецидивистов, в-третьих, из-за лидирующих криминальных и асоциальных позиций рецидивистов во дворе дома, микрорайон и, в-четвертых, из-за ложного сочувствия некоторых законопослушных граждан, особенно одиноких женщин, попавших под влияние рецидивистов.

Уголовный розыск не перестает осуществлять профилактическое индивидуальное воздействие на лиц, снова совершивших рецидив преступлений, но при этом использует наравне с методами убеждения, воспитания и методы принуждения. Эти методы необходимы для рецидивиста, чтобы он не почувствовал безнаказанность и не продолжил совершать повторные преступления в рамках реальной совокупности. В данном случае возникают проблемы. Несмотря на то, что рецидивист изолируется от своей среды, он продолжает поддерживать контакт со своим неформальным окружением. Последнее остается без должного профилактического воздействия со стороны уголовного розыска, так как все внимание сосредоточено на задержанном рецидивисте, на доказывании его вины и сопровождении его в судебные органы.

Уголовный розыск также осуществляет свою деятельность совместно со

средствами массовой информации и общественными организациями. В СМИ размещается информация о разыскиваемых преступниках, в том числе рецидивистах. Однако происходит это в основном в дневное время, когда большинство граждан находится на работе. В связи с этим использование такой формы профилактики рецидивной преступности в деятельности уголовного розыска имеет невысокую эффективность.

Эффективность взаимодействия уголовного розыска с общественными организациями по профилактике рецидива бывает невысокой по причине специфичности работы данного подразделения, которое может только собственными силами осуществлять воздействие на позднюю детерминацию рецидивной преступности и на пресечение рецидива преступлений. Очень редко информация со стороны общественных организаций имеет для уголовного розыска оперативную значимость для предупреждения рецидива.

Сотрудники уголовного розыска очень редко проводят встречи с гражданами с целью формирования у граждан мотивации на законопослушное поведение. Данная форма профилактической работы не является свойственной уголовному розыску. Обычно эту форму используют участковые уполномоченные милиции и сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних.

Анализ предупредительной деятельности уголовного розыска позволил наметить следующие пути повышения эффективности профилактики рецидивной преступности:

- создание аналитической группы в подразделениях уголовного розыска для систематизации информации и ведения учетов лиц, ранее судимых, в том числе имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, повышенную степень прецедентности, несовершеннолетних, на основе разработанной компьютерной программы, с целью выдачи информации о текущей криминогенной обстановке на территории обслуживания;

- использование комбинированного подхода к организации работы (сочетание линейного и территориального принципов);

- укрепление оперативных позиций на обслуживаемой территории на основе зонального принципа работы;

- при задержании разыскиваемых рецидивистов устанавливать их причастность к другим совершенным преступлениям, криминальные связи, места нового проживания, источники доходов, степень криминогенного влияния на несовершеннолетних и передавать эту информацию в аналитическую группу;

- усиление взаимодействия со службой исполнения наказания с помощью передачи информации о начинающемся девиантном поведении лиц, ранее судимых, которым назначены наказания, не связанные с лишением свободы;

- организация наибольшего совпадения зон обслуживания уголовным розыском с микроучастками участковых уполномоченных для улучшения обмена криминогенной информацией;

- усиление контроля передачи оперативно значимой информации в форме рапортов участковыми уполномоченными;

- привлечение сотрудников уголовного розыска к проведению совместных рейдов только после анализа криминогенной обстановки на территории и выявления наиболее пораженных рецидивной преступностью участков;

- осуществление контроля согласно полученным из исправительных и воспитательных колоний спискам рецидивистов, освобожденных их мест лишения свободы, их постановка на учет в аналитическую группу уголовного розыска;

- организация регулярных встреч с представителями территориальных органов ФСКН России для выработки совместных и скоординированных профилактических мер;

- постановка рецидивистов, выступающих в качестве потребителей наркотиков и имеющих от них зависимость, на учет в аналитическую группу с целью предупреждения с их стороны рецидива не

только общеуголовного характера, но и в сфере незаконного оборота наркотиков;

– привлечение психологов и ветеранов уголовного розыска с целью использования их знаний и опыта для организации индивидуальных профилактических бесед с рецидивистами;

– поддержание постоянного контакта с администрацией предприятий (учреждений, организаций), на которых работают рецидивисты, для выработки наиболее эффективного контроля в постпреступный период,

– использование позитивного влияния родственников для усиления контроля за неработающими рецидивистами, а также соседей в местах их проживания;

– наделение уголовного розыска (аналитической группы) информативной функцией для передачи рецидивистам, освободившимся из мест лишения свободы, контактных телефонов общественных, государственных организаций и лиц, занимающихся их трудоустройством и социальным обустройством;

– проведение встреч для рецидивистов с целью их скорейшей ресоциализации с лицами, которые были неоднократно судимы, но стали на путь исправления и являются успешными людьми, особенно в производственной сфере, но только с согласия последних;

– обеспечение наиболее полного, своевременного охвата всех объектов профилактики рецидивной преступности с помощью сотрудников других подразделений, которые должны быть приданы и войти в структуру уголовного розыска (на примере взаимодействия участковых уполномоченных с уголовным розыском по розыску различных категорий граждан, предусмотряемого приказом МВД России от 28 февраля 1994 г. № 66 [9]) с целью повышения профилактического потенциала в момент реагирования на преступление;

– трансляция информации о разыскиваемых преступниках по телевидению и радио в вечернее время, способствующая большему информированию и ориентированию граждан;

– создание учетов потерпевших, которым была оказана реальная помощь в раскрытии, расследовании преступлений, и возврат уголовным розыском изъятых похищенных материальных ценностей с целью повышения доверия у людей и более тесного контакта с населением.

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая характеристика: теория, опыт, проблемы: монография. М.: НОРМА, 2001. 496 с.

2. Преступность и правонарушение (1991–1995). Статистический сборник. М., 1996. 188 с.

3. Преступность и правонарушение (2004–2008). Статистический сборник. М., 2009. 184 с.

4. Академия управления МВД России: 50 дипломов с отличием // Профессионал. 2010. № 4. С. 1.

5. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Красноярск: Красноярская высш. школа МВД России, 1997. 256 с.

6. Предупреждение рецидива преступлений: учеб. пособие / под ред. С.А. Елисеева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 128 с.

7. Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: утв. приказом МВД РФ от 17 янв. 2006 г. № 19: ред. от 29.01.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Законодательство».

8. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991.

9. О некоторых организационных мерах по совершенствованию розыскной работы в органах внутренних дел: приказ МВД РФ от 28 февр. 1994 г. № 66. Доступ из специализированной территориально-распределенной автоматизированной системы «Юрист».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ОБОРОТОМ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ

С.А. Агамагомедова

(старший государственный таможенный инспектор Пензенской таможни,
кандидат социологических наук; saniyat_aga@mail.ru)

Защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности является одной из ведущих функций таможенных органов Российской Федерации. Ее реализация представляет собой механизм, эффективное функционирование которого во многом зависит от взаимодействия таможенных органов с другими ведомствами. Важнейшие среди них: органы внутренних дел, транспортная прокуратура, Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам Российской Федерации и другие. Взаимодействие осуществляется в различных формах и на различных этапах выявления и пресечения правонарушений в сфере интеллектуальной собственности. Особую актуальность данное сотрудничество приобретает в условиях Таможенного союза.

Ключевые слова: таможенные органы, защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, органы внутренних дел, транспортная прокуратура, Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам РФ, Таможенный союз.

Проблема борьбы с контрафактной продукцией является сегодня одной из наиболее острых в экономике не только России, но и других ведущих государств мира. В связи с этим особое значение приобретает совершенствование действующей системы защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности как на внутреннем рынке, так и при перемещении через таможенную границу Российской Федерации.

За первое полугодие 2010 года таможенными органами Российской Федерации задержано 5 млн единиц контрафактной продукции, что в 1,5 раза больше, чем за аналогичный период 2009 года [1].

Таможенные органы Российской Федерации выполняют целый ряд функций, важнейшими среди которых являются осуществление таможенного оформления и таможенного контроля, создание условий, способствующих ускорению товарооборота через таможенную границу; взимание таможенных пошлин, налогов; обеспечение соблюдения порядка перемещения товаров через таможенную границу и другие. Обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности в пределах своей компетенции является одной из ведущих

функций таможенных органов Российской Федерации согласно п. 5 ст. 403 Таможенного кодекса РФ (далее – ТК РФ) [2].

Таможенный кодекс Таможенного союза (далее – ТК ТС) также определяет основные функции таможенных органов, при этом в нем используется термин «задачи». Так, основными задачами, решение которых обеспечивают таможенные органы на таможенной территории Таможенного союза, являются: содействие реализации единой торговой политики Таможенного союза; обеспечение исполнения таможенного законодательства Таможенного союза и иного законодательства государств – членов Таможенного союза, контроль за исполнением которого возложен на таможенные органы; совершение таможенных операций и проведение таможенного контроля; взимание таможенных платежей и другие. Согласно п. 9 статьи 6 ТК ТС к ним отнесена также задача обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной территории Таможенного союза в пределах своей компетенции [3].

Таким образом, функции таможенных органов по законодательству Российской Федерации соотносятся с задачами таможенных органов в соответствии с за-

конодательством Таможенного союза и в целом совпадают.

На наш взгляд, данная функция таможенных органов не может рассматриваться как отдельно взятая, обособленная и независимая от других. Вся совокупность функций (задач) таможенной службы представляет собой целостную систему, в которой все элементы неразрывно связаны друг с другом. Так, осуществление таможенного оформления и таможенного контроля предусматривает создание условий, способствующих ускорению товарооборота через таможенную границу, а также обязательное взимание причитающихся таможенных пошлин, налогов. Обеспечение соблюдения порядка перемещения товаров через таможенную границу связано с соблюдением прав и законных интересов лиц в области таможенного регулирования и т.д. Рассматриваемая функция таможенных органов по обеспечению в пределах своей компетенции защиты прав интеллектуальной собственности не может быть реализована без осуществления таможенного оформления и таможенного контроля, а также без соблюдения порядка перемещения товаров через таможенную границу и т.д.

Ее реализация представляет собой механизм, который обеспечивает защиту прав интеллектуальной собственности на таможенной территории таможенного союза таможенными органами в пределах своей компетенции.

Важную роль в эффективном функционировании данного механизма играет взаимодействие различных ведомств в выявлении и пресечении правонарушений в области законодательства об интеллектуальной собственности. Речь идет о таких ведомствах, как таможенные органы, органы внутренних дел, транспортная прокуратура, Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам РФ и др. Рассмотрим некоторые особенности функционирования данного механизма в регионе деятельности Пензенской таможни.

Согласно п. 6 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью,

утвержденного Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», координация деятельности правоохранительных органов осуществляется в следующих основных формах:

- проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов;
- обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью;
- совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта;
- создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений;
- проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;
- взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций;
- оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью;
- издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов;
- выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий;
- разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности [4].

Учитывая тот факт, что в практике таможенного дела преступления в сфере интеллектуальной собственности выявляются редко (носят единичный характер), данные формы координации успешно применяются и во взаимодействии с правоохранительными

ми органами в сфере выявления и пресечения административных правонарушений в области интеллектуальной собственности. Существенную часть дел об административных правонарушениях, возбуждаемых и расследуемых таможенными органами Российской Федерации, составляют правонарушения, предусмотренные статьей 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и заключающиеся в незаконном использовании чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров [5]. За 2009 год данная категория дел составила более 10 % от числа всех дел об административных правонарушениях, возбужденных и расследованных в регионе деятельности Пензенской таможни.

В практике Пензенской таможни успешно применяется процедура передачи материалов, свидетельствующих о наличии признаков нарушений законодательства об интеллектуальной собственности, в Управление внутренних дел по Пензенской области (далее – УВД). Данный механизм реализуется в целом ряде случаев. Рассмотрим их подробнее.

1. В практике таможенного дела нередки ситуации, когда признаки правонарушения выявлены отделами таможенной инспекции таможни в рамках проводимых таможенных проверок (до вступления в действие ТК ТС – таможенных ревизий), а также в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых сотрудниками правоохранительных подразделений таможенных органов. В случае отсутствия доказательств факта перемещения товаров и транспортных средств при рассмотрении данной категории дел в арбитражных судах нередко возникают вопросы о компетенции таможенных органов в отношении возбуждения дел об административных правонарушениях, связанных с незаконным использованием товарного знака или другого средства индивидуализации, в соответствии со ст. 14.10 КоАП РФ.

В подобных случаях целесообразной является передача соответствующих материалов в УВД согласно ч. 3 ст. 411 ТК РФ.

2. Признаки правонарушений в сфере законодательства об объектах интеллектуальной собственности выявляются также в рамках совместных рейдов сотрудников таможенных и других органов (территориальных управлений внутренних дел, Роспотребнадзора и др.) на внутреннем рынке страны. В данных случаях при отсутствии подтверждения факта перемещения товара через таможенную границу Российской Федерации материалы по результатам совместных рейдов также передаются в другие органы, должностные лица которых правомочны возбуждать дела данной категории.

В 2009 году в регионе деятельности Пензенской таможни около 10 % всех дел об административных правонарушениях, возбужденных по статье 14.10 КоАП РФ за незаконное использование товарного знака, были возбуждены в рамках совместных мероприятий с Управлением внутренних дел по г. Заречный Пензенской области.

3. При выявлении товаров, обладающих признаками контрафактных, в процессе таможенного оформления и таможенного контроля достаточно часто возникает ситуация, когда товарный знак (средство индивидуализации, наиболее распространенное в практике таможенного дела) незаконно используется не только участником внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), но и производителем продукции, то есть товар перемещается через таможенную границу не производителем, а другим лицом. В данной ситуации при наличии заявления правообладателя таможенные органы правомочны возбудить дело об административном правонарушении, предусмотренном статьей 14.10 КоАП РФ, только в отношении участника ВЭД.

Что же касается производителя, который незаконно использует товарный знак при изготовлении и вводе в гражданский оборот Российской Федерации своей продукции, то в этих случаях также необходимо передавать соответствующие материалы, свидетельствующие о наличии признаков административного правонарушения, в

УВД. В противном случае производитель контрафактной продукции избежит ответственности в соответствии с законодательством, так как должностные лица таможенных органов обладают соответствующими полномочиями по возбуждению административного производства только в отношении лиц, перемещающих продукцию через таможенную границу, то есть являющихся участниками внешнеэкономической деятельности.

На наш взгляд, следует особо отметить взаимодействие таможенных органов в сфере защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности с территориальными органами транспортной прокуратуры. При этом передача материалов, свидетельствующих о наличии признаков правонарушений в области интеллектуальной собственности, осуществляется на различных этапах:

- при обнаружении признаков правонарушения (первичное поступление информации, например, получение таможенным органом заявления правообладателя с требованием привлечь к ответственности участника внешнеэкономической деятельности за незаконное использование товарного знака или другого средства индивидуализации);
- на этапе административного расследования;
- на завершающей стадии административного расследования (для передачи материалов в суд) и др.

В первом полугодии 2010 года около 14 % всех возбужденных дел данной категории были направлены в Пензенскую транспортную прокуратуру для последующей передачи в арбитражный суд.

Одним из проблемных вопросов данной формы взаимодействия является отсутствие механизма так называемой «обратной связи», то есть материалы, свидетельствующие о наличии признаков правонарушений в области интеллектуальной собственности, таможенным органом переданы в УВД или транспортную прокуратуру, но последующая «судьба» данных материалов остается для таможенного органа неизвестной. Ни решения суда, ни

какой-либо другой информации о результатах проведенных мероприятий таможенный орган не получает. Выходом из данной ситуации является регламентация механизма «обратной связи» в межведомственных соглашениях с описанием конкретного алгоритма обработки направляемых в соответствующий орган материалов.

За рубежом накоплен определенный опыт совместных действий правоохранительных органов с фискальными службами в процессе профилактики, предупреждения, выявления и пресечения налоговых правонарушений и преступлений [6]. В связи с этим особую актуальность приобретает обмен опытом в данной сфере с зарубежными коллегами.

Характеризуя взаимодействие таможенных органов Российской Федерации в направлении защиты прав интеллектуальной собственности, следует отметить, что должностные лица таможи сотрудничают не только с правоохранительными структурами. Важнейшей службой, оказывающей различную помощь в предотвращении, выявлении и пресечении правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, является Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам РФ (Роспатент). Так, в целях повышения эффективности таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности, взаимодействия между таможенными органами и правообладателями 30 июля 2007 года было заключено Соглашение о взаимодействии Федеральной таможенной службы и Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам [7].

Сотрудничество на уровне федеральных служб предполагает тесное взаимодействие по различным направлениям деятельности. В соответствии с изменениями и дополнениями от 8 мая 2009 года к данному Соглашению предусмотрено предоставление Роспатентом в ФТС России на безвозмездной основе информации о товарных знаках и наименованиях мест происхождения товаров, об общеизвестных

товарных знаках и др. [8] Доступ к информационным ресурсам Роспатента призван исключить направление в Роспатент запросов информации, которая в настоящий момент может быть получена с использованием специального программного средства, что значительно упрощает и ускоряет осуществление таможенного контроля в сфере интеллектуальной собственности.

Таким образом, взаимодействие таможенных органов Российской Федерации с правоохранительными и иными государственными органами при осуществлении функции защиты прав интеллектуальной собственности происходит как на федеральном, так и на региональном уровне. В регионе деятельности Пензенской таможни широко применяются такие формы взаимодействия, как заключение Соглашений о взаимодействии с территориальными управлениями правоохранительных органов (УВД, УФСБ и др.), создание совместных рабочих групп по направлению деятельности (состав рабочей группы по борьбе с оборотом контрафактной продукции ежегодно обновляется), организация совместных совещаний и рабочих встреч с сотрудниками других ведомств, организация и проведение совместных оперативно-розыскных и проверочных мероприятий, разработка и реализация совместных планов по направлениям деятельности и другие.

Ряд исследователей справедливо отмечают тот факт, что порядок взаимодействия различных проверяющих ведомств с правоохранительными органами регулируется отдельными нормативными актами, что обуславливает значительные трудности на практике [9]. Однако, несмотря на это, необходимо совершенствовать традиционные формы взаимодействия между органами, поднимать их на качественно новый уровень, а также разрабатывать новые, более прогрессивные и позволяющие получить больший эффект.

Следует также обратить внимание на то, что в связи с вступлением в силу ТК ТС в сфере защиты таможенными органами исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности может возникнуть ряд проблемных вопросов,

требующих дальнейшей регламентации в правовом отношении. Например, при перемещении товаров и транспортных средств на территории ТС, но между государствами ТС, возможны ситуации, когда при выявлении признаков правонарушений в сфере объектов интеллектуальной собственности таможенные органы отдельной страны – участника ТС будут не правомочны возбуждать дела об административных правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности в связи с тем, что таможенное оформление товаров и транспортных средств отсутствует.

Правоприменительная практика в области возбуждения, расследования и рассмотрения в судах категории дел об административных правонарушениях, связанных с незаконным использованием товарного знака и другого средства индивидуализации, свидетельствует о том, что обязательным условием удовлетворения судом заявления таможни по данной категории дел является наличие подтвержденного факта перемещения товара через таможенную границу и, соответственно, полномочий таможенных органов по выявлению и пресечению правонарушений в сфере интеллектуальной собственности.

Одним из вариантов выхода из данной ситуации нам видится механизм передачи материалов, свидетельствующих о возможных нарушениях в сфере интеллектуальной собственности, в территориальные УВД, транспортную прокуратуру и др.

В связи с вступлением в силу ТК ТС также возможно столкновение тождественных или сходных до степени смешения товарных знаков и других средств индивидуализации, зарегистрированных в установленном порядке в различных странах ТС.

В практике Пензенской таможни неоднократно выявлялись факты использования при перемещении через таможенную границу товарного знака, зарегистрированного как на территории Российской Федерации, так и на территории другого государства. Если до образования Таможенного союза в данном случае таможенные органы интересовал только объект

интеллектуальной собственности, зарегистрированный и охраняемый на территории Российской Федерации, и они защищали исключительные права правообладателей, включивших свои объекты интеллектуальной собственности в Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности ФТС России, то в условиях ТС ситуация меняется. Решение данных спорных ситуаций в условиях действующего ТК ТС еще предстоит как на уровне Таможенного союза, так и на национальных уровнях государств – членов ТС. Однако уже сейчас ясно, что оно будет базироваться на механизме взаимодействия между таможенными органами стран – членов ТС, а также на системе сотрудничества таможенных служб ТС с национальными государственными структурами и ведомствами.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Таможенные органы выполняют целый ряд функций, важное место в системе которых занимает обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной территории таможенного союза в пределах своей компетенции. Реализация данной функции связана с осуществлением таможенного оформления и таможенного контроля, обеспечением соблюдения порядка перемещения товаров через таможенную границу и другими основными функциями современных таможенных органов.

Эффективный механизм реализации данной функции в современный период невозможен без взаимодействия различных организаций и учреждений в выявлении и пресечении правонарушений в области законодательства об интеллектуальной собственности. В деле борьбы с контрафактными товарами таможня активно взаимодействует с органами внутренних дел, транспортной прокуратурой, Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам РФ.

Данное взаимодействие осуществляется на федеральном и региональном (местном, уровне конкретного органа) уровнях. При этом на примере взаимодействия таможенных органов с Роспатентом можно

сделать заключение о том, что взаимодействие на федеральном уровне способствует оптимизации процесса взаимодействия на местах.

Координация совместной деятельности таможенных и иных государственных органов осуществляется в следующих формах: проведение координационных совещаний руководителей органов; обмен информацией; проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения правонарушений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению; разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности и др.

В рамках обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности в регионе деятельности Пензенской таможни успешно применяются такие формы взаимодействия, как процедура передачи материалов, свидетельствующих о наличии признаков нарушений законодательства об интеллектуальной собственности, в территориальные органы внутренних дел и транспортной прокуратуры; заключение соглашений о взаимодействии с территориальными управлениями правоохранительных органов, создание совместных рабочих групп по направлению деятельности, организация и проведение совместных оперативно-розыскных и проверочных мероприятий, разработка и реализация совместных планов по направлениям деятельности и другие. Данные формы позволяют повысить эффективность механизма защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной территории Таможенного союза таможенными органами в пределах своей компетенции. При исследовании такой формы взаимодействия, как передача материалов, свидетельствующих о наличии признаков нарушений законодательства об интеллектуальной собственности, в другие правоохранительные органы, выявлено отсутствие механизма «обратной связи». В качестве конкретного предложения по совершенствованию деятельности Пензенской таможни, а также любого другого таможенного органа предлагается регламентация механизма «обратной связи» в меж-

ведомственных соглашениях с описанием конкретного алгоритма обработки направляемых материалов и отчетом, направляемым в соответствующий орган.

Данные формы взаимодействия не теряют своей актуальности и в условиях Таможенного союза, законодательство которого, безусловно, внесет свои коррективы в рассматриваемый механизм.

1. О борьбе с незаконным перемещением контрафактной продукции. ФТС России: Официальные новости [Электронный ресурс]. URL: http://customs.ivs.ru/press/of_news/index.php?id286=33140. (дата обращения: 6 авг. 2010 г.).

2. Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ: ред. от 28.11.2009 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 1 авг. 2010 г.).

3. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 1 сент. 2010 г.).

4. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: указ Президента РФ от 18 апр. 1996 г. № 567 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 1 сент. 2010 г.).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 01.07.2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 1 авг. 2010 г.).

6. Семенов А.С. Зарубежный опыт взаимодействия правоохранительных органов и фискальных служб: анализ информационных ресурсов как способ борьбы с налоговыми правонарушениями преступлениями [Электронный ресурс] // Налоги и налогообложение. 2009. № 11. КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 1 сент. 2010 г.).

7. Соглашение о взаимодействии Федеральной таможенной службы и Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам от 30 июля 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rupto.ru/sotr_org_isp_vlas/sod/fts.html. (дата обращения: 17 сент. 2010 г.).

8. Изменения и дополнения к Соглашению о взаимодействии Федеральной таможенной службы и Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам от 8 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rupto.ru/sotr_org_isp_vlas/sod/fts_izm.html. (дата обращения: 17 сент. 2010 г.).

9. Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Правовые аспекты взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов при обнаружении признаков преступлений в ходе проверок и ревизий [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2008. № 8 // КонсультантПлюс: URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 1 сент. 2010 г.).

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

ОБЯЗАННОСТИ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

С.В. Заводнова

(оперуполномоченный Управления по налоговым преступлениям
ГУВД по Тюменской области; 8 (3452) 79-49-30)

Автором на основе анализа научной литературы и правоприменительной практики рассмотрена функциональная роль прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и определены его обязанности в процессе осуществления им уголовно-процессуальных функций.

Ключевые слова: прокурор, обязанности прокурора, уголовное судопроизводство.

С момента образования прокуратуры и до настоящего времени прокуратура осуществляет надзор от имени государства за исполнением и соблюдением законов. Прокуратура была создана в XVII веке для охраны государственных интересов, но по мере развития государства и общества, по мере осознания того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, задачей прокуратуры становится не только охрана государственных интересов, но и защита прав и свобод человека и гражданина.

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. На стадии возбуждения уголовного дела он осуществляет надзор за регистрацией, проверкой, рассмотрением сообщений о преступлениях, на стадии предварительного расследования – надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, а также уголовное преследование, на стадии судебного рассмотрения поддерживает государственное обвинение.

Статья 37 УПК РФ, определяя процессуальный статус прокурора в уголовном процессе, закрепляет его полномочия, которые, на наш взгляд, содержат как права, так и обязанности прокурора.

Обязанность является важным элементом процессуального статуса участников правоотношений. В юридической

литературе обязанность определяется как мера (определенные границы поведения) государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно обусловленного поведения; рассматривается в качестве эффективного регулятора общественных отношений. «Юридическая обязанность – вид и мера должного поведения (действие или бездействие) участника правоотношения, которое он обязан осуществить для того, чтобы субъективное право другого участника было реализовано; предписанная законом необходимость поведения, требование, нарушение которого может быть пресечено с помощью мер государственного принуждения, реализуемых в рамках правоотношения юридической ответственности» [1, с. 203]. Если право предполагает свободу выбора действий, то обязанность указывает на необходимость совершения действия или воздержания от него.

Прежде чем рассмотреть обязанности прокурора в уголовном процессе, следует сказать о его функциональной роли в уголовно-процессуальной деятельности. Прокурор в уголовном процессе исполняет обязанности при осуществлении уголовно-процессуальных функций, для этого ему предоставляется ряд полномочий.

Вопрос о функциях прокурора в уголовном судопроизводстве является спорным в юридической науке. В частности, нет единства мнений ученых в том, какая функция должна преобладать в деятельности прокурора – надзорная или функция уголовного преследования. Одни ученые

говорят о преобладании в деятельности прокурора надзорной функции, другие – функции уголовного преследования. Например, В.Н. Махов отмечает: «...в угоду прокурорскому надзору была отодвинута на второй план и фактически предана забвению основная функция прокуратуры, которая как главная свойственна прокуратуре в других государствах и прокуратуре дореволюционной России (после Судебной реформы 1864 г.). Речь идет об уголовном преследовании в деятельности прокурора» [2, с. 48]. Ученый подчеркивает, что главной функцией прокурора должно быть уголовное преследование.

В уголовно-процессуальной науке до внесения изменений в УПК РФ в 2007 г. однозначной позиции в том, какая из функций прокурора является доминирующей, не было. Г.Н. Королев отметил, что «в многогранной деятельности прокурора уголовное преследование, в соответствии с действующим законодательством, выступает в качестве одной из основных его функций, реализуемых в сфере уголовного судопроизводства» [3, с. 36].

Т.К. Рябнина подчеркивает: «...принимая во внимание, что прокурор... остается вполне надежным, влиятельным и действенным субъектом в уголовном процессе, являющимся при этом выразителем не только публичных, но и частных интересов, необходимо констатировать, что результативность его деятельности связана с выполнением им только одной функции – уголовного преследования, которая представляет собой форму прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства, а руководство предварительным расследованием есть не что иное, как средство организации прокурорской деятельности по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве. В стадии судебного разбирательства это организационное средство преобразуется в поддержание прокурором государственного обвинения» [4, с. 23].

Трудно согласиться с Т.К. Рябининой, что уголовное преследование является формой прокурорского надзора. Уголовное преследование – это одно из самостоятель-

ных и основных направлений уголовно-процессуальной деятельности, оно начинается с момента возбуждения уголовного дела и осуществляется на протяжении всего уголовного судопроизводства.

Учеными также высказывалось мнение и о том, что основной функцией прокуратуры в досудебных стадиях уголовного процесса является надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, а уголовное преследование по отношению к надзорной функции имеет соподчиненный характер, функция надзора порождает и обуславливает осуществление уголовного преследования [5, с. 20-21].

Л.М. Володина отмечает: «российская прокуратура – орган надзора за исполнением законов, исторически развивавшийся в рамках континентальной правовой системы. Надзор за исполнением законов – основная функция прокуратуры. Ведение наблюдательного производства по каждому уголовному делу позволяет прокурору осуществлять постоянный надзор за законностью и обоснованностью принимаемых в ходе предварительного расследования решений, за применением мер уголовно-процессуального принуждения, вторгающихся в сферу конституционных прав и свобод человека» [6, с. 251].

Надзорная функция осуществляется прокурором и выражается в проверке им законности, обоснованности решений, принятых дознавателем, органом дознания и следователем. «Надзорная деятельность прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства достаточно специфична, прежде всего, своим назначением – обеспечением законности расследования преступлений» [6, с. 19].

Ранее, до внесения изменений в УПК РФ 5 июня 2007 г., прокурор, давая согласие на возбуждение уголовного дела, проверял законность и обоснованность возбуждения уголовного дела и одновременно давал разрешение на осуществление уголовного преследования. Как справедливо отмечает О.Я. Баев, «...возбуждая уголовное дело (в том числе и в случаях отмены постановления следователя или дознавателя об отказе в его возбуждении)..., прокурор тем

самым иницирует уголовное преследование, констатирует необходимость начала этой деятельности по некоему содержащему признаки преступления факту...» [7, с. 35-36]. С внесением изменений названным законом законодатель исключил право прокурора на возбуждение уголовного дела, на принятие его к своему производству и проведение по нему расследования, право на прекращение уголовного дела при поступлении его с обвинительным заключением, то есть частично ограничил функцию прокурора по осуществлению уголовного преследования. Соответственно, надзорная функция у прокурора получила преимущество и стала доминирующей в уголовно-процессуальной деятельности.

В настоящее время функция надзора проявляется во многих аспектах деятельности прокурора.

Начиная со стадии возбуждения уголовного дела, прокурор осуществляет надзор за законностью уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 144 УПК РФ отказ в приеме сообщения о преступлении может быть обжалован прокурору. Согласно ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 148 УПК РФ копия постановления следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела, а также об отказе в возбуждении уголовного дела направляется прокурору. Часть 9 ст. 172 УПК РФ предписывает направлять прокурору копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Следователь обязан уведомить прокурора о задержании подозреваемого (ч. 3 ст. 92 УПК РФ), о приостановлении предварительного следствия (ч. 2 ст. 208 УПК РФ), о возобновлении приостановленного предварительного расследования (ч. 3 ст. 211 УПК РФ) и т.д. Соответственно, следовало бы наделить прокурора обязанностью проверять законность и обоснованность решений, принятых следователем, дознавателем, органом дознания.

Существует мнение, что функция надзора у прокурора не просто основная, а единственная на досудебных стадиях уголовного процесса. Так, Ю.П. Синельщи-

ков подчеркивает: «Совершенно очевидно, что в связи с принятием Закона от 5 июня 2007 г. функция надзора за законностью становится главной, а по нашему мнению, и единственной на досудебных стадиях уголовного процесса. Реализуя эту функцию, прокурор следит за законностью на стадии возбуждения уголовного дела, обеспечением прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, законностью принятия органами расследования процессуальных решений, требующих разрешения суда, соблюдением сроков предварительного следствия и дознания, законностью прекращения уголовного дела и приостановления предварительного следствия, законностью решения по делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением или обвинительным актом и т.д.» [8, с. 10]. Ю.П. Синельщиков отмечает также, что «хотя прокурор и может осуществлять уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного процесса, однако такая его деятельность утратила специфику, присущую функции, и поэтому является одной из задач, решаемых в рамках надзора за законностью» [8, с. 13].

По нашему мнению, точка зрения Ю.П. Синельщикова о том, что функция надзора является единственной функцией прокурора на досудебных стадиях, не вполне обоснованна. Это можно проиллюстрировать примером из правоприменительной практики. По уголовному делу, возбужденному 16 сентября 2008 г. по факту причинения легкого вреда здоровью (по ч. 1 ст. 115 УК РФ), срок дознания истек 16 октября 2008 г. В связи с этим дознаватель приостановил производство по делу. Решение это являлось явно незаконным, поскольку в процессе дознания были допрошены лишь потерпевший и его законный представитель, которые прямо указали на лиц, причинивших телесные повреждения несовершеннолетнему К. Дознаватель же в постановлении о приостановлении дознания указал, что лицо, совершившее преступление, не установлено. Прокурор, проверяя законность и обоснованность решения, принятого дознавателем, 17 октября 2008 г. отменил постановление дознавателя о при-

остановлении производства по делу и установил срок дознания до 16 ноября 2008 г. Дознаватель вновь приостановил дознание 16 ноября 2008 г. и указал, что лицо, совершившее преступление, не установлено. Прокурор повторно отменил незаконное постановление дознавателя [9].

Из примера видно, что прокурор действует как должностное лицо, осуществляющее надзорную функцию при проверке законности постановления дознавателя о приостановлении дознания. Но, направляя уголовное дело для производства дознания, указывая дознавателю, какие дополнительные следственные действия нужно произвести, прокурор выполняет функцию уголовного преследования. «Вся деятельность прокурора, – пишет О.Я. Баев, – на досудебных стадиях уголовного процесса направлена на обеспечение возможности для него формулирования против конкретного лица государственного обвинения в преступлении, в совершении которого это лицо законно и обоснованно изобличено в результате предварительного расследования» [7, с. 38].

К тому же уголовно-процессуальный закон определяет, что прокурор наделен обязанностью осуществления уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ). Уголовное преследование – это одно из основных направлений процессуальной деятельности на досудебных стадиях, в ходе которого выполняются задачи уголовного судопроизводства, и прокурор принимает участие в нем.

По нашему мнению, выделение в деятельности прокурора функции уголовного преследования и надзорной функции происходит несколько условно, поскольку реализация прокурором одного и того же полномочия свидетельствует об осуществлении им как функции уголовного преследования, так и функции надзора за законностью процессуальной деятельности. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уполномочивает прокурора возвращать уголовное

дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков. Данные полномочия прокурора свидетельствуют об осуществлении им функции надзора за процессуальной деятельностью и одновременно функции уголовного преследования.

К примеру, уголовное дело, возбужденное 12 апреля 2007 г. в отношении Б. по ч. 1 ст. 158 УК РФ, было прекращено следователем 22 июля 2007 г. В постановлении о прекращении уголовного дела следователь указал, что лицо, совершившее преступление, не установлено (хотя дело было возбуждено в отношении подозреваемого Б., он был допрошен в качестве подозреваемого, и в отношении него была избрана мера пресечения – подписка о невыезде). Прокурор 29 июля 2007 г. отменил постановление следователя о прекращении уголовного дела в связи с тем, что необходимо провести очные ставки между потерпевшим, подозреваемым и свидетелями. Прокурор указал на неполноту предварительного следствия, необоснованность прекращения, допущение волокиты и неисполнение ранее данных указаний [10].

Прокурор осуществляет функцию уголовного преследования параллельно с надзорной функцией, реализуя их путем дачи определенных указаний следователю и дознавателю.

Следует согласиться с Т.К. Рябининой в том, что прав С. Герасимов, который, определяя содержание функции уголовного преследования, различает два рода деятельности прокурора:

– непосредственно осуществляемое прокуратурой уголовное преследование путем возбуждения и расследования дел следственным аппаратом прокуратуры, поддержания государственного обвинения в суде (что имело место до внесения изменений в УПК РФ в 2007 г.);

– участие прокурора в уголовном преследовании, осуществляемом другими

органами, посредством надзора за исполнением ими законов и осуществления некоторых полномочий по организации расследования и руководству им [4, с. 21].

Уголовное преследование – деятельность органов дознания, предварительного следствия и прокурора, заключающаяся в возбуждении уголовного дела, производстве по нему предварительного следствия либо дознания, производстве следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление события преступления, обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления, а также в установлении в суде виновности обвиняемого в совершенном преступлении. Прокурор наделен полномочиями на осуществление уголовного преследования, как справедливо отметил С. Герасимов, «посредством надзора за исполнением законов другими органами при осуществлении уголовного преследования» [4, с. 21].

А.Б. Соловьев отмечает, что «участие прокурора в реализации функции уголовного преследования в досудебном производстве весьма специфично. Здесь он, как правило, не непосредственный исполнитель, а гарант законности уголовного преследования» [5, с. 30].

Итак, можно сделать вывод, что прокурор в уголовном процессе на досудебных стадиях осуществляет функцию надзора за законностью процессуальной деятельности в ходе досудебного производства и параллельно осуществляет уголовное преследование. Для осуществления прокурором указанных функций, в уголовно-процессуальном законе необходимо последовательно закрепить его обязанности.

Можно выделить обязанности прокурора, носящие надзорный характер, и обязанности при осуществлении прокурором надзора за процессуальной деятельностью на досудебных стадиях и уголовного преследования.

К обязанностям прокурора, носящим надзорный характер, в соответствии со ст. 37 УПК РФ относятся:

1. Проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступле-

ниях. Согласно п. 3 приказа Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» прокуроры не реже одного раза в месяц должны проводить проверки исполнения требований федерального закона органами дознания при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях [11].

2. Выявление нарушений прав личности на стадии досудебного производства, принятие мер к восстановлению нарушенных прав. В соответствии с п. 2 приказа Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 137 важнейшей обязанностью прокурора определена защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы были нарушены, принятие всех необходимых мер к восстановлению нарушенных прав, возмещению причиненного ущерба. Таким образом, прокурор выступает как гарант соблюдения законности в уголовном судопроизводстве, и прежде всего конституционных прав и свобод граждан.

3. Требование от органов дознания и следственных органов, дознавателей и следователей устранения нарушений федерального законодательства. Согласно п. 3 приказа Генерального прокурора РФ № 137, при выявлении нарушений порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, проведения доследственных проверок прокурор должен требовать их устранения и привлечения виновных лиц к ответственности.

4. Отмена незаконных постановлений нижестоящего прокурора и незаконных постановлений дознавателя. Например, согласно ч. 1 ст. 214 УПК РФ прокурор, признав постановление дознавателя о прекращении уголовного дела незаконным и необоснованным, отменяет его и возобновляет производство по делу.

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия и одновременно при осуществлении уголов-

ного преследования прокурор обязан проверять:

1. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел. Данная обязанность косвенно закреплена в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, в соответствии с которой копия постановления о возбуждении уголовного дела направляется прокурору, а он может признать это постановление незаконным или необоснованным.

2. Обоснованность прекращения уголовных дел (ст. 214 УПК РФ). Так, п. 20 приказа Генерального прокурора РФ № 137 закрепляет обязанность прокурора ежемесячно проверять в органах дознания законность и обоснованность прекращения уголовных дел, уголовного преследования.

3. Обоснованность отказа в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Пункт 1.2 приказа Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» закрепляет обязанность прокурора проверять законность и обоснованность решений об отказе в возбуждении уголовного дела с изучением всех материалов проверки [12].

4. Законность производства следственных действий. Поскольку прокурор в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уполномочен давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое производится на основании судебного решения, постольку он предварительно обязан проверить законность их производства. Также прокурор должен проверять законность производства следственных действий, производимых без судебного решения, – данная обязанность закреплена в п. 16 приказа Генерального прокурора № 137.

5. Законность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, законность продления срока содержания под стражей (п. 8 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 108 УПК РФ).

6. Законность привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 9 ст. 172 УПК РФ).

7. Законность прекращения уголовного преследования в части (ч. 2 ст. 175 УПК РФ).

8. Законность приостановления предварительного расследования (ч. 2 ст. 208 УПК РФ) и его возобновления (ч. 3 ст. 211 УПК РФ).

9. Законность составления уведомления о подозрении в совершении преступления (ч. 5 ст. 223-1 УПК РФ).

10. Законность задержания подозреваемого в совершении преступления, а также иных мер процессуального принуждения. В свою очередь, в соответствии с ч. 3 ст. 92 УПК РФ следователь, орган дознания и дознаватель обязаны сообщать прокурору о задержании подозреваемого. Пункт 1.4 приказа Генерального прокурора РФ № 136 обязывает прокуроров принимать своевременные меры к пресечению необоснованного и незаконного применения к подозреваемым и обвиняемым мер процессуального принуждения, проверять законность задержания подозреваемых по уголовным делам, принимать меры к выявлению и устранению нарушений порядка задержания, несоответствия данных, содержащихся в протоколе задержания, и нарушений прав задержанных.

11. При поступлении уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом прокурор обязан: рассмотреть его в установленный законом срок и принять соответствующее решение (ст. 221, ст. 226 УПК РФ); вручить обвиняемому копию обвинительного заключения, обвинительного акта (ч. 2 ст. 222 УПК РФ).

При проверке уголовного дела с обвинительным заключением можно конкретизировать ряд обязанностей, которые должен исполнить прокурор. О.Я. Баев верно подчеркивает, что при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурор обязан проверить: имело ли место деяние, вмененное обвиняемому, и имеется ли в этом деянии состав преступления; обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами; правильно ли квалифицировано преступление; правильно ли избрана

обвиняемому мера пресечения; приняты ли по изучаемому делу меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества; привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые изобличены в совершении преступления; подлежит ли изменению приложенный к обвинительному заключению список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание [7, с. 51-55].

Представляется, что это далеко не все вопросы, которые должен разрешить прокурор при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением (актом). Поскольку прокурор осуществляет надзор за процессуальными действиями органов дознания, дознавателя и следователя, то необходимо отметить, что прокурор должен также проверить, обеспечено ли обвиняемому право на защиту, на что указывает и Генеральный прокурор РФ в приказе от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» (п. 1.9) [13], не истекли ли сроки предварительного расследования, сроки содержания обвиняемого под стражей, разъяснены ли права обвиняемому, ознакомлены ли обвиняемый и защитник с материалами уголовного дела, разрешены ли их ходатайства следователем. Таким образом, прокурор должен изучать соответствие выводов следователя, установленных в ходе расследования, обстоятельствам дела (п. 1.12 приказа Генерального прокурора РФ № 136). Завершением деятельности прокурора, связанной с уголовным преследованием в досудебном производстве, является утверждение обвинительного заключения или обвинительного акта – итогового документа, в котором содержится окончательная формулировка обвинения.

Следует сказать и о такой обязанности прокурора, как обязанность рассмотреть жалобы участников уголовного судопроизводства в течение 3 суток со дня ее получения, уведомить заявителя о решении и о праве на дальнейшее его обжалование.

Исполнение прокурором перечисленных выше обязанностей может обеспечить в уголовном судопроизводстве законность

уголовно-процессуальной деятельности, соблюдение прав личности, полное, всестороннее, объективное установление обстоятельств совершенного преступления. К сожалению, обязанности прокурора не имеют систематического закрепления в УПК РФ. Как справедливо отмечает Л.М. Володина, «уголовно-процессуальное законодательство, регламентируя правовое положение субъектов уголовно-процессуального права... недостаточно четко определяет круг их обязанностей. В действующем УПК РФ отсутствует единая, логически последовательная, стройная система прав и обязанностей участников процесса» [6, с. 285].

Итак, функциональная роль прокурора в уголовном процессе заключается в осуществлении надзора за процессуальной деятельностью и уголовного преследования. В целях организации эффективного и своевременного надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности, соблюдения прав ее участников, следует полно и последовательно определить обязанности прокурора в уголовном процессе.

1. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. Изд. 5-е, доп. и перераб. М., 2005. 972 с.

2. Махов В.Н. Прокуратура: направления деятельности // Законность. 2009. № 6. С. 48-50.

3. Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 360 с.

4. Рябина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 18-25.

5. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Буланова Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса России. М.: Юрлитинформ, 2006. 176 с.

6. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: Юрист, 2006.

7. Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2006. 144 с.

8. Синельщиков Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9-14.

9. Архив Калининского районного суда г. Тюмени. Уголовное дело № 200805177/78.

10. Архив ГУВД по Тюменской области. Уголовное дело № 20070276119.

11. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью

органов дознания: приказ Генерального прокурора РФ от 6 сент. 2007 г. № 137: ред. от 28.12.2007 // Законность. 2007. № 11.

12. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генерального прокурора РФ от 6 сент. 2007 г. № 136 // Законность. 2007. № 11.

13. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: приказ Генерального прокурора РФ от 27 нояб. 2007 г. № 189 // Законность. 2008. № 2.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

А.А. Карагодина

(адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического
института МВД России, г. Екатеринбург; seval23@e1.ru)

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов деятельности милиции на Урале в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автор приводит примеры, характеризующие деятельность сотрудников милиции Урала, используя обширный материал Центра документации Свердловской области, музея УВД города Екатеринбурга, архива УФСБ по Свердловской области.

Ключевые слова: милиция, дисциплинарные правонарушения, служебные обязанности.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло уже шестьдесят пять лет. И сегодня изучение истории Великой Отечественной войны в целом остается одним из ведущих направлений в исторической и юридической науках. Многогранная работа государственных органов в период войны по мобилизации всех сил советского общества составляет в ней особую страницу.

В последние годы исследователи все чаще обращаются к истории органов внутренних дел (милиции) [1; 2; 3; 4]. Деятельность органов внутренних дел (милиции) на Урале, в частности в Свердловской области, до сих пор вызывает неоднозначную оценку как в общественном мнении, так и в научной литературе [5; 2; 6]. В этом отношении не является исключением и период Великой Отечественной войны, с первых же дней которой многие сотрудники милиции Урала добровольцами ушли на фронт, влившись в многомиллионную армию нашего народа. В этих условиях на оставшихся в тылу сотрудников подразделений НКВД легла нелегкая задача меньшими силами не только обеспечить выполнение своих прямых профессиональных обязанностей по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка, но и взять на себя осуществление многих ранее не свойственных для них функций и обязанностей.

В годы Великой Отечественной войны криминогенная обстановка в стране крайне осложнилась, что было вызвано многими причинами: снижением общего уровня жизни, появлением большого количества беспризорных и безнадзорных детей, сокращением численности сотрудников органов внутренних дел. Кроме того, невысокий уровень производства предметов потребления порождал продовольственный и товарный дефицит, который вел к возникновению теневой экономики, увеличению хищений в государственной торговле и оживлению спекулятивного элемента. В начальный период войны среди сотрудников милиции бытовало мнение, будто в военных условиях спекулянты и расхитители сократят масштабы своей деятельности, так как всенародное бедствие отразится и на их взглядах и поступках. К сожалению, практика опровергла эти надежды.

На протяжении всей войны криминогенная обстановка оставалась наиболее сложной и напряженной в крупных промышленных центрах, таких как город Свердловск (в настоящее время Екатеринбург), Челябинск. Именно в больших городах военная обстановка наложила свой тяжелый отпечаток на характер преступности. Введение карточной системы на продукты питания и промышленные товары возродило преступления, которых страна не знала с

20-х гг. XX века: вооруженные налеты на продовольственные и промтоварные базы, склады, магазины; кражи продуктов питания; подделка продовольственных карточек; новые виды мошенничества с продуктами и товарами первой необходимости.

Следует привести примеры из практики работы сотрудников милиции города Свердловска в первые месяцы Великой Отечественной войны. Уполномоченный ОБХСС Управления милиции Ламаев, член ВКП(б), имел подозрения на гражданина Кривокорытных, проживавшего в городе Свердловске. Этот гражданин занимался спекуляцией, скупкой промышленных товаров и продуктов питания, создавал запас. При проверке его квартиры было обнаружено 170 м мануфактуры, 215 рублей золотом, трое золотых часов, 12 000 рублей советскими знаками и др. Помощник оперуполномоченного 7-го отделения милиции города Свердловска Щелконогов наблюдал за гражданином Кошелевым, проживавшим в городе Свердловске по улице Серова, а при проверке его квартиры обнаружил бельгийский браунинг, 20 патронов к нему, 6 новых пальто, 150 м мануфактуры, 3 870 рублей советскими знаками и другие вещи. Участковый уполномоченный 7-го отделения милиции Ушаков с помощью общественности выявил крупного спекулянта – гражданина Джилиникова, у которого найдено 217 м мануфактуры, 21 кг мыла, 10 кг сахара и другие вещи. Милиционер 9-го отделения милиции Сулмангиров 7 октября 1941 г. при обходе задержал и доставил двух воров с краденными вещами на несколько тысяч рублей [7].

В городах Урала массовое распространение получили кражи из квартир эвакуированных либо призванных в ряды Красной армии граждан. Появилась категория преступников, которые специализировались только на кражах продовольственных карточек. Разоблачение этих преступников сотрудники милиции считали одной из важнейших задач. Ведь речь шла об опаснейших для военного времени преступлениях – посягательствах на средства существования населения, обрекающих людей на голод.

Крупный промышленный и транспортный узел Свердловск как магнитом притягивал к себе и вражеских агентов, и преступников, наживавшихся на людском горе. Оставшиеся в тылу сотрудники милиции с оружием в руках вели беспощадную борьбу с вражеской агентурой и дезертирами, с ворами и вооруженными грабителями, обеспечивали общественный порядок в городах, рабочих поселках и селах области. В связи с ухудшением криминогенной обстановки на территории г. Свердловска было создано городское управление милиции города Свердловска.

3 января 1944 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б), рассматривая вопрос о состоянии преступности в области, указало на ряд недостатков в работе милиции, и в частности ее оперативных звеньев. Решение бюро стало программой действий для милиции Свердловской области в целом и каждого сотрудника в отдельности. На его выполнение были направлены все имеющиеся средства. О большом объеме работы говорят следующие цифры. В 1943 г. и в январе 1944 г. было выявлено 77 сформированных уголовных групп и 97 преступников-одиночек. За это же время раскрыто 154 грабежа, 3 561 кража. Сотрудниками одного лишь 2-го отделения милиции города Свердловска ликвидировано 10 содержателей притонов, задержано 32 квартирных вора [7].

Следует отметить и наиболее значимые случаи в работе сотрудников милиции за данный период. Так, сотрудник УМ НКВД Поторочин раскрыл крупную вооруженную бандитскую группу, которая действовала в составе 17 человек в городе Свердловске и поселке Верхняя Пышма. Бандиты совершили 15 вооруженных налетов и ограблений государственных баз, складов, частных лиц, забрав при этом промтоваров и вещей на 850 тысяч рублей. В том же поселке Верхняя Пышма накануне были ликвидированы еще две группы воров, совершавших квартирные кражи [6, с. 116].

Сотрудники милиции совершали героические поступки. Так, участковый уполномоченный Верхотурского РОМ

Свердловской области Щапов находился в колхозе им. Карла Маркса. В это время загорелась колхозная канцелярия, находившаяся рядом со складом зерна и конным двором. Щапов, не раздумывая, бросился тушить пожар. Дважды воспламенялась на нем одежда, но, несмотря на полученные ожоги, Щапов продолжал борьбу с огнем. Пожар был ликвидирован. Другой пример. В городе Свердловске на перекрестке улиц Челюскинцев и Якова Свердлова загорелся трактор, везший боеприпасы. Опасаясь взрыва, тракторист сбежал. Находившийся на посту милиционер взвода РУД Зубов, несмотря на опасность, потушил горящий трактор и предотвратил взрыв боеприпасов [6, с. 116].

Обязанности органов милиции в годы Великой Отечественной войны, в том числе и на Урале, значительно расширились и включали, помимо основных, следующее:

1) борьба с дезертирством, мародерством, с паникерами, распространителями разного рода провокационных слухов и измышлений;

2) очистка городов и оборонно-хозяйственных пунктов от преступных элементов;

3) оказание помощи транспортным органам НКВД по выявлению на транспорте вражеских агентов, провокаторов и т.п.;

4) борьба с хищениями эвакуированных и военных грузов на железнодорожном и водном транспорте;

5) разгрузка железнодорожного и водного транспорта от тех пассажиров, передвижение которых не вызывалось необходимостью;

6) обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий, различных хозяйственных грузов;

7) проведение в жизнь различных приказов и распоряжений военных властей, регламентировавших режим в местностях, объявленных на военном положении, и др. [8].

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием моральных качеств людей. Сотрудники милиции, как и

все советские люди, с честью выдержали это испытание.

Отважно сражались сотрудники уральской милиции на фронтах Великой Отечественной войны. За годы Великой Отечественной войны из органов внутренних дел Свердловской области ушло на фронт более 3 500 человек, в том числе 600 милиционеров города Свердловска [9, с. 91].

Подводя общий итог, следует сказать, что в тяжелое военное время подразделения милиции Урала справились с поставленными перед ними задачами, были надежной опорой государства.

Изучение опыта деятельности органов милиции Урала в условиях Великой Отечественной войны представляет не только научно-исторический, но и практический интерес, может способствовать более эффективной работе российской милиции по борьбе с преступностью и защите законных прав граждан в современных условиях.

1. Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. 44 с.

2. Гусак В.А. Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): монография / науч. ред. Р.С. Мулукаев. Челябинск: Изд-во Челябинского юрид. ин-та МВД России, 2007. 187 с.

3. Случкин А.В. Пензенская милиция в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 220 с.

4. Шатилова О.А. Милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 191 с.

5. Андреева В.Г. Становление советской милиции на Среднем Урале. Свердловск, 1977. 183 с.

6. Трофимов А.И. Свердловская милиция. Свердловск: Орг.-метод. отдел управления охраны общественного порядка Свердловского облисполкома, 1967. 162 с.

7. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 125. Л. 25.

8. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 93-95. Мероприятия об усилении бдительности охраны и государственной безопасности на оборонных предприятиях области.

9. К 80-летию Уголовного розыска: Краткий обзор истории становления и развития уголовного розыска на Урале // Вестник Главного управления внутренних дел Свердловской области. Екатеринбург. 1998. № 4 (9). С. 91.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**М.А. Кривоногова**

(адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург; margusha_detka@mail.ru)

Статья, предлагаемая читателю, посвящена малоисследованной, но, несомненно, заслуживающей интереса проблеме коллективных прав, а именно анализу признания коллективных прав в свете различных исторических эпох. Автор исследует основные этапы истории и приходит к выводу, что отличие, специфичность, уникальность, особость, присущие коллективным правам, дают основание тому, чтобы выделить качественно новый институт в теории права – институт коллективных прав, который фактически на практике существует уже довольно продолжительное время, но до сих пор не нашел своего закрепления в теории. Теоретические разработки в области коллективных прав будут способствовать развитию юридической науки в целом.

Ключевые слова: коллективные права, коллектив, коллективный.

В научной литературе, особенно в последние годы, уделяется значительное внимание правам человека. Они рассматриваются с самых различных сторон и в самых различных аспектах. При этом проблема коллективных прав до сих пор является малоисследованной. Таким образом, представляется необходимым уделить внимание рассмотрению и анализу вышеуказанной проблемы, причем не только и даже не столько на формально-юридическом уровне, сколько на уровне исторического развития: обратить внимание на признание коллективных прав в свете исторических эпох.

Необходимо охарактеризовать коллективные права, определить смысл и содержание понятия, выделить основные особенности, отделяемые коллективные права от других видов прав. Известный российский правовед Д.И. Мейер писал: «Право определяет меру свободной деятельности, и с первого взгляда, естественно, может казаться, что человек есть единственное лицо как единственное существо на земле, имеющее свободную деятельность» [1, с. 99]. Однако право не может ограничиваться одним лишь индивидом в качестве субъекта. Более того, в некоторых случаях обладание и реализация прав может осуществляться некой общностью людей, а не каждым лицом в отдельности. Таким образом, право может

осуществляться как на индивидуальной, так и на коллективной основе. Субъектом в данном случае могут выступать разного рода объединения: коллектив, группа лиц, род, народ, государство и даже все человечество в целом.

Определим смысл и содержание понятия коллективности. «Коллективный – значит общий, совместный, производимый коллективом» [2, с. 289]. Коллектив – группа лиц, объединенных общими интересами. «Общее» в коллективе по определенным параметрам довлеет над частными интересами его членов, частное подчинено общему. Там, где этого нет, нет и коллектива. Подчинение частного общему обеспечивает устойчивость данной системы – системы коллектива [3, с. 8]. «Коллективные права – это права, реализуемые множеством субъектов, то есть права народа, нации, общности, ассоциации» [4, с. 273]. Н.В. Варламова, ссылаясь на мнение Л.И. Глухаревой в своей статье «Точка зрения: классификации прав человека», дает следующее определение коллективным правам: «К коллективным правам относят права, принадлежащие и реализуемые совместными действиями людей определенной общности» [5, с. 157]. Это социальное явление получает правовое оформление посредством того, что в качестве субъекта, обладающего и реализующего коллективные права, высту-

пают, как было указано выше, разного рода объединения, созданные по принципу солидарности в силу своей природы. Подобные права указывают на «всесторонность» интересов человека в общественном процессе, возможность удовлетворения этих интересов лишь через коллектив. В связи с этим отдельный индивид не может реализовывать коллективные права. Более того, при реализации коллективных прав личный статус индивида не будет учитываться, поскольку индивид может принять участие в их реализации лишь на положении члена коллектива. Важно выделить то, что коллективность в обладании и реализации коллективных прав выражается не только в том, что они принадлежат коллективу, группе лиц, некой общности людей, объединенных общими интересами, но и в том, что осуществляется эта реализация сразу всем объединением, а не каждым лицом в отдельности.

Надо заметить, что с древнейших времен право признает в качестве субъектов, носителей прав и обязанностей, не только отдельных индивидов, но и разного рода объединения: общину, род, народ, государство и т.д. Если рассмотреть и проанализировать первые этапы развития правового способа регулирования, то можно утверждать, что в некоторых отношениях коллективная правоспособность предшествовала правоспособности индивидуальной. Специалисты отмечают, что «первобытное право, право традиционных обществ более признавало в качестве субъекта имущественных прав род и общину, чем отдельного индивида» [6, с. 239]. Известный исследователь древнейших обществ М.М. Ковалевский писал: «В известный период жизни все народы были организованы в общественные группы», причем в основе такой организации были представления о солидарности, которые проявлялись, в частности, в общественном владении имуществом, праве совместного наследования, круговой поруке и т.п. [7, с. 85, 86].

Подлинным расцветом коллективности в праве является Средневековье с многочисленными и разнообразными цехами, гильдиями, товариществами и корпораци-

ями. Из понятия «корпорация» следует, что субъектом интересов в ней является группа [8, с. 378]. Возникающие как небольшие союзы сословного и профессионального характера корпорации того времени имели разные цели, нередко неясные современным исследователям [9]. Как правило, различного типа корпорации и ассоциации (купеческие, профессиональные, общественные, религиозные) создавались с целью защиты интересов лиц, входивших в их число. Как отмечают О.С. Виханский и А.И. Наумов, «корпоративная организация берет на себя ответственность за своих членов» [8, с. 378]. В средневековой сословно-цеховой организации общества корпоративность приобретает и экономические, и политические функции. Фактически корпоративными чертами обладали не только цехи ремесленников и гильдии купцов, но и объединения высших сословий, такие, в частности, как монашеские и рыцарские ордена [9].

Если рассматривать дореволюционный и советский период истории России, то можно проследить линию: государство – коллектив – индивид. В современных условиях мы наблюдаем совершенно противоположную ситуацию: право отдает предпочтение правам индивидуальным, и эта точка зрения пока остается преобладающей. Ярким примером может служить анализ ст. 2 Конституции России, которая провозглашает в качестве основы конституционного строя высшую ценность человека, его прав и свобод, показывает, что исходным отсчетом становится человек, а не государство и тем более не коллектив. Неотъемлемой частью понятия о правах человека является убеждение в том, что государство существует, чтобы служить людям, а не для того, чтобы люди служили государству и суверену.

Как указывает Пьер Сандеуар в научном труде «Введение в право», «известно, что целью марксистско-ленинских государств является построение коммунистических обществ без государств и без правовых систем, управляемых методами чисто социального регулирования в основном социалистической моралью и нор-

мативными предписаниями конкретных обществ. Однако таких обществ еще не существует, и на данный момент мы можем говорить лишь о социалистических государствах, характеризующихся всевластием единственной коммунистической партии в политической области, почти полным обобществлением средств производства в экономике и наличием обширной и противоречивой юридической системы. Система коллективистского права применялась в СССР на протяжении большей части XX века, а после Второй мировой войны распространилась на социалистические, народные или демократические республики Центральной Европы. В конце 80-х годов эти политические режимы рухнули, однако в ряде неевропейских стран еще действует право, проникнутое коллективистским духом, пусть даже оно испытало влияние цивилизационных факторов и ценностей, которые были присущи местным народам на протяжении многих веков» [10, с. 74].

В русле вышеизложенного представляется небезынтересным мнение известного российского ученого В.Е. Чиркина: «Разработка проблемы коллективных прав, начатая в странах тоталитарного социализма еще в 20-х гг. XX в., в демократической традиции конституционного права не получила развития именно из-за своей тоталитаристской направленности. Лишь после Второй мировой войны в западных конституциях стали появляться положения о “правах трудящихся” (Италия, Испания и др.), а затем и положения о некоторых других правах коллективов» [11].

О коллективных правах активно заговорили в 60–70-х гг. XX в. после распада колониальных империй. Необходимо заметить, что на 13 Всемирном конгрессе по трудовому праву (Афины, сентябрь 1991 г.) говорилось, что «признание коллективных интересов... является одним из наиболее важных достижений юридической науки в XX веке и одной из наиболее удачных находок демократических обществ» [13, с. 60]. Это и дало основание некоторым ученым-правоведам дополнить классическое разделение субъективных прав на пра-

ва человека и права гражданина в теории права термином «коллективные права».

Если рассмотреть место коллективных прав в правовой системе общества, то можно констатировать, что в целом система коллективного права, несмотря ни на что, унаследовала некоторые черты романо-германской системы. Однако это дает нам право утверждать, что мы имеем дело с совершенно отличной и даже противоположной системой права. В соответствии с системой коллективного права важнейшая задача права состоит в экономической организации общества и воспитании граждан. Тогда как в свободных странах в соблюдении права заинтересованы прежде всего индивиды и затем государство; коллективистские страны являют собой пример обратного: в соблюдении права государство заинтересовано больше, чем частные лица. В системе коллективистского права нарушения юридических норм рассматриваются не как проявления индивидуализма или акты негражданского поведения, а как действия, направленные против строящегося коммунистического общества. Таким образом, коллективистский юридический порядок носит характер более политизированный, централизованный и принудительный, чем юридический порядок свободных обществ. В связи с этим институт коллективного права может укрепить свои позиции в теории права. Неудивительно, что в современном мире коллективные права находятся на стадии становления. Ведь именно коллективные права позволяют определенным группам и сообществам сохранять себя как общность, а государству – эффективно регулировать возникающие социальные отношения.

Общеизвестно, что отсутствие теоретического материала либо его недостаточность в той или иной области права неизбежно влечет за собой трудности в практическом совершенствовании национального законодательства. Вследствие этого как научная сфера, так и правотворческий процесс неизбежно и неминуемо будут претерпевать негативные тенденции и недоработки, которые могут быть вызваны, в том числе, и дальнейшим игнорированием коллективных прав, отсутствием в

правовой науке единой позиции по данной проблеме. Пьер Сандевуар отмечает: «Чтобы построить действительно полезное и оперативное право, необходимо, таким образом, обладать набором качественных составляющих: групповым сознанием, духом социальной слитности, чувством коллективной жизни и всеобщей взаимозависимости в крупном обществе» [10, с. 302].

В настоящее время некоторые авторы отождествляют коллективные права с «правами третьего поколения» и «правами солидарности». По нашему мнению, нецелесообразно относить коллективные права к правам человека, хотя и третьего поколения. Ведь речь идет именно о коллективных правах, то есть правах коллектива как отдельно взятого субъекта, а не отдельного человека. Как отмечает В.А. Федосенко, «нельзя утверждать, что коллективные права – несуществующая, либо несамостоятельная группа прав» [13, с. 64]. Необходимо согласиться с тем, что «крайностью является абсолютизация прав отдельного человека и отрицание общих, коллективных прав людей» [14, с. 144]. Более того, можно с уверенностью говорить, что отличие, специфичность, уникальность, особость, присущие коллективным правам, дает основание для выделения качественно нового института в теории права – института коллективных прав, который фактически существует уже довольно продолжительное время, но до сих пор не нашел своего закрепления в теории. В юридической науке еще не производились попытки понять природу, особенности, сущность коллективных прав, выделить субъекты, комплекс их прав и обязанностей, выявить тенденции дальнейшего развития, да и вообще сколько-нибудь глубоко исследовать этот правовой институт. Поэтому теоретические разработки в области коллективных прав будут способствовать развитию юридической науки в целом.

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. 831 с. (Классика российской цивилистики.)

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толко-

вый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1993. 955 с.

3. Чиркин В.Е. Территориальный коллектив и власть народа // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 7-11.

4. Конституционное право России: учебник / А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына; под ред. Н.А. Михалевой. М.: Эксмо, 2006. 864 с.

5. Варламова Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 152-166.

6. Пост А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений. Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права / пер. Н.В. Теплова; с предисл. М.М. Ковалевского. М., 1901. 280 с.

7. Ковалевский М.М. Первобытное право. Т. 1. М., 1886. 173 с.

8. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник. М.: Экономистъ, 2006. 528 с.

9. The Corporate State: Corporatism and the state tradition in Western Europe / edited by Andrew Cox and Noel O'Sullivan. Aldershot, Hants, England: Edward Elgar; Brookfield, Vt., USA: Gower Pub., 1988. 226 p.

10. Сандевуар П. Введение в право. М.: Интраг-Р, 1994. 324 с.

11. Чиркин В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?midr=481&id=338&np age=2&pagein=2> (дата обращения: 15 июля 2010 г.)

12. Иванов С.А. Всемирный конгресс по трудовому праву: обсуждение актуальных для нас проблем // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 60.

13. Федосенко В.А. Коллективные права: понятие, сущность, правовая природа, содержание и перспективы развития // Юрист. 2002. № 10. С. 63-64.

14. Права человека: учеб. пособие для студ. вузов / А.Д. Гусев [и др.]; под общ. ред. А.Д. Гусева, Я.С. Яскевич. Мн.: ТетраСистемс, 2002. 303 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАНТ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ ЦЫГАНСКИХ ОБЩИН И МЕРЫ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Е.В. Покрышкин

(преподаватель кафедры уголовного права Тюменского юридического института
МВД России; 8 (3452) 59-84-37)

Данная статья посвящена вопросам характеристики и предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых преступными группами, организованными на основе цыганских общин. В работе анализируются основные тенденции цыганской наркопреступности, ее характерные особенности, причины, условия и факторы, способствующие ее развитию, а также пути повышения эффективности профилактической деятельности правоохранительных органов, направленной на предупреждение данных преступлений.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, детерминанты, цыганская наркопреступность, профилактика.

Объясняя существование данного рода преступности, необходимо использовать понятие «детерминанты преступности», под которыми понимаются причины (основа продуцирования преступности), условия действия этих причин (благоприятная возможность для формирования или реализации причин преступности) и факторы, влияющие на преступность (совокупность социально значимых явлений: пол, возраст, алкоголизм, миграция и т.д.) [1, с. 130].

Рассматривая феномен цыганской наркопреступности, необходимо проанализировать ее детерминанты.

Существование таких преступных групп создает основу для самодетерминации не только наркопреступности, но и преступности в целом. Криминальная деятельность цыганских общин способствует массовому вовлечению населения (в том числе самих цыган) в немедицинское потребление низкокачественных наркотиков, созданию в местах проживания цыган территориальных образований с социально-криминогенным пространством, в которых идет процесс интенсивной криминальной социализации молодежи (особенно цыган), созданию зон, находящихся вне влияния позитивного социального контроля, развитию коррупции среди сотрудников правоохранительных органов. Изучение отдельных сторон преступности

позволяет более глубоко раскрыть проблему, уточнить детерминанты, приводящие к совершению преступлений.

На вопрос о том, почему наркопреступления привлекли к себе представителей цыганского народа, поможет ответить рассмотрение причин, условий и факторов, провоцирующих цыган на их совершение. В начале XX века в литературе упоминалось следующее суждение: цыгана можно представить себе как результат его собственной природы и тех физических и умственных качеств, которые созданы в нем в течение столетий условиями его жизни: пища, жилище, семейный уклад, специфика быта, традиций и т.д. Он не стремится к власти, но и не любит подчиняться приказам других; высшее для него счастье составляет возможность предаваться самой безграничной лени, и он желает лишь отнимать от других, зарабатывающих хлеб свой честным трудом, ровно столько, сколько требуется для удовлетворения его скромных потребностей [2, с. 465]. Но, по нашему мнению, цыганская преступность обусловлена социальными, экономическими, культурными и иными причинами и факторами. Государство, отечество, полезный труд во благо других (что неразрывно связано с культурой каждой нации) – все это чуждо данному народу, напротив, видно его стремление к ненасытной лени. Все это в конечном итоге порождает стремле-

ние к добыванию пропитания незаконным путем.

Особенности цыганской преступности изучались не одно десятилетие зарубежными (Ч. Ломброзо, Г. Гросс) и отечественными учеными. Рассматривая детерминанты наркопреступности цыган, необходимо обратить внимание и на их отношение к религии. Ей они вообще придают слишком мало значения, точнее, цыгане, хотя и имеют некоторые христианские сведения (без всякого понимания), но не делают надлежащего различия между богом и дьяволом [2, с. 475]. А если человек имеет недостаточные представления о религии, то соответственно у него нет и страха за свои деяния перед богом.

Одним из факторов, способствующих развитию преступности среди цыган, является: особенность характера и выносливость, непостижимая способность всегда и везде сориентироваться, в любой обстановке, времени и потребностях людей, и возможность быстро воспользоваться всеми условиями в собственных преступно-корыстных целях. В качестве примера можно привести торговлю дефицитными или полулегальными товарами в 80-е, 90-е годы прошлого века, которая являлась основным источником прибыли и средств к их существованию. А в настоящее время с не меньшим успехом они занимаются наркобизнесом.

Следует отметить, что после распада СССР на территории бывших его республик цыгане не только не потеряли связей со своими сородичами (немалая часть которых постоянно проживает в местах произрастания наркосодержащих культур), но и активно используют их в настоящее время для организации или расширения наркобизнеса. Несмотря на относительно небольшую численность цыган, проживающих на территории нашей страны, география их расселения широка, что весьма способствует развитию преступных связей. Передвижение групп цыган по стране – дело привычное и поэтому доставка товара (наркотических средств) из бывших советских республик в Россию налажена ими в рекордно короткие сроки [3, с. 31].

В отличие от других этнических наркогрупп (чеченских, казахских, узбекских и т.д.), которые взаимодействуют друг с другом или с преступными группами, состоящими из представителей других национальностей, у цыган сохранился моноэтнический характер бытия, т.к. в криминальном бизнесе принимает участие вся семья (посредством разделения ролей), что достаточно для его развития без постороннего вмешательства. И только в исключительных случаях к сбыту наркотиков привлекаются наркозависимые лица, не имеющие к цыганскому народу никаких отношений.

Характерно и то, что цыганские бароны стараются контролировать и не допускать наркотизацию своего клана или семьи. Это, по всей видимости, обусловлено двумя основными обстоятельствами:

1. Распространение наркомании среди цыган может привести к ухудшению генфонда столь малочисленной этнической группы.

2. Известно, что человек, начавший употребление наркотиков, подвергает себя большей опасности быть разоблаченным органами внутренних дел (так как теряется контроль над собственными действиями, способами сокрытия преступлений и т.д.) [3, с. 30].

Условиями и факторами развития цыганского наркобизнеса, как уже отмечалось, является то, что этот народ постоянно селится в населенных пунктах или на их окраинах со слабо развитой инфраструктурой, где воздействие со стороны общественности и правоохранительных органов минимальное или вообще отсутствует. Это позволяет беспрепятственно осуществлять противоправную деятельность.

Преступность как вид социального явления не может существовать отдельно от людей, их поведения и взаимодействия друг с другом. Наряду с этим внутренние процессы психики и особенности личности также прочно взаимосвязаны между собой и влияют на поведение человека посредством традиций, потребностей и интересов, материальных возможностей, ценностных ориентаций и т.д. Это можно отметить и

при проявлении преступного поведения в целом, и при совершении отдельного преступления (в том числе и при наркоторговле представителями цыганских общин). Рассматривая цыганскую наркопреступность, а также способы противостояния ей со стороны общества и государства, необходимо выделить ряд психологических детерминант, способствующих развитию их преступной активности в данной сфере.

Условиями индивидуального преступного поведения цыган, связанного с незаконным оборотом наркотических средств (далее – наркотиков), являются конкретные жизненные обстоятельства, формирующие антиобщественные свойства личности путем ее негативной социализации, а также обстоятельства, облегчающие проявление причины индивидуального преступного поведения [4, с. 51]. Так, молодой цыган, имея возможность на законное существование и честный заработок, в поиске средств для пропитания и развлечения совершил разбойное нападение, поскольку не имел тяги ни к умственному, ни к физическому труду и находился на полном обеспечении своей матери [5, с. 4].

Исходя из этого, можно выделить следующую особенность, которая состоит в воздействии на поведение индивида отдельной группы. Принадлежность цыгана к конкретному клану или желание принадлежать к нему требует повседневного выполнения определенных стандартов поведения, принятых внутри клана. Находясь под влиянием группы, представитель цыганского народа вынужден совершать сделки по реализации наркотиков как самостоятельно, так и в соучастии. Вовлеченность отдельного представителя цыганской общины ставит его перед выбором участия в противозаконной деятельности (усиливая психологическую зависимость индивида от группы [4, с. 52]) либо существования отдельно от родственного клана. И наоборот, совместная преступная деятельность основывается на личностных особенностях цыган, как уже отмечалось выше, для достижения наибольшей выгоды при наименьших затратах сил и средств.

Соответственно, нельзя не придавать значение и такой психологической особенности цыганской преступной деятельности, как социально-ролевое разделение участников наркобизнеса. Это напрямую связано с закреплением конкретно-определенного статуса каждого из участников и занятием определенного места в семье, осознанием своей значимости и снижением тревоги за свою роль в бизнесе, а также формированием представления о том, что в этом смысл их жизни. Таким образом, особое внимание в данном случае обращается на социальные роли и позиции личности в малых группах, на содержание и направленность совместной деятельности участников [1, с. 132].

Совокупность перечисленных психологических детерминант представляет собой аппарат воздействия и на лиц, присоединившихся к цыганской группе из соседних кланов, а порой вообще на посторонних лиц. Особенно на тех, у кого присутствует повышенная внушаемость, а именно детей и подростков (в силу поиска признания у своих сверстников), людей с психическими отклонениями (т.к. довольно быстро адаптируются в негативной сфере деятельности) и наркозависимых (тех из них, кто в силу отсутствия средств к существованию вынужден заниматься преступной деятельностью).

Психологические детерминанты конкретных преступлений, совершаемых цыганами в сфере незаконного оборота наркотических средств, заключаются в особенностях криминогенной мотивации отдельной личности (в особенностях жизненной ситуации совершения преступления, а также в особенностях реакции на эту ситуацию), необходимой для совместной преступной деятельности [4, с. 55].

Отсюда выделяется следующий момент, который раскрывает психологические причины незаконного оборота наркотиков цыганскими общинами, такой как мотивация совершения преступления.

Прежде всего, мотивация данного преступного поведения цыган выражается в следующем:

1) корыстные мотивы – жажда быстрого обогащения деньгами и материальными ценностями, алчность, жадность;

2) стремление к материальному комфорту, благополучию, достижению престижных материальных ценностей;

3) укрепление межсемейных отношений при совместном бизнесе;

4) нежелание заниматься тяжелым физическим трудом;

5) признание своей деятельности не криминальной, а общественно полезной;

6) достижение определенного статуса в группе за счет своих заслуг в совместной деятельности.

Взаимодействие перечисленных детерминант представляет собой процесс приведения в действие механизма преступного поведения цыганских групп. Поэтому и необходимо полное и глубокое рассмотрение психологических детерминант данного рода преступности, чтобы выработать систему мер противодействия антиобщественной деятельности цыганских наркопреступников.

Деятельность по противостоянию преступности в современной отечественной криминологии в основном определяется такими терминами, как «борьба», «противодействие», «контроль», «война», «предупреждение», «профилактика» и т.д. В силу этого, говоря о профилактике преступлений, возможно использование термина «борьба с преступностью». В криминологии под этим термином понимается активная целенаправленная правоохранительная деятельность, воздействующая на причины и условия преступности, на лиц, совершающих преступления, а также на саму преступность в целях недопущения ее самодетерминации [6, с. 188]. Следовательно, установление определенной совокупности мер регулирования и удержание уровня преступности на определенной стадии как со стороны общества, так и государства.

Социальный контроль над преступностью предполагает деятельность полиции, уголовной юстиции, пенитенциарной системы, реализацию программ социального развития, улучшения жизни, исследова-

тельную деятельность с целью закрепления преступности в границах социальной терпимости [7, с. 225-226]. Говоря о борьбе с преступностью и контроле за ней, нельзя поднимать вопрос о полном ее искоренении (ликвидации), т.к. при взаимодействии участников общественных отношений неизбежно нарушение установленных норм и правил со стороны хотя бы одного из них.

Соответственно меры борьбы с преступностью и противодействия ей нельзя сводить только к правовой репрессии, должны присутствовать меры воздействия и другого характера (оказываемого различными институтами гражданского общества), которые тоже дают благоприятные результаты.

Системность борьбы с наркопреступностью цыганских общин может быть и обеспечена при осуществлении следующего комплекса мер профилактического характера:

1. Создание, с учетом региональных особенностей, законодательной и нормативной базы, которая непосредственно будет регулировать жизнедеятельность цыганских общин (т.е. рассмотрение вопросов социального обеспечения, уровня образования, культурного и национального наследия), не оставляя табор наедине со своими проблемами.

2. Необходимо разрешение конкретных миграционных вопросов, связанных с переселением представителей цыганских общин на территории России и стран СНГ (по примеру прошлых лет, создание условий, затрудняющих перемещение по территории страны и усиливающих оседлость цыган).

3. Глубокое изучение сотрудниками правоохранительных органов особенностей ухода лиц цыганской национальности от ответственности за преступный бизнес (для принятия своевременных мер).

4. Полное изучение криминальной картины и распределения ролей в «таборной» наркопреступности.

5. Усиление мероприятий по выявлению хорошо законспирированных криминальных наркогруппировок (отработка

жилого сектора, проведение индивидуаль-но-профилактической работы).

6. Обеспечение полного и беспрепятственного доступа к информации о видах и способах совершения данных преступлений подразделениям по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

7. Совместное обобщение информации о цыганской наркопреступности и внесение предложений по ее снижению и профилактике. Важнейшее значение для регулирования всего комплекса организационных и правовых вопросов, касающихся профилактики наркопреступности, связано с полной и своевременной реализацией своих полномочий в данной сфере правоохранительными органами, региональными органами власти, а также органами местного самоуправления.

8. Постоянный анализ и исследование динамики данного рода преступности (с учетом внешних факторов).

9. Обобщение информации о деятельности правоохранительных органов по борьбе с этнической наркопреступностью (т.к. знание конкретных особенностей организации и деятельности этих групп будет способствовать наиболее успешному предупреждению, расследованию и раскрытию наркопреступлений).

10. Тесное взаимодействие противостоящих незаконному обороту наркотиков структур, обмен опытом и информацией (проведение совместно с другими службами рейдов по выявлению притонов).

11. Привлечение муниципальных и общественных объединений (органов образования, учреждений здравоохранения, социального обеспечения населения, средств массовой информации и т.д.) к решению проблем, имеющихся у представителей данного народа.

Таким образом, необходима разработка теоретических материалов по профилактике цыганской преступности и борьбе с ней. Необходимо рассмотрение и обсуждение проблем «кочующего» народа в органах власти и самоуправления. Также государству и обществу важно определить современные средства и способы придания цивилизованной направленности жизнедеятельности цыган. Поэтому должна быть определена такая система мер противодействия, которая направлена в основном на предупреждение, а не на карательные меры борьбы с преступностью.

1. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: учебник. Томск, 2007.

2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: новое изд., перепечат. с изд. 1908 г. М., 2002. 1088 с.

3. Этнический аспект наркопреступности: учеб. пособие / О.П. Бибилова [и др.]; под общ. ред. В.В. Шушакова. М.: ВНИИ МВД России, 2001. 72 с.

4. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: спец. учебный курс / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов, 2006. 154 с.

5. Ильина Е. Во всем виноват хороший адвокат // Щит и меч. 2007. № 46 (1110). С. 3-5.

6. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Иркутск, 1999. 188 с.

7. Иншаков С.М. Зарубежная криминология: учебник. М., 2000. 432 с.

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

ИЗУЧЕНИЕ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ТИПИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

А.В. Осинцева

(старший преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики
Тюменского юридического института МВД России, кандидат психологических наук;
osinzeva@bk.ru)

В статье представлены результаты исследования, позволяющие описать профессионально важные качества сотрудников органов внутренних дел и ценностно-мотивационные характеристики личности специалиста.

Ключевые слова: *служебная деятельность, ценностно-мотивационные характеристики личности, мотивационный механизм, профессиональные ситуации.*

Актуальность изучения мотивации сотрудников органов внутренних дел в типичных профессиональных ситуациях продиктована существующими реалиями. В последнее время значительный общественный резонанс вызывают случаи девиантного поведения сотрудников правоохранительных органов, неправомерного применения сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) табельного оружия, превышения властных полномочий, нарушения дисциплины и законности и пр. Данные формы поведения реализуются в профессиональных ситуациях. Понятие «ситуация» довольно широко распространено в научных теориях, рассматривающих причины поведения. В изучении мотивационных механизмов личности выделяют ситуационный подход, который заключается в рассмотрении внешних переменных при изучении внутриличностных детерминант поведения и деятельности. «Изучение мотивации человека – это изучение факторов или сил, вызывающих то или иное поведение» [1, с. 207].

Ситуация (в переводе с франц. – положение, обстановка) – это система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность. К элементам ситуации могут относиться и состояния самого субъекта в предшествующий момент времени, если они обуславливают его последующее поведение.

Полное описание ситуации подразумевает выделение требований, которые предъявлены индивиду извне или выработаны им самим, выступая для него в качестве исходного. Реализация требований ситуации создает предпосылки к ее преобразованию или преодолению [2, с. 739].

При исследовании типичных профессиональных ситуаций в деятельности сотрудников ОВД необходимо выделить типичные трудности, свойственные достаточно широкому кругу специалистов, изучить и сформулировать определенные требования, предъявляемые различными ситуациями, возникающими в деятельности сотрудников ОВД, описать с точки зрения просоциальной направленности профессиональной деятельности все элементы профессиональных ситуаций (цели, роли, концепты, правила и последовательность поведения), что даст возможность применить данные описания к оценке профессиональной пригодности кандидатов на службу в ОВД. Все перечисленные элементы в совокупности образуют целостную систему, где они отражают как *объективные (внешние) аспекты ситуации*, так и *субъективные (внутренние)*, локализованные в сознании и психике индивида, связанные с его когнитивными представлениями о социальных (профессиональных) ситуациях.

Социальная активность человека представляет собой разрешение (решение) конкретной ситуации, которая содержит:

1. Объективные данные, в которых действует индивид (экономические, социальные, религиозные, интеллектуальные и пр. условия, которые в данный момент прямо или косвенно влияют на состояние сознания индивида).

2. Существующее семантическое пространство и имплицитная модель поведения в конкретной жизненной ситуации (установки, схемы, сценарии, шаблоны).

3. «Определение» ситуации.

Н.В. Гришина, вслед за У. Томасом, используя и объективный, и субъективный подходы, описывает понятие (или процесс) «определения» ситуации, которое заключается в подчеркивании роли ситуационной обусловленности в поведении человека при акценте на возможности его адекватного объяснения лишь с помощью понимания субъективного значения ситуации для данного индивида [3, с. 121]. В известной степени когниции (индивидуальные представления) более важны, чем объективно изменяющиеся факторы ситуации.

Отношение человека к событиям и складывающимся обстоятельствам своей жизни, их эмоциональное переживание и значение в его жизни зависит от того, как он интерпретирует эту ситуацию. При этом влияние его субъективных представлений зачастую оказывается сильнее объективных обстоятельств. Интерпретируя внешние обстоятельства, человек придает им определенное значение, которое является его субъективной оценкой. Это и становится решающим фактором в отношении человека к внешним обстоятельствам. Таким образом, применительно к контексту профессиональной деятельности понятие «ситуация» может быть раскрыто через понятие «*внутренний план профессиональной деятельности*», которое, в свою очередь, подчеркивает значимость субъективных представлений в детерминации поведения в определенных профессиональных ситуациях. Следовательно, *ситуация* – это внешние обстоятельства в их восприятии и интерпретации человеком. В связи с этим

продуктивным как с эмпирической, так и с методологической точки зрения является сложившееся в исследованиях представление о том, что поведение субъекта в конкретной ситуации может быть описано с точки зрения того, стремится он к данной ситуации или избегает ее, насколько он готов действовать в данной ситуации, про-социальная или антисоциальная ли у него направленность и репертуар средств действия в данной ситуации, каковы его стили поведения и сценарии. Данная идея может быть использована для решения практических задач: профессионального отбора и диагностики профессиональной деформации сотрудников ОВД.

Используя выбранную логику рассмотрения проблемы профессиональной мотивации сотрудников ОВД с точки зрения субъектно-ситуационного подхода, следует проанализировать ситуацию в терминах измерений. Наиболее популярным способом поиска таких измерений ситуации является использование методов многомерного шкалирования, с помощью которого субъекты отмечают, насколько ситуации подобны одна другой, и лежащие в основе их оценок параметры могут быть выявлены статистически.

М. Аргайл выделил **факторы**, которые влияют на социальную ситуацию: 1) структура целей, 2) репертуар элементов, 3) правила, 4) последовательность поведения, 5) концепты, 6) окружающие условия, 7) роли, 8) навыки и трудности.

Целевая структура – это потребности, побуждения и мотивы, которые удовлетворяются в ситуации и формируют структуру.

Репертуар элементов. М. Аргайл говорит о том, что каждый базисный тип социальной ситуации имеет характерный репертуар элементов.

Элементы – это действия, необходимые для достижения целей.

Правила. М. Аргайл подчеркивает, что все ситуации управляются правилами. Правила должны быть усвоены как часть социализации, новыми членами организации или людьми из других культур. Прави-

ла развиваются таким образом, чтобы цели ситуации могли быть достигнуты.

Последовательность поведения. Поскольку ситуации имеют характерные репертуары элементов, они должны иметь и характерную последовательность этих элементов. Последовательность действий ведет к достижению целей участников.

Роли. Большинство ситуаций содержит набор разных ролей, то есть имеются позиции, для которых существуют разные схемы поведения и разные правила. Обычно роли обсуждаются в связи с социальной организацией, которая имеет роли.

Концепты. Имея дело с людьми, индивиды используют личностные конструкты, явные измерения, отражающие их основные ориентации – классовые, интеллектуальные и т.д. Связи между их конструктами образуют «имплицитные теории личности» относительно того, как одни конструкты связаны с другими (например, классовые различия и интеллект). Мы можем ожидать, что люди будут социально компетентными в ситуациях; если они отличаются когнитивной сложностью, то есть используют набор независимых конструктов.

Физическая среда. Было показано, что аспекты физической среды оказывают влияние на поведение.

Навыки и трудности. Каждая социальная ситуация представляет определенные трудности, и необходимы конкретные социальные навыки, чтобы справиться с ними [4, с. 178-188].

Н.В. Гришина (2001) делает акцент на «субъективном восприятии ситуации индивидом, основанном на его индивидуальном, персональном “языке”, на котором он разговаривает с этим миром» [5, с. 23]. Поэтому все перечисленные элементы отличаются тем, что не имеют характера всеобщности, а заключают в себе преимущественно *индивидуально-психологический смысл*. В соответствии с выбранной логикой, когда рассуждения о поступке (поступке) в профессиональной деятельности сотрудника ОВД следует вести с точки зрения решающего значения когнитивной сферы личности, необходимо еще раз под-

черкнуть, что между человеком и *условиями (обстоятельствами) его жизни* существует неразрывная связь.

Сочетание объективных обстоятельств жизни человека, влияющих на его поведение в данный момент, принято называть *конкретной жизненной ситуацией* [6, с. 163]. *Социальная ситуация* – это набор *ценностей* (объективные элементы социальной жизни) и *установок* (субъективные характеристики членов социальной группы), с которыми индивид имеет дело в процессе активности, в соответствии с ними эта активность планируется, и ее результаты оцениваются [7, с. 121].

В своей деятельности сотруднику органов внутренних дел часто приходится сталкиваться с проблемой *выбора* (профессиональные ситуации, связанные с применением огнестрельного оружия, физической силы, наличие соблазнов в виде присвоения вещественных доказательств и ценных улик, а также возможности дополнительного дохода в форме взяток и коррупционных связей ставят личность сотрудника милиции в состояние личностного выбора на основе иерархии собственных мотивов). Каждая конкретная активность представляет собой *решение* ситуации, поэтому, анализируя выбор сотрудника милиции в сторону нарушения закона и дисциплинарных требований, следует, во-первых, тщательно изучить весь спектр его *мотивов*, найти среди них основные мотивы (доминантные, доминирующие) и дополнительные (субдоминантные, подчиненные); во-вторых, разработать необходимый инструментарий исследования внутриличностных категорий и образований (представлений, смыслов, имплицитных мотивов) кандидатов на службу в органы внутренних дел, позволяющий вычленять из субъективного мира испытуемых имплицитные конструкции, описывающие смыслы и отношения субъектов, актуализирующиеся в *конкретных профессиональных ситуациях*.

Влияние *конкретной жизненной ситуации* на поведение состоит в следующем:

а) она объективно ставит человека перед необходимостью *выбора* определенного варианта поведения (правомерного или преступного) – соответственно происходит «внутриличностная работа», основанная на эффектах мотивационной динамики;

б) обуславливает содержание и форму избранного варианта поведения, раскрывает степень (уровень) готовности человека действовать определенным образом – соответственно влияет на формирование установки.

Таким образом, конкретная жизненная ситуация является субъективно оцениваемыми объективными обстоятельствами жизни человека.

Эмпирической целью исследования явилось изучение **мотивационно-смысловой сферы** сотрудника ОВД в типичных профессиональных ситуациях; основной задачей – изучение субъективного семантического пространства в системе координат «личность – среда» у сотрудников органов внутренних дел, отнесенных к контрастным группам.

Данная часть исследования направлена на проверку предположения о том, что когнитивные структуры и образования (имплицитные представления о профессиональной деятельности, мотивы (образы) профессиональной деятельности) взаимодействуют с элементами профессиональной ситуации и проявляются в личностном выборе в профессиональной деятельности и совершении проступка.

Единицами анализа выступили профессиональные мотивы, объектами шкалирования – типичные профессиональные ситуации, в которых экспериментально задавалась необходимость личностного выбора и решения ситуации. Общее количество участников эксперимента (с экспертами и испытуемыми) составило 112 человек. На первом этапе исследования был разработан опросник-интервью, состоящий из трех блоков вопросов, направленных на выявление характеристик образа, служебной деятельности и типичных профессиональных ситуаций сотрудника ОВД. Опрос проводился в форме фокус-групп, в которых участвовали курсанты 1-х, 3-х и

4-х курсов ТЮИ МВД России, сотрудники ОВД Тюменской области, стаж работы которых составил от 10 до 15 лет.

Второй этап состоял в анализе типичных ситуаций профессиональной деятельности сотрудников ОВД по результатам методики «фокус-группа». Наиболее часто встречаемые ситуации были объединены, обобщены и описаны словесно. Также был составлен подробный список возможных мотивов профессиональной деятельности сотрудников ОВД. На третьем этапе экспертам был предложен список полученных мотивов и перечень ситуаций профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Из предложенных мотивов и ситуаций были отобраны 44 мотива и 6 ситуаций. Полученный перечень типичных профессиональных ситуаций, вызывающих необходимость личностного выбора сотрудника экспертным путем (с привлечением 10 экспертов), был расширен до 11 ситуаций с применением функционального отбора*. На четвертом этапе была проведена процедура изучения мотивов личности сотрудника ОВД в типичных профессиональных ситуациях, для чего был подготовлен стимульный материал, который состоял из: списка типичных профессиональных ситуаций в деятельности сотрудника ОВД; бланка методики семантического дифференциала (СД), направленного на изучение *мотивов профессиональной деятельности сотрудников ОВД*. Семантический дифференциал – основной инструмент данной части исследования – применялся на испытуемых контрольной и экспериментальной группы, куда были включены действующие сотрудники различных подразделений ГУВД по Тюменской области, а также сотрудники ОВД, находящиеся под психолого-педагогическим наблюдением (группа риска) за совершение различных дисциплинарных нарушений. Всего в данной части исследования приняло участие 47 человек.

При изучении мотивационных образований у исследователя существует ограниченная возможность применения

* В перечень вошли ситуации, описанные на основе статей 10, 11, 13 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции».

традиционного подхода экспериментальной психологии в плане предсказания поведения. Индивид в эксперименте является поставщиком данных, и в этом смысле заменяет собой «измерительный прибор». Поэтому исследование с использованием семантического дифференциала является экспертометрикой, т.е. измерением посредством экспертных оценок. Семантический дифференциал является процедурой построения субъективных пространств, что освобождает результаты исследования (эмпирическую модель системы значений – категориальной структуры субъективного опыта) от влияния системы значений самого исследователя. «При традиционном подходе к измерению индивидуальных различий индивид рассматривается как точка в пространстве диагностических параметров, заданных исследователем, при экспериментально-психосемантическом подходе индивид как бы оказывается носителем особого пространства, заданного им самим, – пространства индивидуальных значений» [8, с. 34].

Методы экспериментальной психосемантики, а именно СД, являются более релевантными таким теоретико-методологическим схемам, в которых постулируется активный характер психического отражения, в которых индивид предстает как самоорганизующаяся и саморегулирующаяся система – как субъект деятельности. При использовании психосемантических методов исследования, означивая ситуацию, приписывая ее объектам определенные значения, субъект фактически актуализирует определенные алгоритмы поведения в отношении этих объектов. Объективный метод в психологии не может быть построен без решения задачи эмпирического моделирования «субъективных квазипространств» (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили, 1977), или «образа Мира» (А.Н. Леонтьев, 1975) в его семантической организованности (Б.Ф. Ломов) [9; 10; 11].

Кроме того, с точки зрения реализации психометрических принципов диагностики и изучения поведения человека представляется существенной необходи-

мость точности психологического измерения [12]. Особенности семантического дифференциала позволяют снизить влияние системы значений экспериментатора на формирование модели субъективных значений испытуемого. Необходимо также отметить еще один из положительных моментов психосемантических методов исследования мотивации личности, к которым относится семантический дифференциал. Он позволяет снизить эффект «социальной желательности», который выражается в стремлении испытуемого при процедуре психодиагностики показать себя в более выгодном свете, переоценить свои особенности, приукрасить себя. Снижение эффекта «социальной желательности» достигается за счет неявной для испытуемого цели исследования, нестандартной процедуры получения сведений (отличной от ситуации «вопрос – ответ») и отсутствия четких задач для испытуемого, ориентирующих его на рефлексивный анализ поведенческих интенций.

В нашем случае семантический дифференциал был направлен на изучение семантического субъективного пространства испытуемых контрастных групп. Каждый стимульный объект из набора ситуаций получил в эксперименте некоторое регулярное разнообразие значений по различным субъективным характеристикам мотивационной сферы личности сотрудников ОВД. Deskрипторный ряд СД составили 44 высказывания, отражающие мотивы профессиональной деятельности, объектами шкалирования выступили **типичные ситуации профессиональной деятельности сотрудников ОВД**. Содержание deskрипторного ряда и объектов шкалирования (ситуаций) было сформулировано на основе результатов, набранных методами фокус-групп, контент-анализа, а также экспертным путем.

Описание ситуаций

Ситуация 0. Сотрудник ОВД в рабочее время находится на службе в ситуации отсутствия необходимости выполнения какой-либо работы.

Ситуация 1. На одной из городских улиц в центре города сотрудник ОВД пре-

следует несколько лиц, только что совершивших грабеж. При себе сотрудник имеет табельное оружие. После неоднократных требований остановиться преступники продолжают бежать.

Ситуация 2. Сотрудник ОВД допрашивает подозреваемого с целью установления его причастности к ограблению. При проведении допроса не удается получить желаемой информации, поскольку допрашиваемый дает показания, противоречащие имеющимся сведениям.

Ситуация 3. Сотрудник ОВД получил поручение о проведении в десятидневный срок отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Однако он задействован в выполнении других срочных мероприятий и не может своевременно выполнить данных действий.

Ситуация 4. Сотрудник ОВД задержал гражданина за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Гражданин стал предлагать сотруднику деньги за то, чтобы он его отпустил.

Ситуация 5. Сотрудник ОВД остановил гражданина для проверки документов. Гражданин сказал, что у него с собой нет ни паспорта, ни каких-либо других документов, и стал выражаться нецензурной бранью в адрес представителя власти.

Ситуация 6. В выходной день сотруднику ОВД позвонили с работы и сообщили о необходимости прибытия в связи с задержанием нескольких лиц и задачей установления их причастности к совершению преступлений.

Ситуация 7. Гражданин был задержан по подозрению в совершении кражи. По месту жительства гражданина было изъято похищенное имущество, принадлежащее пострадавшему, а также значительное количество предметов компьютерной и оргтехники. Хозяева лазерного принтера, ноутбука и жидкокристаллического монитора не были установлены. В течение длительного времени данные вещи находились у сотрудника ОВД. Ему понадобилось срочно приобрести персональный компьютер для своего ребенка.

Ситуация 8. Во время работы над ведением дела (раскрытием, расследованием преступления) сотруднику ОВД позвонил хороший знакомый с просьбой о положительном влиянии на ход дела в пользу подозреваемого (обвиняемого).

Ситуация 9. В дежурную часть ОВД с заявлением о пропаже трех фляг для хранения жидкости обратилась пенсионерка. В настоящее время в данном отделе было зафиксировано большое число нераскрытых преступлений.

Ситуация 10. Сотрудник милиции получил задание провести отдельные розыскные мероприятия по уголовному делу. Времени для выполнения поручения достаточно. Особых причин для невыполнения задания в настоящий момент у него нет.

Помимо фокус-групп, контент-анализа, экспертных оценок, функционального анализа, СД, метода межгруппового сравнения (замеры разных категорий сотрудников (КГ – успешные, ЭГ – находящиеся под психолого-педагогическим наблюдением («группа риска»)), было применено **математическое моделирование**, которое позволяет с помощью математических процедур вскрыть неявные основания, на которые опираются эксперты, вынося суждения о понятиях, тем самым актуализируя оценочные реакции на объект, свойственные определенной группе респондентов, и выявить смысловые и ценностно-мотивационные установки, упаковки жизненного опыта, соответствующие глубокому уровню сознания. Используемые в качестве объектов шкалирования характеристики личностного выбора в профессиональных ситуациях, при математической реконструкции неявных оснований, попадают в те места семантического пространства, которые соответствуют высокому сгущению значений (смыслов). Получив от испытуемых матрицы данных, мы можем измерить отношения между субъективными характеристиками на данном множестве стимульных объектов (субъективное пространство характеристик). Сложный характер процессов, которые обеспечивают принятие решения в условиях конкуренции мотивов в профессиональных ситуациях, требую-

щих личностного выбора, повышает необходимость учета большого количества актуализированных характеристик мотивационного механизма личности, а именно учета следующих переменных:

- разной силы мотивов личности и мотиваторов;

- факторов, влияющих (усиливающих или ослабляющих) на действие мотивов и мотиваторов в заданных профессиональных ситуациях;

- зависимости мотиваторов от актуальных контекстов на макро- и микросоциальных уровнях реализации индивидуального поведения.

Указанные показатели необходимо ввести в модель, которая будет описывать просоциальную или антиобщественную направленность мотивационной сферы личности сотрудника ОВД и одновременно показывать реальные человеческие пласты субъективного опыта и личностного выбора на следующих уровнях:

- а) уровень представлений в сознании человека о повседневной жизни, содержащих характеристику предметов и свойств (семантические формулы);

- б) уровень имплицитных моделей того или иного фрагмента реальности, к которой обращается человек (конструкты);

- в) уровень глубокого, неосознаваемого отражения действительности, несущего в себе ядерные структуры представлений, и готовности субъекта воспринимать мир или действовать в нем тем или иным образом (базовые допущения) [13, с. 84].

В описании мотивационного механизма, отвечающего за выбор просоциального или антиобщественного поступка, была использована искусственно созданная модель, по своим характеристикам сходная с реальным изучаемым объектом. Для этого экспертным путем были заполнены бланки разработанного ранее семантического дифференциала, направленного на изучение мотивов профессиональной деятельности сотрудников ОВД, но с измененной инструкцией, когда экспериментатор просил описать профессиональную мотивацию, проявляющуюся в типичных ситуациях сотрудника ОВД:

- а) просоциальной направленности (или успешного в профессии, идеального сотрудника ОВД);

- б) сотрудника антиобщественной направленности, склонного к девиантному поведению.

После сбора эмпирического материала были сконструированы **две контрастные модели** (эталонная и девиантная), которые послужили отправной точкой для сравнения их с семантическими пространствами, полученными при изучении профессиональной мотивации сотрудников ОВД, включенных в группы испытуемых (практических работников ОВД, сотрудников, находящихся в группе повышенного психолого-педагогического внимания («группе риска»)). Моделирование в данном случае позволило реконструировать качественную специфику моделируемого объекта, получить измерительные возможности (использовать количественные характеристики объекта), на наглядном материале описать мотивационно-смысловые категории и образования, включенные в смысловую сферу личности. Использование перечисленных функций математического моделирования позволило делать выводы о вероятностном поведении (поступке или проступке) в заданных типичных профессиональных ситуациях. Используемая модель по предложенной классификации В.В. Никандрова (2003) является структурной, образной и ситуационной [14, с. 14-18]. *Образная* модель является идеальным представлением изучаемого объекта в сознании человека (в нашем случае представляется два диаметрально противоположных типа профессиональной мотивации). *Структурная* модель имитирует внутреннюю организацию объекта-прототипа (в нашем случае имитируется субъективное семантическое пространство, элементами которого являются имплицитные мотивы). *Ситуационная* модель позволяет искусственным путем представить реальные обстоятельства существования изучаемого объекта (в нашем случае изучается профессиональная мотивация с учетом влияния на нее внешних факторов, обуславливающих актуализацию мотивов в типичных про-

фессиональных ситуациях). Использование модели описанного типа позволяет обеспечивать прогнозирование поведения изучаемого объекта и применять разработанный психосемантический инструмент для психодиагностического обследования личности сотрудника ОВД с целью изучения скрытой (имплицитной) мотивации.

Далее производилось применение разработанного ранее психодиагностического инструмента с использованием схемы межгруппового сравнения. Этот метод позволил выявить в данных специфические характеристики мотивационно-смысловой сферы сотрудников органов внутренних дел различных категорий.

Расстояния в семантических пространствах мотивационной сферы сотрудников ОВД в сравнении с эталонной и девиантной моделью. Показатели для сопоставления семантических пространств испытуемых разных групп в соотношении с эталонной моделью (таблица 1) были получены следующим образом. Сначала был произведен расчет суммы показателей силы каждого из всех 44 мотивов-дескрипторов в усредненных матрицах сотрудников ОВД контрольной и экспериментальной группы и эталонной модели. Из списка мотивов эталонной модели для анализа были взяты те мотивы, показатели которых вышли за пределы 10 единиц (общий размах шкалы в данном случае составил от 0 до 11).

Таблица 1**.

Расстояние в семантическом пространстве мотивационной сферы сотрудников ОВД КГ и ЭГ в сравнении с эталонной моделью профессиональной мотивации

Мотивы-дескрипторы, значения которых выше 10 единиц	Ср. знач. силы мотивов эталонной модели	Ср. знач. силы мотивов у сотрудников ОВД (КГ)	Ср. знач. силы мотивов у сотрудников ОВД (ЭГ)	Расстояние от эталона до КГ	Расстояние от эталона до ЭГ
социальная значимость работы	11	2,22	0,62	8,78	10,38
быть лучшим в работе	10,5	1,07	0,56	9,43	9,94
соблюдать закон	10,5	5,35	3,56	5,15	6,94
поскорее раскрыть преступление	10	2,75	1,01	7,25	8,99
наказать виновного	9	3,03	1,94	5,97	7,06
повысить свой профессиональный уровень	10,5	1,95	1,18	8,55	9,32
быть примером для других	10,5	1,55	1,38	8,95	9,12
оправдать надежды населения	10,5	1,93	0,93	8,57	9,57
отработать зарплату	10,5	0,93	0,5	9,57	10
предотвратить правонарушение	10,5	2,34	1,44	8,16	9,06
выполнить долг перед Родиной	10,5	1,2	1,75	9,3	8,75
выполнять свои служебные обязанности	10,5	5,54	3,06	4,96	7,44
оказывать помощь людям	10,5	1,58	0,94	8,92	9,56
быть спокойным, уравновешенным	10,5	2,53	2,06	7,97	8,44
социальная значимость работы	11	2,22	0,62	8,78	10,38

** Курсивом выделены наиболее значимые расстояния в семантическом пространстве мотивационной сферы сотрудников ОВД КГ и ЭГ в сравнении с эталонной моделью профессиональной мотивации.

Далее расчет семантического расстояния производился с помощью подсчета разницы средних показателей силы мотива эталонной модели и показателя в контрольной и экспериментальной группах. Из таблицы 2 видно, что по всем анализируемым мотивам наибольшую разницу в сравнении с просоциальной моделью составили показатели силы мотивов сотрудников из числа «группы риска». Это говорит о большей удаленности смысловых категорий и образований сотрудников экспериментальной группы от эталонной модели.

Таблица 2***.

Расстояние в семантическом пространстве мотивационной сферы сотрудников ОВД КГ и ЭГ в сравнении с девиантной моделью профессиональной мотивации

Мотивы-дескрипторы, значения которых выше 10 единиц	Ср. знач. силы мотивов девиантной модели	Ср. знач. силы мотивов у сотрудников ОВД (КГ)	Ср. знач. силы мотивов у сотрудников ОВД (ЭГ)	Расстояние от эталона до КГ	Расстояние от эталона до ЭГ
использовать властные полномочия	10	0,97	1,06	9,03	8,94
демонстрировать силу и превосходство	11	0,49	0,62	10,91	9,43
получить материальное вознаграждение	10,5	1,04	0,12	8,96	9,88
не тратить время и силы	10	0,7	0,5	9,3	9,5
сохранить свою жизнь, а также жизнь родных и близких	11	0,93	0,5	10,07	10,5
сохранить душевное равновесие	10	1,32	1,52	8,68	8,48

Мотивационно-смысловые образования сотрудников ОВД контрольной группы наиболее приближены к модели просоциальной направленности профессиональной деятельности. Этот результат подтверждает и статистическая обработка усредненных матриц данных испытуемых контрольной группы в сравнении с эталонной моделью, после которой стало очевидным сходство смыслового пространства искусственно созданной просоциальной модели идеального (успешного) сотрудника ОВД. Результаты показали, что статистически достоверных различий мотивов профессиональной деятельности у сотрудников ОВД (КГ) и мотивов, заложенных в просоциальную модель, нет. При сравнении показателей эталонной и девиантной моделей были получены статистически достоверные результаты различий по всем 10 ситуациям, кроме нулевой.

Аналогичным образом был произведен расчет расстояний в семантических пространствах мотивационной сферы испытуемых в сравнении с девиантной моделью (криминальный тип профессиональной мотивации), который показал, что наиболее удаленными от суммарных значений, полученных по дескрипторам во всех типичных профессиональных ситуациях *девиантной модели*, оказались средние суммарные значения *мотивов сотрудников из числа контрольной группы, не включенных в «группу риска»*.

*** Курсивом выделены наиболее значимые расстояния в семантическом пространстве мотивационной сферы сотрудников ОВД КГ и ЭГ в сравнении с эталонной моделью профессиональной мотивации.

Исключение составил лишь дескриптор «получить материальное вознаграждение», по которому расстояние к девиантной модели приближено на 0,92 единицы у испытуемых контрольной группы.

Из таблицы 2 видно, что в перечень анализируемых мотивов-дескрипторов, показатель средней силы которых вышел за пределы 10 единиц, вошли отрицательные характеристики профессиональной мотивации сотрудников ОВД. Результаты статистической обработки показали, что достоверных различий мотивов профессиональной деятельности у сотрудников ОВД (ЭГ) и мотивов, заложенных в девиантную модель, нет.

Таким образом, мы использовали метод межгруппового сравнения и математического моделирования, которые позволили получить нам результаты, изображенные на рис. 1.

Рисунок 1.

Статистический анализ результатов говорит о том, что искусственно заданные модели действительно имеют разнонаправленную тенденцию, так как по всем ситуациям, в которых была заложена необходимость выбора и разрешения, получены статистически значимые различия. Статистически значимых различий не обнаружено при сравнении семантических пространств «группы риска» и девиантной модели, а также при сравнении представлений сотрудников ОВД из контрольной группы и эталонной модели. Это говорит о том, что разработанный нами инструментарий изучения мотивационной сферы позволяет достаточно точно осуществлять диагностику мотивационных образований, включенных в профессионально-мотивационную сферу личности.

Таковых не обнаружено при сравнении семантических пространств «группы риска» и девиантной модели, а также при сравнении представлений сотрудников ОВД из контрольной группы и эталонной модели (см. рис. 1). Это говорит о том, что разработанный нами инструментарий изучения мотивационной сферы позволяет достаточно точно осуществлять диагностику мотивационных образований, включенных в профессионально-мотивационную сферу личности.

Анализ психосемантических категорий и образований у группы сотрудников ОВД и сотрудников ОВД, отнесенных к «группе риска», показал статистически достоверную разницу по трем ситуациям (допрос, срочное поручение, необходимость прибытия на службу в выходной день). Качественные различия состоят в том, что структурно-содер-

жательные характеристики профессиональной мотивации сотрудников ОВД, не отнесенных к «группе риска» обладают большей размерностью и высокими показателями силы просоциальных мотивов, расположенных в субъективном смысловом пространстве мотивационной сферы. В наибольшей степени просоциальные мотивы (соблюдать закон, выполнять свои служебные обязанности, быть примером в работе, раскрыть преступление, выполнить долг перед Родиной, оправдать надежды населения, повысить раскрываемость преступлений) выражены у сотрудников ОВД, не отнесенных к «группе риска». Выявлена низкая мотивационная включенность в профессиональную ситуацию у испытуемых экспериментальной группы.

Построение семантических пространств мотивационной сферы сотрудников ОВД разных групп в сравнении с эталонной моделью профессиональной мотивации (просоциальный тип) и девиантной моделью (криминальный тип) показало, что наиболее удаленными от значений, полученных по дескрипторам во всех типичных профессиональных ситуациях в *просоциальной модели*, оказались значения мотивов сотрудников из числа «группы риска». Значения мотивов сотрудников ОВД, включенных в «группу риска», наиболее приближены к значениям, полученным по дескрипторам во всех типичных профессиональных ситуациях в *девиантной модели*.

Статистические результаты изучения семантических пространств (см. рис. 1) дают основание утверждать, что созданный психосемантический инструмент исследования позволяет изучить мотивационную сферу личности сотрудника ОВД, выявить его деструктивную направленность и мотивационную включенность в профессиональные ситуации.

Исследовательским путем на эмпирическом материале удалось показать, что применение семантического дифференциала позволяет добиться:

– снижения влияния системы значений экспериментатора на формирование

модели субъективных значений испытуемого;

– снижения эффекта «социальной желательности», которое достигается за счет неявной для испытуемого цели исследования, нестандартной процедуры получения сведений (отличной от ситуации «вопрос-ответ») и отсутствия четких задач для испытуемого, ориентирующих его на рефлексивный анализ поведенческих интенций.

В настоящее время осуществляется работа по созданию компьютерной версии психодиагностического метода изучения мотивации сотрудников ОВД в типичных профессиональных ситуациях.

1. Лефрансуа Г. Формирование поведения человека. СПб.: Прайм-еврознак, 2003. 278 с. (Проект «Психологическая энциклопедия»).

2. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Мн.: Харвест, 1997. 800 с.

3. Гришина Н.В. Психологические социальные ситуации // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121-132.

4. Аргайл М. Основные характеристики ситуаций / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. 416 с. (Сер. «Хрестоматия по психологии»).

5. Психология социальных ситуаций: хрестоматия / общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. 416 с. (Сер. «Хрестоматия по психологии»).

6. Криминология: учебник / под. ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 734 с.

7. Гришина Н.В. Психологические социальные ситуации // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121-132.

8. Шмелев А.Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигмы анализа данных // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 34-46.

9. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109-125.

10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

11. Ломов Б.Ф. Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. № 1. С. 18-30.

12. Майкл Фер Р., Верн Р. Бакарак. Психометрика: Введение / пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйсмана. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2010. 445 с.

13. Доценко Е.Л. Семантика межличностного общения: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 390 с.

14. Никандров В.В. Метод моделирования в психологии: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003. 55 с.

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

**ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ Е.В. СМАХТИНА «КРИМИНАЛИСТИКА
В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»¹****В.П. Лавров**

(профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва, 8 (499) 745-81-51)

¹ Смахтин Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 337 с.

Автор диссертационного исследования обратился к теме, которая не подвергалась специальному исследованию на протяжении трех десятилетий. При этом Е.В. Смахтин основывается на позициях своих предшественников, учитывая и развивая их базисные взгляды и анализируя с этих позиций соотношение криминалистики с науками уголовного права и уголовного процесса в современных условиях. Высоко оценивая научную значимость выполненного диссертационного исследования, официальный оппонент отмечает и ряд спорных положений как повод для научной дискуссии.

Ключевые слова: криминалистика, юридические науки, криминалистическая характеристика преступления, способ преступления.

Диссертационная работа Е.В. Смахтина посвящена теме, актуальной в течение многих десятилетий и особенно актуальной в наше время, когда из жизни за последние 15 лет ушло целое поколение видных ученых – криминалистов и процессуалистов, основателей общей теории криминалистики и основополагающих теорий уголовного процесса, участников реформы уголовно-процессуального законодательства. Яркими представителями этого поколения были Р.С. Белкин, И.М. Лузгин, В.А. Снетков, И.А. Возгрин, В.М. Савицкий и многие другие. Уход их из жизни совпал с крупнейшими изменениями в социально-экономической и политической жизни страны.

Все это не могло не сказаться на состоянии юридической науки. Резкое ухудшение качества диссертационных исследований; появление ряда молодых криминалистов и процессуалистов, получивших благодаря своей пробивной способности кандидатские и докторские степени, но не имеющих знаний, соответствующих этим высоким научным степеням, характерно для нашего времени. Такие люди, склон-

ные к переоценке собственной личности, со свойственными им амбициями требуют пересмотра базовых положений криминалистики и уголовного процесса, считая достижения советской и российской криминалистики 2-й половины XX века уже не соответствующими современности.

В этих условиях актуальность темы докторской диссертации Е.В. Смахтина, связанной не только с местом криминалистики в системе юридических наук, но и ее предметом, объектом и используемыми методами познания, особенно высока. И я сразу хочу с удовлетворением отметить, что Е.В. Смахтин с точки зрения методологических основ, гносеологического подхода к разрешению исследуемой им проблемы занимает правильную, по нашему мнению, позицию, основываясь на разработках своих предшественников, учитывая и развивая их базисные взгляды и анализируя с этих позиций соотношение криминалистики с науками уголовного права и уголовного процесса в современных условиях.

Автор диссертации справедливо отмечает, что специальному, монографическому исследованию, да еще на уровне до-

кторской диссертации, тема, вынесенная в заглавие рецензируемой работы, не подвергалась с 70-х годов прошлого столетия, когда в результате в 1980 году была защищена диссертация Г.А. Матусовского. С тех пор прошло 30 лет – срок вполне достаточный для того, чтобы возникла необходимость и возможность произвести анализ достигнутого в криминалистике в аспекте задач, сформулированных Е.В. Смахтиным во введении к его диссертации.

Ознакомление с работой позволяет прийти к положительному выводу о наличии новизны результатов исследования, выполненного диссертантом. Новизна обеспечена анализом нового (действующего в настоящее время) уголовного и уголовно-процессуального законодательства, относящегося к теме, и прежде всего, принятых УК РФ (1996 г.) и УПК РФ (2001 г.), а также юридической литературы 1995–2010 гг., чего не было (и не могло быть) в работах его предшественников, касавшихся темы исследования, в том числе и у Г.А. Матусовского. Новизна результатов работы Е.В. Смахтина связана и с его подходом к раскрытию темы: он не замахнулся на анализ соотношения криминалистики со всеми юридическими науками, а ограничился главным образом исследованием взаимосвязи криминалистики с основными из этих наук – уголовным правом и уголовным процессом. Такой подход, по нашему мнению, оправдал себя, ибо позволил автору глубоко исследовать эти взаимосвязи, не растекаясь мыслью по огромному древу всех юридических наук, и уж тем более – всех вообще существующих отраслей научного знания.

Новизна результатов исследования Е.В. Смахтина проявляется также в обосновании и концепции предлагаемого к принятию Федерального закона «О криминалистической деятельности в Российской Федерации». Несмотря на явную дискуссионность такого предложения, нельзя отрицать оригинальность и новизну этой идеи автора, заслуживающей, по крайней мере, широкого обсуждения научной общественностью и практическими работниками правоохранительных органов России.

Правда, для того, чтобы такая дискуссия была объективной и плодотворной, предстоит сначала создать рабочую группу в целях разработки текста проекта вышеназванного закона, с возможным использованием структуры, предложенной Е.В. Смахтиным.

Структура и содержание диссертации соответствуют целям и задачам исследования, сформулированным автором во введении рукописи.

В качестве объекта исследования автор выделил преступную деятельность и деятельность по раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. Предмет исследования – объективные закономерности, обуславливающие, с одной стороны, интеграцию криминалистики с системой юридических наук уголовно-правового цикла, а с другой – позволяющие дифференцировать научные знания, относящиеся к предмету криминалистики, определив ее соотношение с отраслевыми науками: уголовным и уголовно-процессуальным правом.

Диссертант творчески использует общенаучные и частные методы исследования, дает анализ юридической литературы, обращается к научным идеям и концепциям, содержащимся в литературе по уголовному, уголовно-процессуальному праву, теории оперативно-розыскной деятельности, криминалистике и иным отраслям научного знания.

Эмпирическую основу выводов составляют обобщенные результаты изучения и анализа 2 567 уголовных дел, а также личный опыт работы соискателя в правоохранительных органах.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты работы могут рассматриваться как решение крупной научной проблемы, заключающейся в системно-структурном анализе криминалистики как отрасли научного знания, установлении ее места, роли и значения в системе юридических наук «уголовно-правового цикла», соотношения с отраслевыми науками: уголовным и уголовно-процессуальным правом.

Разработанная концепция призвана

внести определенный вклад в развитие науки криминалистики, обогатить содержание таких ее разделов, как «Общая теория криминалистики», «Криминалистическая тактика» и «Криминалистическая методика», а также углубить представления о таких понятиях криминалистической науки, как «методология криминалистики», «криминалистическая характеристика преступной деятельности», «механизм преступления» и некоторых других.

Содержащиеся в диссертации научные идеи и выработанные на их основе рекомендации также могут быть использованы в процессе ведомственного нормотворчества; в процессе раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел; в научной деятельности, а также при преподавании учебных курсов уголовного процесса и криминалистики.

По своей структуре работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Во введении обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость темы, избранной для диссертационного исследования, раскрываются цели, задачи, методология и методика исследования.

Первая глава диссертации – «Генезис научных взглядов на предмет и сущность криминалистики» – содержит два параграфа. В них автор дает развернутый анализ научных взглядов на предмет и природу криминалистики, предлагает ее авторское определение и раскрывает сущность этой науки в ее современном аспекте.

Вторая глава диссертации – «Методология криминалистики и ее место в системе юридических наук уголовно-правового цикла» – также состоит из двух параграфов. В этой части работы раскрываются вопросы методологии криминалистики как юридической отрасли научного знания, дается анализ развития научных взглядов на место криминалистики в системе юридических наук.

В третьей главе диссертации – «Объекты научных исследований в криминалистике», состоящей из трех параграфов,

исследуется преступная деятельность, а также деятельность по раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел как объектов исследований ученых-криминалистов. Последний параграф этой главы посвящен изучению взаимосвязи объектов научных исследований в криминалистике.

Четвертая глава диссертации – «Роль и значение криминалистики в системе юридических наук уголовно-правового цикла, ее соотношение с отраслевыми науками: уголовным и уголовно-процессуальным правом» – состоит из двух параграфов. В этом разделе работы дается теоретическое обоснование роли и значения исследуемой отрасли научного знания, содержатся выводы автора о месте, роли и значении криминалистики в системе уголовно-правовых наук.

В заключении автор работы формулирует свои основные выводы, рекомендации и предложения.

Идея автора о комплексном подходе к исследованию криминалистики как отрасли научного знания в системе правовых наук весьма продуктивна. Диссертант последовательно и аргументированно обосновывает свою позицию, предлагает авторские определения предмета и методологии криминалистики, обосновывает ее место в системе юридических наук уголовно-правового цикла, выделяет критерии для отграничения предметной сферы криминалистики от сферы интересов уголовно-правовых наук при изучении общих объектов познания, формулирует алгоритм получения сведений, относящихся к предмету криминалистики, определяет роль и значение криминалистики в системе юридических наук уголовно-правового цикла, ее соотношение с отраслевыми науками: уголовным и уголовно-процессуальным правом.

Апробация результатов исследования. Выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, нашли свое отражение в 70 публикациях автора, в том числе в пяти монографиях.

Соискатель является соавтором пяти учебно-методических комплексов по кри-

миналистике и первого в России электронного учебника по криминалистике. Результаты исследования также внедрены в практическую деятельность правоохранительных органов некоторых субъектов Российской Федерации и учебный процесс нескольких юридических вузов.

Диссертационное исследование Е.В. Смахтина является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований содержатся теоретические положения, которые можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы, имеющей важное социальное значение. Квалификационными признаками диссертации Е.В. Смахтина являются существенная новизна в постановке и решении крупной научной проблемы, высокая научная ценность и межотраслевой уровень полученных результатов исследования.

При общей положительной оценке рецензируемой работы не могу не отметить наличие в ней ряда отдельных недостатков, спорных положений, которые могут и должны стать поводом для научной дискуссии.

Основные из них:

1. Первое оппонентское замечание относится к формулировке темы диссертации. Она называется «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика». Сразу возникает вопрос: а что такое «уголовно-правовой цикл»? В законодательстве (да и в науке криминалистике) такое понятие, насколько мне известно, не используется, по крайней мере, в основополагающих научных трудах видных ученых-криминалистов. Встречается оно в названиях циклов учебных дисциплин средних школ милиции и соответственно в названиях некоторых кафедр филиалов и факультетов юридических вузов, где не хватает штатов для создания самостоятельных кафедр — отдельно уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

К тому же нельзя не заметить, что вся работа по своему содержанию носит общетеоретический, научный характер, а практический аспект в ней даже не выделен

структурно в плане диссертации (см. с. 2, 3 диссертации). Это не означает, что его нет вообще, но получилось так, что он носит «косвенный» характер и раскрыт в гораздо меньшей степени, чем научный аспект.

Кстати, монографии, опубликованные автором по теме диссертации, в указанном отношении весьма различаются по существу своих названий. Нам представляется наиболее точным, адекватно отражающим содержание диссертации одно из них: «Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом» (Е.В. Смахтин; монография, под общ. ред. А.С. Подшибякина. М.: Юрлитинформ, 2009).

2. Основное внимание в своей работе Е.В. Смахтин уделяет соотношению криминалистики с науками уголовного права и уголовного процесса. Однако гораздо меньше внимания уделяется криминологии, которая в ряде мест лишь упоминается автором как одна из наук уголовно-правового цикла. Формулировка темы диссертации обязывала (может быть, и в меньшем объеме, чем с уголовным правом и процессом) рассмотреть соотношение криминалистики с криминологией, хотя позицию автора по этому вопросу в принципе почеловечески понять можно: нельзя «объять необъятное».

3. Вызывает определенное сомнение вывод автора о «действенности предпринимаемых мер по реформированию правоохранительных органов и судебной системы» России (с. 6 диссертации), тем более уже во введении к диссертации. Такой вывод (даже и со ссылкой на статистические данные Верховного Суда РФ) явно не звучит сейчас, в условиях, когда государство, его исполнительная и законодательная власти вынуждены под давлением общества, народных масс принять экстраординарные меры к реформированию такого важного элемента системы правоохранительных органов страны, как органы внутренних дел. Все громче звучат голоса граждан России, включая ученых и практиков, о необходимости реформирования и других правоохранительных органов, а также судебной системы.

4. Говоря о научной новизне своего исследования, Е.В. Смахтин пишет, что диссертационные положения в своей совокупности как теоретическая и методологическая база для последующих исследований в области криминалистики «потенциально способны сформулировать новое научное направление в криминалистике» (с. 11 диссертации, с. 10 автореферата). К сожалению, в работе не приводится название этого нового научного направления. Надеюсь, что оно прозвучит на защите.

5. Критикуя понятие «криминалистическая характеристика преступления», автор диссертации предлагает ввести более точный, по его мнению, термин – «криминалистическая характеристика преступной деятельности» (с. 13, 197 и др.). Отметим, во-первых, что этот термин давно уже введен в криминалистику, использовался и используется многими учеными, в том числе и такими, например, авторами учебников, как Р.С. Белкин, И.М. Лузгин, Н.П. Яблоков, И.А. Возгрин, А.Ф. Волынский, В.П. Лавров и др. А главное, в трудах указанных и многих других ученых научной школы Р.С. Белкина употребляется не термин «криминалистическая характеристика преступления» (который пытается уточнить Е.В. Смахтин), а другой, на наш взгляд, более правильный термин – «криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений». По сути, это и есть характеристика при совершении преступлений определенных видов деятельности – вспомним даже названия глав учебников: «Расследование фальшивомонетничества», «Расследование мошенничества», «Расследование организованной преступной деятельности», где в качестве базовых разделов дается криминалистическая характеристика соответствующих видов преступной деятельности.

6. Несколько преувеличивается, по нашему мнению, возводимое автором в абсолют значение установления «следовой картины преступления» (с. 16 и целый ряд мест в дальнейшем изложении). В этом смысле недооценивается возможность искажения при отображении обстоятельств преступления в окружающей среде, осо-

бенно в результате противодействия расследованию со стороны преступника и связанных с ним лиц. Тем более, что автор относит результаты такого противодействия только к объективным причинам, приводящим к невозможности познать подлинную «следовую картину» преступления, даже в будущем. Думается, что противодействие расследованию – это не только «объективная» причина, но одновременно и субъективная, поскольку познание этой картины во многом зависит от воли, опыта, умышленных действий, характера вынужденного «взаимодействия» субъектов – участников процесса расследования (лица, совершившего преступление, следователя, потерпевшего, свидетелей, адвокатов – защитников и т.д.).

7. В целом в диссертации, по нашему мнению, недостаточно внимания уделено теоретическим вопросам способа преступления (см. структуру, оглавление разделов, глав, параграфов диссертационной работы). И в содержании везде механизм, модель механизма. Способ же – главное ядро, основа механизма – «тонет» в числе других элементов формулируемой автором категории «преступная деятельность». А между тем способ преступления по-прежнему остается важнейшей научной (да и практической) категорией, общей для всех «наук уголовно-правового цикла», о соотношении которых пишет автор диссертации.

8. Е.В. Смахтин дает свое определение криминалистики (с. 12, 57 и др.), в принципе не противоречащее, а наоборот, соответствующее принятому большинством ученых-криминалистов определению Р.С. Белкина, однако почему-то без включения в него закономерностей, которые всегда составляли основу белкинского определения.

Подход Е.В. Смахтина интересен как попытка сказать новое слово в науке, дать свою формулировку. Это в науке почти всегда полезно. Однако требуется объяснение – куда и почему исчезли закономерности? На с. 55 автор пишет: «Простое перечисление закономерностей теряет смысл». Вряд ли с этим можно согласиться. Смысл есть даже в простом перечислении. Перечень,

даже не закрытый, всегда имеет смысл для познания самого понятия и содержания предмета науки, а также для классификаций в этой науке, в том числе и в криминалистике.

9. На странице 18, в конце положений, выносимых на защиту, а также в заключении (с. 291) и на с. 338 автор утверждает, что «для возникновения, развития и окончания криминалистических отношений характерна диспозитивность, то есть свобода поведения участников отношений». Сам термин «криминалистические отношения», как известно, неоднозначно встречен учеными-криминалистами. К тому же, по нашему мнению, свободу поведения, о которой пишет Е.В. Смахтин, в условиях уголовного производства, где прежде всего и реализуются «криминалистические отношения», никак нельзя считать полной, безоговорочной. Вероятно, следовало написать об относительной свободе поведения.

10. Мы согласны с позицией автора о том, что криминалистика – правовая (юридическая) наука (с. 83, 84, 283, 284 и др.), но с оговоркой, что многие ее положения могут и должны быть использованы не только науками «уголовно-правового цикла», но и в науках гражданского права, гражданского процесса, административного права, административного процесса, теории ОРД, в ряде дисциплин, характеризующих другие виды деятельности (например, судебно-экспертной, арбитражной и т.п.).

Высказанные замечания носят небесспорный характер: они не меняют общего положительного вывода о научной значимости выполненного Е.В. Смахтиным диссертационного исследования. Ориги-

нальность постановки и разрешения исследуемых проблем, четкость изложения материала, строгость обоснования выводов делают работу значимой и интересной.

Основные положения диссертации изложены в многочисленных опубликованных работах, в том числе нескольких монографиях и 11 статьях автора в ведущих научных журналах, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки России. Автореферат соответствует содержанию рецензируемой диссертации.

Вывод: диссертация Евгения Владимировича Смахтина на тему: «Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика» является оригинальной законченной научной работой, соответствующей специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность и отвечающей требованиям ч. 1 п. 8 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований содержатся теоретические положения, которые можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы, имеющей важное значение для науки криминалистики, практики работы правоохранительных органов по расследованию преступлений, а также рассмотрению дел о них в суде. Автору диссертации может быть присуждена ученая степень доктора юридических наук.

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Shaganyan A.M. The concept of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation

The modern period in the development of the Russian state makes urgent the problems concerning the restriction of rights and freedoms of the man and the citizen. The article is dedicated to the analysis of the concept of the restriction of rights and freedoms of the man and the citizen, which was offered by Russian scientists in different times. The author offers his own understanding of this concept.

Keywords: man, citizen, rights, freedoms, restriction of rights.

2. The problems of state and municipal construction

Pozharsky D.V. Protection of social relations as immanent state function: the problems of state-function classification

The author of the article analyses the function of protection as one of the immanent state functions. The most important problems of methods, used in the research of state functions are examined in the article. Analysing the most popular domestic jurisprudence classification models, the author tries to reveal their strong and weak sides.

Keywords: state, state function, function of protection, problems of classification, protection of social relations, immanent function, public influence.

Volodina L.M. The questions of law-enforcement bodies reform

The problems of law-enforcement bodies of the Russian Federation reform and the content of the bill «About police» are considered in the article. The author offers some ways of improving the bill and formulates the directions of law enforcement bodies reform.

Keywords: law enforcement bodies, reform, human rights, bill, purpose of police, imperious subjects, duties, responsibility.

Kirichek E.V. Social and legal protection of law enforcement officers in modern Russia

The article deals with the problems of social and legal protection of law enforcement officers in modern Russia. The range of issues associated with the content and problems of social benefits and guarantees for law enforcement officers is considered. State policy in the sphere of police officers' social benefits and guarantees is an essential component of policy pursued by any socially oriented state. Not by chance there is a fairly extensive system of benefits for law enforcement officers in all developed countries which is organized depending on budgetary possibilities.

Keywords: protection, guaranteeing, realization, social benefits, guarantees, law enforcement bodies.

3. Private law, regulation of contracts

Chikulaev R.V. The mechanism of legal regulation of a turnover of securities

The complex problem of formation and functioning of the mechanism of legal regulation of public relations in the sphere of a civil turnover of securities is investigated in the article. The concept of such mechanism is offered and its basic characteristics, elements and features are described by the author.

Keywords: legal regulation, securities, market.

4. Criminal legislation and Criminology

Chukaeva N.G. Socially conditioned grounds of establishing of criminal liability for driving to suicide or attempted suicide

Basing on the analysis of the legal estimate of the social danger of driving to suicide genesis the author defines the socially conditioned grounds of the criminalization of driving to suicide. The appropriate changes to the criminal code of Russia are proposed.

Keywords: suicide, driving to suicide, social danger of driving to suicide, criminalization of driving to suicide.

Koptylev S.P. To the question on the subject of crime provided by Item 145.1 of the criminal code of the Russian Federation (nonpayment of a salary, pensions, scholarships, grants and other payments)

Due to the fact that many subjects of the Russian Federation have debts on payment of salaries, pensions, scholarships, grants and other payments, the problem of bringing the heads of the commercial and noncommercial organizations to criminal liability still remains. In this article the notion of the head of the organization, considered by various branches of law is analyzed, the basic characteristics of the head of the organization as subject of crime provided by item 145.1 of the criminal code of Russian Federation are defined. The author offers some changes to disposition p.1 item 145.1 of the criminal code of the Russian Federation.

Keywords: head of the organization; subject of nonpayment of a salary, pensions, scholarships, grants and other payments; authorized.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Shesler S.S. The concept and classification of distinguishing indications of objects in criminalistics examination

In the article the author considers the concept of distinguishing indications used in solving the problems of criminalistics examination. The distinguishing indications are classified into three groups: concerning the links with the class designating them; the allocating ability; the degree of stability for an allocated class.

Keywords: process of the recognition, task of the recognition, distinguishing indications.

Morgunov S.V. The questions of the improvement of the recidive criminality prevention in crime detection activity

In the article specific features of the recidive criminality prevention (forms and methods) used in crime detection activity are considered. By means of the critical analysis the author reveals the problems and lacks of preventive measures in crime detection activity. The author offers some ways to improve preventive activity.

Keywords: recidive criminality, recidivist, objects of prevention, forms and methods of prevention, crime detection, subject of special prevention

Agamagomedova S.A. Interaction between customs authorities of the Russian Federation with other state bodies in the fight against counterfeit goods trafficking

Protection of exclusive rights to intellectual property is one of the main functions of customs authorities. Its realization is a mechanism which effective functioning depends on the interaction between customs authorities and other agencies, such as the bodies of internal affairs, Transport Prosecutor's Office, Federal Service for intellectual property, patents and trade marks of the Russian Federation, etc. The interaction is carried out in various forms and at different

stages of detection and suppression of violations in the field of human intellectual property rights. This cooperation is of great importance for the functioning of the Customs Union.

Keywords: customs authorities, protection of exclusive rights to intellectual property, law enforcement agencies, Transport Prosecutor's Office, Federal Service for intellectual property, patents and trademarks of the Russian Federation, the Customs Union.

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Zavodnova S.V. Duties of the prosecutor at the pretrial stages of criminal proceedings

The author of the article examines the functional role of the prosecutor at the pretrial stages of criminal proceedings and defines his duties in the implementation of criminal procedural functions based on the analysis of scientific literature and legal practice.

Keywords: prosecutor, duties of prosecutor, criminal proceedings

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Karagodina A.A. Some aspects of militia activity in the Ural region during the Great Patriotic War (1941–1945)

The article considers some aspects of militia activity in the Ural region during the Great Patriotic War (1941–1945). The author gives different examples characterizing practical activities of militia officers on the territory. Additional material from the Documentation Centre of the Sverdlovsk region, the Yekaterinburg Museum of the Department of the Internal Affairs, Archives of Federal Security Service of the Sverdlovsk region is used.

Keywords: militia, disciplinary offences, service duties.

Krивonogova M.A. Collective rights: last, present, future

The article is devoted to the important but not fully investigated problem of the collective rights, namely to the analysis of the collective rights recognition in different historical epochs. The author investigates the main historical stages and makes up a conclusion that distinction, peculiarity, uniqueness, which are inherent to the collective rights, give the grounds to distinguish a new institute in theory of law – the institute of the collective rights which has virtually existed in practice for a long time already but still hasn't been consolidated in theory. Theoretical works in the sphere of the collective rights will promote the development of law science in whole.

Keywords: collective rights, collective, collective.

Pokryshkin E.V. Characteristics of the determinants of narcocriminality committed by gipsy communities and the ways of its prevention

The article is devoted to the questions of the characteristics and prevention of crimes in the sphere of illegal circulation of the narcotics committed by criminal groups existing in Gipsy communities. The basic tendencies of Gipsy narcocriminality, its prominent features, reasons, conditions and the factors promoting its development, as well as working out the ways of efficient activity of the law enforcement bodies directed to the prevention of such crimes are analyzed in the research.

Keywords: illegal circulation of narcotics, determinants, Gipsy narcocriminality, prevention.

8. The staff training for law enforcement agencies and scientific life of higher education

Osintseva A.V. Study of law enforcement officers' motivation in typical professional situations.

The results of the investigation describing important professional qualities of law enforcement specialists, their values and motives are described by the author in this article.

Keywords: service activity, values and motives, motivational mechanism, professional situations.

9. Surveys, reviews, criticism

Lavrov V.P. Review on the E.V. Smahtin's thesis «Criminalistics in the system of criminal law subjects: theory and practice»

The author of the research analyses the field which has not been investigated during three decades. E.V. Smahtin adheres to positions of the predecessors, considering and developing their basic views. He analyses the correlation of criminalistics with criminal law and criminal procedure in modern conditions. Highly estimating the scientific importance of the research, the official opponent notes a number of disputable positions to be discussed.

Keywords: criminalistics, legal sciences, criminalistic characteristic of a crime, *modus operandi*.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде (бланк заявки находится на сайте издания: <http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
- контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
- 4. Аннотация (на русском и английском языках).
- 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика»		Индекс УДК 343.14 (47)
Заглавие материала (на рус. языке)		
Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве		
Заглавие материала (на англ. языке)		
Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure		
Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке)		
Корнакова Светлана Викторовна		
Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке)		
Kornakova Svetlana Viktorovna		
Ученая степень (полностью)	Ученое звание	Контактная информация (тел., эл. почта автора)
Кандидат юридических наук	–	8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке)		
Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11		
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке)		
Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11		
Должность (полностью)		
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП		
Аннотация материала (на рус. языке)		
В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления		
Аннотация материала (на англ. языке)		
In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime		
Ключевые слова материала (на рус. языке)		
Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина		
Ключевые слова материала (на англ. языке)		
Adversary, equality term, justice, truth		

Примеры оформления списка литературы**1. Отдельные издания.**

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.**3.1. Локального доступа.**

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.; ред. от 16 окт. 2006 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Рос. газ. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; Рос. газ. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.